

КЛУБ «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

**КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ
РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
20 СЕНТЯБРЯ 2006 Г.
«КУЛЬТУРА ЖИЗНИ: ИДЕОЛОГИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА»**

**МОСКВА
2006**

**«Культура жизни против культуры смерти.
Российский идеал межнациональной симфонии»**
Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» 20 сентября 2006 г. —
М.: Издательский дом «Красная площадь», 2006 г., 108 с.

Журнал «Красная площадь»
Том II, № 1, 2006

Red Square Journal
Vol. II, N. 1, 2006

© Составление, Издательский дом «Красная площадь», 2006
© Оформление, Издательский дом «Красная площадь», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ

Александр Архангельский Кто мы, откуда, куда и зачем	5
Олег Генисаретский Жизнеспособность и наследие	8
Сергей Градировский Будущая национальная идентичность	12
Этнический фактор в нациостроительстве	17
Александр Неклесса, Вадим Цымбурский Культура жизни	28
Владимир Слуцкер Национальные ценности и национальный вопрос	33
Виталий Третьяков Бесхребетная Россия. Будущее Государства Российского как проблема	35
Валерий Федоров Уроки Кондопоги	40
Кондопога, далее везде	42
Шариф Шукуров Ксенофилия	45
«ДРУГИЕ» И «МЫ»	
Дмитрий Андреев Какая идеология нужна России?	52
Лев Аннинский Нехазарские страсти	59
Сергей Арутюнов О Кавказе с пристрастьем	63
Борис Дубин Мы как данность	66
Россия и другие	68
Валерий Соловей Трансформация русской идентичности и ее стратегические последствия	74

Валерий Тишков Что провоцирует нетерпимость	79
МИР И МЫ	
Александр Игнатенко Кровавая дорога в рай	87
Алексей Малашенко Сохранить идентичность	87
Борис Межуев Метафора революции	89
Сергей Переслегин Русский Мир: проектная составляющая	99
Найелл Фергюсон Мир без гегемона	101
Клуб «Красная площадь». Темы заседаний сезона 2005/2006	108

Александр Архангельский
КТО МЫ, ОТКУДА, КУДА И ЗАЧЕМ

Поздней весной этого года немецкое телевидение обсуждало литературный скандал. По решению властей Дюссельдорфа знаменитый австрийский поэт и прозаик Петер Хандтке был лишен премии, которую ему присудили доблестные дюссельдорфцы; решение отозвали, поскольку Хандтке не только публично защищает сербов и осуждает боснийцев, но и ездил на похороны кровавого диктатора Милошевича. Можно долго спорить о том, настоящий ли диктатор Милошевич, или так себе, типичный авторитарий; с другой стороны, обсуждать: большого ли ума писатель Хандтке, если произносит речи на похоронах не самого добросовестного политика конца 20 столетия. Но все это разговоры в пользу бедных. Или в пользу богатых. Несомненно одно: немецкий истеблишмент проповедует плюрализм — и при этом морально давит на просербски настроенного писателя, который решил пойти против общего мнения. Поскольку плюрализм дозволен в жестко обозначенных рамках: ты заранее на стороне меньшинства, ты заранее против имперского духа, ты заранее против силы. А если не против, то сам окажешься меньшинством, причем таким, на которое не распространяется правило любви к меньшинствам. Ты — меньшинство нехорошее, иди отсюда.

Но если вдуматься в смысл происходящего, если поглубже проанализировать подоплеку дюссельдорфского скандала, окажется, что вся эта левая дурь — не более чем оборотная сторона, искажение, помутнение ключевых моральных представлений нации о добре и зле, о том, что имеет значение, а что нет. Своим отрицательным фоном история с Петером Хандтке лишь резко оттеняет и обостряет контуры *базовых ценностей* современной Германии. Тех самых ценностей, без которых существование единой исторической нации невозможно. Не так давно журнал «Штерн» заказал компании «Форса» социологический опрос о значении ценностных ориентиров для сегодняшнего немецкого общества. Не знаю, чего ждали от опроса журналисты; возможно, надеялись получить подтверждение бытующему мнению, что теперешняя Германия уже не та; вот была бы тема номера! Ничего подобного. Та.

На первом месте — *честность*, из которой вытекает *корректное поведение*. Девяносто три процента на Востоке, девяносто два на Западе, и дальше практически одна и та же цифра — у мужчин и женщин, у молодежи, зрелых людей и пожилых; у служащих, чиновников, предпринимателей. Девяносто два, девяносто три; девяносто три, девяносто два. Только у рабочих «все-го» восемьдесят девять. На второе место немцы поставили *справедливость*. Что на Востоке, что на Западе, что у мужчин, что у женщин. И тоже фантастическое единодушие, за девяносто процентов. Третье место отдано *верности*. Четвертое *ответственности, чувству долга*. Пятое — *уважению*, шестое — *солидарности*, последнее *смелости*. (Урок Петеру Хандтке: не лезь на рожон.)

Разногласия возникают по другому вопросу: кто формирует ценностные ориентиры, родители или бабушки-дедушки, школа или сестры-братья, церковь или СМИ, а может, популярные люди? В том, что родители в этом смысле первые среди равных, согласны практически все. Насчет братьев-сестер, церкви и СМИ Запад и Восток характерно расходятся. На Западе братьям и пасторам доверяют куда больше, чем журналистам и популярным людям; на Востоке — наоборот. Это разногласие существенное, но не отменяющее главного: гражданская историческая нация в Германии есть, у нее имеется общее представление о базовых, фундаментальных ценностях, которые значимы для большинства, и все прочие различия — региональные, этнические, религиозные, имущественные, политические — отступают перед лицом этого великого неформального единства.

Еще и еще раз повторю: этим колоссальным общественным преимуществом можно пользоваться во вред, примешивая к нему личную или клановую глупость. Как это произошло с отозванной премией Хандтке: его наказали за то, что поступил не по-честному, несправедливо, безответственно, нарушая приличия. И не заметили, как сами нарушили принципы честности, справедливости, ответственности и уважения. Можно привести и другие примеры; я только что своими ушами слышал, как приятный во всех отношениях и достаточно внятный, даже умный

пастор всерьез рассуждал о необходимости подготовить специальную версию Евангелия для атеистов, из которой будет изъято слово «Бог», чтобы атеистические братья не смущались излишними различиями между собой — и верующими. Ибо в противном случае мы покажемся им нечестными, несправедливыми и проч., далее по списку. Но! это все помутнение, искажение глубинной основы; значит, у немцев есть, что исказить и замутнить. А у нас?

Что бы ни говорили скептики, Россия сделала колоссальный исторический шаг вперед во многих областях материальной и культурной жизни (которую все же не решусь назвать духовной). Да, у нас по-прежнему колоссален разрыв между успешными и неуспешными; но ведь он сокращается: еще пять лет назад мы говорили о десяти процентах вписавшихся в новую реальность, а теперь число их приближается к двадцати. И не только за счет роста цен на нефть (хотя, конечно, этому факторы мы многим обязаны). Еще вчера мечтать о показе отечественных фильмов в широком российском прокате было невозможно; теперь не только голливудский по стилю «Ночной дозор», но элитарный Александр Сокуров имеют свой российский экран. Накануне мощного индустриального рывка находится книгоиздание. Но. За все эти годы не сделано главное. Не найдены простые ответы на сложные вопросы: что же нас всех объединяет поверх бесчисленных различий? На какие ценностные ориентиры мы опираемся? Что значит быть россиянином сегодня? Откуда мы ведем свой род? Куда движемся? Что для нас имеет общее, надличностное, наднациональное значение?

До тех пор, пока в рамках широкой общенациональной дискуссии, в процессе совместной гуманитарной работы мы не найдем ответы на эти ключевые вопросы, мы не станем единой исторической нацией. Со всеми вытекающими последствиями. А наши политики будут по-прежнему настаивать на необходимости *национальной идеи*. Как это сделал в июле министр обороны Сергей Иванов, опубликовавший в газете «Известия» статью, в которой предложил новую триаду национальных ценностей. Суверенная демократия. Сильная экономика. Военная мощь. Между тем, как суверенная демократия — это всего лишь форма правления, удобная для нынешней элиты. Сильная экономика — элементарное условие существования успешного государства. А военная мощь — прямое следствие государственного суверенитета и сильной экономики. Форма, условие и следствие не могут быть ценностями — по определению; это все равно что армейский Устав назвать оборонной Доктриной. Для чего нам нужна военная мощь? Кому будет служить сильная экономика? Какие представления нации о себе самой и своих взаимоотношениях с властью обслуживает суверенная демократия? Вот что имеет смысл обсуждать; а о предложенной триаде спорить не приходится.

Когда российские интеллектуалы начинают говорить о ненужности общенациональных принципов жизни, они не просто глубоко заблуждаются; они отказываются выполнять свою историческую миссию. Без минимального набора общих ценностных представлений, приемлемых для буржуа и пролетария, жителя столицы и провинциала, человека культуры и бизнесмена, невозможно формирование единой гражданской нации и формулирование задач внятной политики; отказываясь от поиска базовых ценностей, мы обрекаем себя на бюрократическое правление с патерналистским оттенком. Но когда российские политики заводят речь о *национальной идее*, впору хвататься за голову и ожидать усиления авторитаризма, милитаризма и прочих державных «измов». Ни о какой базовой идеологии *государства*, о пресловутой «национальной» идее в современном мире не может быть и речи. Речь может быть — только о базовых ценностях *граждан*. Именно они вырабатывают, вынашивают общенациональную картину мира; интеллектуалы ее формулируют; успешное государство лишь обслуживает запрос, идущий снизу. Американец верит, что он яростный индивидуалист, свободолюбец и демократ; государство склоняет голову перед этой верой. Датчанин полагает, что он прирожденный общественник и коллективист, голосует за социалистов, платит 68 процентов налогов и не мешает индивидуалистам эмигрировать. Тут и заключен секрет настоящего суверенитета; государство слушается голоса нации.

В головах большинства современных россиян самая настоящая идейная каша. Представления о самих себе непоправимо расходятся с ежедневным опытом. Почти все убеждены, что они коллективисты; но никакое долгосрочное общее дело здесь не проходит. Зато как только возни-

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ. РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ

кает конфликт реальных (не политических) интересов индивида и несправедливой власти, общество мгновенно объединяется вокруг пострадавшей личности. Все убеждены, что мы не умеем и не любим работать; но кто последний раз вокруг себя видел людей, мало и плохо работающих? На выборах нет политической инициативы выборщика; зато в своем собственном пространстве россиянин не зашорен, рассуждает вольно, резко; просто его из поколение в поколение приучали к тому, что волю в бюрократическом мире лучше оставлять при себе. Большинство россиян не слишком религиозны, но все же без веры во что-то высшее ни один прагматический замысел не обходится. Ответь мне на вопрос, для чего я живу, и я горы для тебя сверну. А не ответишь, буду спать, как Обломов.

Вот вам и триада: *свобода-вера-солидарность*. Чем не основа, не отправная точка для начального разговора про базовые ценности? Такой разговор необходим, давно назрел. Но есть одно неперемное условие, без соблюдения которого разговор этот будет не только бесполезен, но и опасен. Это должна быть именно общенациональная дискуссия с участием всех сил, всех направлений, кроме радикальных; круглый стол, а не всенародное обсуждение нескольких тезисов в духе позднего СССР.

*В статье частично использованы материалы,
опубликованные на сайте РИА-Новости 1 июня 2006 г.*

© А.Н. Архангельский, 2006

Олег Генисаретский
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ

*Культурно-ценностные мегапроекты
и институциональные возможности их реализации*

НАСЛЕДИЕ, ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

Россия — страна разнообразных этнокультурных *традиций*, больших *цивилизационных* кругов, традиционных конфессий, представляющих великие мировые религии. В их вековом сосуществовании складывалась самобытная российская культура, в которой до сих пор слышны неповторимые голоса разных народов, населяющих нашу страну.

Однако, высказывая подобные констатации, не остаемся ли мы в состоянии не-до-определенных упований, не спеша перейти далее ко внятным стратегическим полаганиям?

В поисках плодотворной геокультурной ориентации и культурно-политического видения/действия в этом вопросе следует:

- от публичного признания культурного и духовного наследия основой жизнеспособности страны;
- от уверенности в том, наследие это уходит корнями в традиции конфессиональные;
- наконец-то перейти к внятной культурно-политической работе по *сохранению* сложившегося в стране этнокультурного *разнообразия* и его гуманитарно-проектному переосвоению;
- включив эту работу в состав первейших стратегических целеполаганий.

Сегодня довольно часто высказывается мнение о том, что для внутренней устойчивости страны, — и укрепления её международного авторитета, — важно преодоление аксиологического и экзистенциального хаоса, в водовороте которого оказалось чуть ли не большинство россиян; что развитие гражданского общества и гражданской государственности без преодоления этого хаоса вряд ли возможно. Констатации эти интуитивно правдоподобны, а вот намерение преодолеть ценностный хаос на путях идеологического поиска кажутся мне проблематичными.

Время больших идеологий закончилось вместе с доминированием индустриального способа производства и характерным для него дисциплинарным контролем больших масс населения.

В условиях становящихся в стране гражданского общества и гражданской, социально-ориентированной государственности преодоление аксиологического и экзистенциального хаоса нами видится сегодня, прежде всего, в выработке гуманитарной **этики гражданской уверенности и гражданского участия** в делах развития страны, преумножения благосостояния людей, в достижении признания её цивилизационного достоинства мировым сообществом — на условиях сохранения её культурной и духовной самобытности.

Не представляются убедительным и прямолинейное замещение идеологических конструкций **культурно-ценностной риторикой**, согласно которой «ценностные принципы всех религий едины для всех», что они нас «объединяют больше, нежели разъединяют», поскольку, де, «любовь к ближнему, сострадание, терпимость, взаимопомощь и бескорыстная отдача — принадлежат всему человечеству в целом».

Что это, как не новая редакция риторики общечеловеческих ценностей, продвигаемая теми, кто или забыл о том, что философия ценностей начинала свой путь с темы «переоценки ценностей», или не дал себе труда узнать об этом. И что историческая аксиология была вынуждена признать несходимость жизненных, — инкорпорированных в тело повседневности — ценностей исторически конкретных социальных групп (сословий, классов), этнокультурных и цивилизационных типов общежития?

Разве состояние сегодняшних межэтнических и межконфессиональных отношений, и богословская поверхностность множущихся, как грибы после дождя, религиозных диалогов не дает поводов усомниться в плодотворности лобового оптимизма подобной риторики?

Жанр культурно-ценностной риторики развивался в публичных практиках Нового времени.

В нем сопрягались четкие институциональные привязки — с интонацией дидактической убежденности. Предназначение института (*установления*) и организуемая им социальная реальность закреплялись в текстах, именовавшимися тогда *наставлениями*. При этом вопрос о духовно-практической, повседневно-поведенческой, а тем более психопрактической реализуемости предлагаемых нормативных установок оставался за скобками данного риторического жанра.

После того, как аксиологическое рефлексия обособилась, а ценностное сознание «вочеловечилось», изменился и способ публичного применения культурно-ценностной риторики. Она потеряла заведомую связанность к теми или иными институтами, и стала скорее *навигационно-стратегической*, чем институционально-организационной *практикой*.

Культурно-ценностные декларации и концепции и в наше время обладают известной воодушевляющей силой, — но только для тех, кто уже разделяет лежащие в их основе ценности, для кого они уже стали разделяемыми убеждениями. Если ценностные декларации и концепции не становятся основой проектных программ, если им целенаправленно не придаются институционально-организационной привязки, если они не получают опоры в гражданских, креативных или культурно-защитных практиках (тех или иных сообществ), то они «зависают», девальвируя до уровням манипулятивных форм интермедийной активности.

Но главное ограничение социальной эффективности расхожих культурно-ценностных риторик состоит в ином: в их неукоренённости в строе современной гуманитарной мысли, в актуальной проблематике гуманитарной культуры (являющейся, — наряду с правовым государством, свободным гражданским обществом, финансово-рыночной экономикой, — одним из цивилизационных императивов современности).

О ВОЗМОЖНОМ ОБНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЙ РИТОРИКИ

Из сказано ясно, что мы настаиваем на *неразрывном единстве ценностного* — духовно-практического и психопрактического — строя конфессиональных и этнокультурных традиций, как таковых. В первую очередь потому, что и те, и другие относятся к общей для них реальности личностно-родовых отношений и личностно-родового сознания.

Речь, разумеется, идет о рефлексированном традиционализме, устойчивые фигуры которого давно приобрели аксиоматическое значение и в рамках «высоких» культурных традиций, и в теле здравого смысла повседневности, и в опытах современного антропологического воображения.

Мы также считаем, что прицельной точкой обновления культурно-ценностной риторики, — если уж обращаться к ней, — является **гражданская риторика**, которая предотвращала бы саму возможность политического манипулирования конфессиональной и этнокультурной проблематикой, и содействовала бы развитию такого гражданского самосознания, такой **политики идентичности**, которые стали бы привлекательными для всех жителей наших стран и наших соседей.

Обращение к дискурсу этики гражданской уверенности и гражданского участия мотивировано для нас его гуманитарно-антропологической направленностью. Она, эта этика, с одной стороны, должна опираться на этические императивы традиционных вероисповеданий и этнокультурных установлений, но с другой, строится как гуманитарно-культурная этика участливой ответственности.

По мере кристаллизации в общественном самосознании ценностей гражданской уверенности и гражданского участия будут формироваться гуманитарно-политические представления о правах народов и культур, правах на своеобразие образа жизни разных сообществ, жизненных путей личности.

И речь идет не только об интерпассивной толерантности. Это будет жизнеутверждающая, действенная этика самооценности жизни, этика и основанная на ней культура жизнесообразности и жизнеспособности.

На этих условиях мы разделяем уверенность в готовности русского мира, копирующегося на свое духовное и культурное достояние, — приступить к разработке такого **этико-культурного мегапроекта**, такого **образа желаемого будущего**, который отвечал бы чаяниям не только на-

родам России, но и народам других стран и континентов. И предлагаем будущим участникам таких разработок оценить целесообразность включения в них перечисленные ниже проектные линии.

О НЕКОТОРЫХ ОПОРНЫХ ЛИНИЯХ В ПРОРАБОТКЕ ТЕМЫ «НАСЛЕДИЕ, ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И РАЗВИТИЕ»

А) Событийно-социальная режиссура деятельности в области музейно-памятного дела

В настоящее время — в каналах глобальных коммуникаций — распространяется много цивилизационных мегапроектов (экранных, музейно-памятниковых, культурно-туристических и т. д.), целью которых является не столько продвижение альтернативных моделей образа жизни (например, американского, дальневосточно-конфуцианского), сколько моделей **конфессионально-цивилизационной идентичности**, претендующих занять функциональное место, опустевшее после сворачивания «великих идеологий» индустриальной эпохи. Далеко не всегда они нацелены на конфессионально-цивилизационную гегемонию, на открытый конфликт цивилизаций, или имеют признаки имперских амбиций, или радикально-революционного пафоса.

Если рассматривать эти цивилизационные мегапроекты в их совокупности, в них можно слышать интонации скрытой, но вполне реалистической **цивилизационной синергии**, эффекты которой пока плохо осознаваемы, но, по нашему разумению, весьма действенны.

Чтобы России вступить на это поле конкурентной борьбы и/или стратегического сотрудничества, ей предстоит осуществить свою **культурно-экологическую капитализацию**, выдвинув ряд этико-культурных мегапроектов, в рамках которых культурно-исторический опыт страны обретет внятное проектно-стратегическое выражение и войдет в систему глобальных межцивилизационных коммуникаций.

Предметным полем работы в рамках этой стратегической перспективы сегодня в первую очередь является музейно-памятниковое дело.

После распада СССР перестала быть актуальной стратегическая установка на тотальную музеефикацию культурного наследия. Ныне в российском музейно-памятниковом сообществе действуют несколько профессиональных ассоциаций, музеев-лидеров, интернет-порталов, работающих — каждый в своем профессиональном горизонте — над темами «Изменяющийся музей в изменяющемся мире», «Музей как инструмент исторической и культурной памяти», «Русская пространственность и пространственное развитие страны», «Места памяти и силы».

Чего не наблюдается пока, так это объединяющей культурно-политической рамки, способной придать музейно-памятниковому делу общестрановую и международную перспективу, выводящей Россию в горизонт глобально-цивилизационных коммуникаций.

Б) Традиция и психологическая культура

Осознать самоценность традиции — значит увидеть в ней не только самобытный взгляд на мир, неповторимые обычаи образа жизни, но и ту глубинную психологию, имея в виду которую В. Семенов удачно назвал традицию «трансляцией субъективности». Самоценна не только каждая традиция, но все они являются достоянием общества как целого, будучи резервными возможностями культурного роста всех его частей.

В условиях интенсивного потока технологических, информационных и социально-культурных инноваций (и формирования соответствующих планетарных инфраструктур), традиционные психологические культуры Евразии начинают играть доселе несвойственную им роль. Когда нагрузки на психику человека достигают порога, за которым начинается деанимация, возникает тяга к использованию тех или иных психопрактик душевного и личностного роста. Традиционные психологические культуры опознаются при этом как источники самообразов внутреннего человека, приемов самоопределения и поведения в «за-личных» (трансперсональных) реальностях.

Именно этим оправдывается обращение к современной гуманитарной психологии и антропологии — для практико-ориентированного перепонимания проблематики личностно-родового сознания и его зрелости. Язык гуманитарных метафор, концептов и процедур позволяет каждой культурно-психологической традиции выразить себя способом, адекватным самосознанию сов-

ременного образованного человека и дающим возможность соотносить концепты и процедуры одной традиции — и каждой другой.

Когда же речь заходит о собственно духовных, религиозных традициях, сознание вступает в контакт с такими уровнями самобытия, самомышления и самочувствования человека, где уже не срабатывают фигуры обыденного и культурно специализированного сознания. Здесь требуется ясно ощущать грань между заповедованным человеку исповеданием веры и доступным ему свидетельствованием ее (через творческое самовыражение в чувстве, мысли или общении).

Это работа на пороге между сознанием и сверхсознательным, работа с символами и энергиями, образующими оболочку вокруг ценностного ядра самости, и потому на них уже не распространяется противопоставление «внешнего» и «внутреннего». Она, эта работа, предполагает принятие человеком ответственности за все переживаемые им духовно-душевные состояния (где бы ни лежали их источники), в том числе — за насильственные и разрушительные их проявления.

Гуманитарно-психологическая сопоставимость одних и других традиций само собой не ведет к релятивизму в отношении традиций, как таковых. Она лишь означает образование своего рода *рефлексивно-критической* ткани, концептуально и процедурно соотносящей их. Выбор же, как всегда, остается за человеком как личностью. Личностная зрелость как раз и состоит в способности отказаться от того, *что мне принадлежит*, и удовольствоваться тем, *к чему принадлежит я сам*. Когда все свои или чужие соображения «за» и «против» уже известны, нет нужды в продолжении словопрений. Ведь это чистой воды магизм — думать, что лишний раз произнесенное слово самим фактом своего произнесения может что-нибудь изменить в сознании тех, с кем мы не согласны и к кому обращаемся.

На этом дело, разумеется, не заканчивается: именно решение остановиться в точке несогласия открывает новые творческие и человеческие перспективы — поиска таких тем и областей общительности, совместная проработка которых позволит сделать следующий шаг — к иному, неочевидным в начале, согласиям... и несогласиям.

В) Незаданный вопрос об общенациональной психологической культуре

Если обратиться к нынешним внутренним российским обстоятельствам человеческого существования, действительно важным окажется раскрытие традиционных религиозно-культурных императивов, — схваченных мыслью риторически, — в материи повседневности, в этических рамках обыденной жизни, в нравах и поведенческих обыкновениях, объединяемых в общепринятом **культурном этикете**.

Люди хотели бы жить повседневностью без всеядной снисходительности, без игры на понижение и бытового насилия — в собственном доме, на улицах, на работе, в местах досуга.

Разговор о социально-гуманитарном стиле публичного поведения, воплощаемого в **общенациональных нормах психологической культуры**, вновь возвращает нас к обозначенным в XIX веке идеалам российской разночинной интеллигентности. В своем ценностном замысле она включала в себя не только уважение к человеческому разуму и критической рассудительности, к способности творческой самореализации, но и этику человеческого достоинства, уважительного отношения к мнениям, самоопределению и избранному образу жизни других людей, признавая правду-истину лишь наряду с правдой-справедливостью.

И разве не этот этико-психологический строй жизни когда-то именовался светскостью, вежественностью, порядочностью, а теперь худо ли, бедно ли — гуманитарностью.

Современная гуманитарная психология, психотерапия, педагогика и культурология уже не мало сделали в области воспитания — для практической проработки столь востребованных сегодня качеств человечности.

Целенаправленное продолжение этих усилий помогло бы хотя бы приблизить нас к внятной постановке вопроса о наличном и желаемом состоянии общенациональной психологической культуры.

Сергей Градировский
МАСШТАБ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Каков масштаб идентичности, такова и телесность

Россия — единственная республика на постсоветском пространстве, за последние пятнадцать лет сумевшая нарастить своё этническое, религиозное и этнокультурное разнообразие.

Если мы бросим взгляд на республики Закавказья, Прибалтики, Средней Азии и даже, чего уж там греха таить, на близкие нам ширину Украину и винощедрую Молдову, — везде за эти годы произошел рост доли титульной нации: в Украине стало больше украинцев, в Азербайджане — азербайджанцев, в Грузии — грузин, в Узбекистане — узбеков и так далее... И только в России после невероятного скачка гомогенности в результате распада Советского Союза, когда доля русского населения подскочила враз на отметку в восемьдесят два процента (последний раз такая большая доля русского населения в составе государства была еще до аннексии Московской Казанского ханства), стал тут же развиваться рост разнообразия, связанный с понижением доли русского населения*.

Всегда было так, что русский народ являлся цементирующим началом (согласно чеканной формулировке отечественных этатистов — государствообразующим этносом). Но, однако, его доля в российской и советской империях была скромной (покоясь в диапазоне 44-55 %)**. Этой половины от общего числа, этой особого качества закваски всегда хватало для того, чтобы, пропитывая всю толщу многоукладного быта, удерживать единым целым огромное пространство евразийского материка. Неудивительно, что всех, проживающих в России, к какой бы нации они не принадлежали, идентифицировали за рубежом в качестве «русских», по сути, отождествляя людей с различными фенотипическими характеристиками в качестве единого народа, фундированного в русской культуре и русском языке, а позже — народа, воплощающего советский исторический тип.

Процесс гетерогенности России в ближайшие годы и десятилетия будет нарастать. Насколько простирается наш взгляд, насколько наши демографы, этнографы и специалисты по миграции способны вообще мыслить про будущее России, настолько все они полагают процесс увеличения идентификационного разнообразия России.

В складывающейся ситуации перед нами остро стоит вопрос: будет ли в современной России выработана единая, рамочная по своей функции, идентичность? Будет ли создан некий связующий обруч (представьте условный обруч, стягивающий элементы бочки), способный стянуть различные этнические, религиозные, этнокультурные элементы России в единое целое? Или такая связующая идентичность нашему поколению уже не по силам? И тогда Россия, к примеру, выбрав один из европейских сценариев неспешного существования, в территориальном смысле должна будет скукожиться?

Неужели Россия — это шагреновая кожа, когда процесс можно длить и тянуть, но он задан и необратим?

Безусловно, Европа — распухающее тело, напалзающая на нас правовая субстанция, собственно *протоимперия*, ставшая реальностью благодаря новому целеполаганию старых европейских элит, сравнительно сильной идентичности европейца, респектабельности евростандарта, предсказуемости и желанности европейского образа и качества жизни.

* При этом, несмотря на все алармистские заявления о «деславянизации» нового российского пограничья, русское население Кубани, Дона и Ставрополя все еще составляет порядка 80-85%. Самой «нерусской» из новых пограничных областей России является Астраханская область, где удельный вес русских — 72% (С. Маркедонов).

** По результатам Первой Всероссийской переписи населения 1887 года, удельный вес великороссов составлял чуть более 44%. Однако это количество «распределялось» и на Великое княжество Финляндское, и на Царство Польское. В Советском Союзе (уже без Польши и Финляндии, но с Галицией и Закарпатьем) количество русских увеличилось до 55% от общего числа советских граждан (С. Маркедонов).

Россия же — одряхлевшее тело, со случайными границами (сложившимися не как государственные, а как административные), патологически высокой смертностью (когда каждый второй мужчина не доживает до пенсионного возраста), сомнительной, в глазах мирового истеблишмента, легитимностью правящего класса (и потому цепляющегося за паллиативы типа «суверенной демократии»).

Несмотря на знамя безопасности, с которым мы вышли на международную арену сразу после 11 сентября, мы находимся в позиции оправдывающегося неудачника. И не дай нам Бог скатится в позицию агрессивного подростка, хвастающегося именным оружием отца (ядерным потенциалом СССР).

Как это не парадоксально, в целях самосохранения Россия не должна переставать мыслить большими пространствами — наступлением и отступлением — превратившись в эдакую уравновешенную, респектабельную и стабильную Швейцарию. Потому что у Швейцарии и большинства других европейских стран отсутствуют вызовы, которые стоят перед Россией. Россия не находится в таком благоприятном, уютном, посапывающем положении. Россия многим одадена, но и обременена. И это наша судьба. И ее нужно принять.

Россия складывалась путем собирания земель. Европа — путем объединения. Россия обладает не просто крупнейшим в мире наследством, она обладает непростым, сложным наследством, к тому же, наследством оспариваемым, а бывало, что и раздираемым.

Поэтому у России свой путь и свои способы работы с пространством и территорией. Также России предстоит по-своему решать проблему заселения своего пространства. Потому что только заселение и освоение территории позволяет легитимировать свое право на владение. Поэтому мой тезис таков: *России следует перейти от геостратегии собирания земель к новой стратегической инициативе — собирания народов**.

Но, чтобы выполнить задачу собирания народов, нужно, во-первых, действительно иметь рамочную, обручную идентичность, которая разное сделает единым и взаимоприемлемым (и при этом не унифицирует), а, во-вторых, изменить отношение к собственному населению, потому что пока государство сохраняет в себе отдельные людоедские инстинкты, которые оно приобрело в предыдущие эпохи, у нас ничего не получится. Россия останется слабо привлекательной территорией для частной и общинной жизни. И, главное, слабо привлекательной территорией для общенациональной проектной инициативы.

Идентичность России складывается из совокупности наших личных идентичностей. Россия сохранится настолько, насколько мы, ее граждане, сами обладаем пресловутым идентификационным масштабом. Нормотворчеством здесь ничего не сделаешь, не сделаешь и средствами пропаганды и пиара. И не сделаешь с помощью силовых структур и боевых дружин. Это исключительно психолого-образовательная, культурно-политическая и, в первую очередь, духовная задача.

Напомню современную формулировку из нашей Конституции: «Мы — многонациональный народ». Если эту формулу перевести на европейские языки, изложить в рамках европейской политической культуры, то следовало бы писать — «Мы — многоплеменная нация», т.е. политическая нация россиян, состоящая из многих племен, родов, тейпов, народностей**. Но это лишь часть правды. Ведь черт скрывается в деталях. Вернемся в не столь далекое прошлое.

После протяженной тридцатилетней войны Европа определилась и стала последовательно, хоть и со срывами, конструировать самую себя по Вестфальским лекалам как систему national state. Речь идет о вполне определенной договоренности между ключевыми европейскими столицами по поводу того, как они начинают собирать и разграничивать между собой пространство Европы и, на следующем шаге, мира***.

А теперь представьте Россию тех времен, которая вдруг бы приняла эту европейскую игру и начала самоопределяться через понятие national state. Это бы стало началом ее конца! Я даже не

* См. Градиловский С. «От собирания земель к собиранию народов». М., 2005 г.

** Об этом см. у В. Тишкова.

*** М. Ильин.

говорю про Польшу и Финляндию, — с Украиной, Хивинским да Коканским царствами Москва не смогла бы справиться при таком типе национального самоопределения!

Одним словом, эту опасность европейничания мы избежали, но в этот момент Россию подстергала другая коварная беда.

Еще император Николай I прекрасно понимал надэтническую особенность российского общества и недаром вошел в историю своим высказыванием о том, что «нет хороших русских и плохих немцев, а есть хорошие и плохие подданные».

Он то понимал. Зато его внуки — ни черта не понимали! В правление Александра III произошел отказ от данного принципа, и, видимо, недаром, завершение царствования Романовых было омрачено глупостью русификации Польши и Украины. Русификации, ни к чему так и не приведшей, а только добавившей козырей в руки сил, раскачивающих на тот момент «лодку» российской государственности.

Еще раз мы наступили на те же грабли в тот момент, когда ослабла хватка советского режима. Самоопределение России путем создания параллельных структур партийной власти в существенной части спровоцировало крушение Союза.

Сегодняшнее самоопределение русских, если оно произойдет в рамках проекта «Россия для русских», продолжит процесс сворачивания результатов пятивековой колонизации Северной Евразии.

Это не просто поражение — это завершение цикла русской истории, причем, видимо, кровавое завершение. Можно представить, как во всех городах необъятной России начнут выдавливать вначале «чеченов» и «чурок», а затем «жидов» и «хохлов».

Обозначим наличие большого российского цикла. Выделим в нем две фазы — фазу разворачивания и фазу сворачивания масштаба национальной идентичности.

Фаза А, восхождения: от этногосударственности, через византийско-чингизидовскую империю к Советам, выдвинувшим подлинно мировой проект, впервые в истории задавшим всеобщую планетарную классовую идентичность.

Фаза Б, нисхождения: от момента сворачивания большевистского проекта в советскую интернациональную империю, через 91-й год, когда произошел сброс обязательств до масштаба национальной государственности, до сегодняшнего момента существования прямой угрозы отказа от проекта национальной России и перехода к этнонациональной*.

Если этот сценарий возобладает, если большой российский цикл не будет волевым образом преодолен, придется готовиться к совсем иному пространственному очертанию России.

Будем ли мы капитулировать? Я отношусь к оптимистам и считаю, что Россия неоднократно демонстрировала необходимые качества и невероятную силу социокультурной переработки — придания своих качеств другим народам. Люблю вспоминать, что во времена Бориса Годунова более половины дворянских родов не были славянами — это были тюркские и иные неславянские фамилии. В тот момент, когда русские войска стояли под белыми стенами Казани, примерная численность Московского княжества и Казанского ханства была одинаковой — историки говорят, примерно по шесть миллионов человек**. Сегодня русских сто двадцать миллионов, а татар всё те же шесть миллионов человек. Спрашивается: куда делись татары? Ведь геноцида, подобного североамериканскому, не было. Да они же сидят в наших костях! Потому и говорят: поскреби русского — обнаружишь татарина. А чтобы угра обнаружить — даже скрести не надо.

Перед нами стоит очень простая дилемма: или мы воспроизведём способность и страсть русского человека к интеграции иноплеменного, инокультурного, иноверного, или мы пойдём по одному из двух худых путей.

Пути первому, относительно лёгкому и приятному, в конце которого, возможно, станем одной из стран Восточной Европы, и в некотором смысле (а в культурном смысле точно) — не последними задворками большого и добротного европейского Дома. Для кого-то это удобный,

* С.Кургинян

** В.Похлебкин

приемлемый, наваристый вариант. Но мне почему-то кажется, что отказ от масштаба, от дерзкого отношения к окружающему пространству, отказ от других народов является прологом *другой* истории, не российской, а принципиально другой.

Может быть, большинство из нас готово согласиться на другую историю, и действительно, куда приятнее жить пусть в небольшом, но зато весьма уютном и безопасном государстве, со масштабными возможностями и потребностями мещанина, менеджера, буржуа. Ведь большинство из нас с удовольствием приезжает в Европу и окунается в ее гостеприимный быт, забываясь от российского бездорожья и придорожного хамства.

Так, может быть, смириться? Стать как все? Стать Европой?.. Но тогда мы уж точно не останемся «скифами» «с раскосыми и жадными очами». И разве это будем все еще мы?!

Путь другой, — путь этнонационализма, лозунга «Россия для русских!», приведет нас к большой крови и малой России. Да и кого из *нас*? Пожалуй, уже не совсем нас, ведь многих из *нас* к тому времени не будет, многие окажутся «недостаточно чистой крови», или недостаточно прямого носа, кто-то сбежит, кого-то сгноят, кто-то будет драться и погибнет... Это и есть гражданская война, которая венец конфликта общественного самоопределения.

Подчеркну: мы боремся за *национальное*, но не за то национальное, что обращено в сторону примитивизации всех форм быта и сопротивления, которое по природе своей активно культивируемый сорняк тупого и агрессивного национализма, а за такое национальное, что обращено к вершинам творчества, к многоцветию культур, стилей и форм; национальное, которое по сути своей наступательно, т.е. движение с целью интеграции в себя, а не выпихиванию за пределы себя, а, значит, на собиране, а не на разбрасывание, на внимание, а не на пренебрежение.

Полагаю, что главный вопрос сегодняшней русской жизни — это вопрос о мере допустимого напряжения: сколько душ, отождествляющих себя с Россией, смогут выдержать конфликт между частным и национальным? Выдержать ситуацию, когда с одной стороны, культивируется чувство местного, локального, тёплого, скрупулёзно чтимого, своего, а с другой, такого вселенско-охватного, которое способно к многообразию, поощряет его, включает постоянно новое в свой состав, в объём своей души? Выдержать ситуацию, когда, с одной стороны, соблазняют Европой, а с другой — русским топором.

Сколько нас способных выдержать напряжение, задающее масштаб общероссийской идентичности?!

Насколько это напряжение в ближайшие годы станет собирающим, а не разрушающим для большинства сообществ и большинства россиян, настолько это и предопределяет судьбу России, судьбу её в тех границах, которые нам достались от наших дедов и отцов. Ведь, ***каков масштаб идентичности, такова и телесность***.

Таким образом, обсуждая масштаб общероссийской идентичности, мы обсуждаем Россию в ее исторических границах. А ведь остаться в границах — это одна из безусловных задач России в XXI веке.

На огромном Евразийском пространстве множество наций — с этим трудно спорить; и эти нации имеют право на самоопределение (тем более что мы сами это право институционализировали, внося в мировую повестку дня); но над всем этим этноразнообразием доминирует «народ», получивший имя «сверхнарода», российского народа, и, обратите внимание, ни о каком самоопределении — в смысле сепаратизма — этого народа речи не идет, и ни когда не шло!

Верно подмечено: государство, построенное по принципу «Россия для русских!», является общественно-политическим антагонистом современного Российского государства*. Но скажу жестче: данный проект является антагонистом всей русской истории.

Отделяясь от кавказского, русский националист отделяется от России. Потому что он хочет Россию воображаемую, Россию усеченную, Россию «аккурат для своих», Россию, принесенную в жертву штедушному мифу о русском национальном господстве.

* С. Маркедонов

«Москва для москвичей!» — лишь частная вариация темы «Россия для русских». Глупость лозунга обнажается тем, что непонятно как вообще в таком случае возможна кооптация в состав москвичей вообще кого бы то ни было?! А без последнего — без притока мигрантов — Москва просто не жилец! Ибо не может существовать сам по себе город, в котором важнейший репродуктивный показатель — суммарный коэффициент рождаемости — меньше единицы! Доведенная до логического предела такая политика превратит Москву в остывающий, не способный к инновациям, дряхлеющий, полный стариков город. Развитие уйдет из Москвы и найдет себе другую площадку.

Властвовать и доминировать означает поглощать и интегрировать. Иметь право на власть — означает нести ответственность за судьбу общественного, а не только частного. «Москва — для москвичей!» — лозунг не столичный, а провинциальный. Лозунг лидера: «Все в гости к нам!». Лозунг аутсайдера: «Все что имеем — только для своих». Ведь чем выше коэффициент аккреции (способности втягивать окружающие демографические и иные ресурсы) — тем уверенней возрастает могущество города. Именно этим Москва сегодня и занята, и, надо заметить, во многом вопреки политике столичных властей.

У России две беды — европейничание и этнонационализм. Первая беда сворачивает Россию в Европу, вторая — в Смуту. Обе беды — болячки старые, известные. Обе — по сути, чужие игры, нацеленные на понижение русской миссии, на сворачивание масштаба национальной идентичности. И хотя все это изучено и проговорено, нет гарантий, что мы в очередной раз не наступим на те же грабли.

Итак, будем бдительны, *масштаб национальной идентичности предопределил историю России.*

Иссык-Куль, сентябрь 2006.

© С.Н. Градировский, 2006

Сергей Градировский

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

Настоящая статья первоначально писалась для лиц, принимающих решения, поэтому имела две части: «Что необходимо знать» и «Что необходимо делать». Автор предпочел сохранить структуру текста, изложив свои мысли в несколько иной стилистике.

ЧТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ

Во-первых, чрезвычайным является не то, что доля русского населения в будущем будет уменьшаться — чрезвычайно то, сколь велика она оказалась в результате распада СССР.

В 1991 году Россия внезапно стала гомогенной страной, русский этнический компонент составил порядка 82 %. Но при этом ни в СССР, ни в Российской империи доля русского населения не превышала 55 %*.

Разница, которая спутала все карты, лишь в том, что в другие исторические периоды Россия увеличивала свою гетерогенность за счет присоединения земель, а вместе с ними и инородного населения, а сегодня эта же самая гетерогенность пришла вслед за стягивающимся к историческому ядру (Московии) русским населением.

То, что происходит в последнее десятилетие с Россией, можно охарактеризовать как возвращение на круги своя. Фактически русская система стремится к равновесию, исторически сложившемуся балансу, при котором доля русских никогда не была столь огромна, и Россия никогда не полагала себя собранной на принципах этнического государства. Следовательно, существующая этническая гомогенность является для России делом непривычным, чужаковатым и временным.

Отсюда следует вывод, что беспокойство нужно выражать не по поводу падения доли русского населения в России, а по поводу падения уровня межэтнической и, конкретно, русской *комплементарности*, которой славилась и с помощью которой прирастала Россия, а также падения способности к ассимиляции, интеграции и натурализации**.

Считается, по крайней мере, после Льва Гумилева, что, покуда уровень пассионарности русского этноса был высоким, ассимиляция инородцев происходила довольно успешно. Комплементарные русским этносы (финно-угорские и тюркские народы Поволжья и Европейского Севера, чуваша, украинцы и белорусы) ассимилировались быстро и безболезненно, не комплементарные (народы Северного Кавказа, Прибалтики, Центральной Азии) замыкались и самоизолировались, не составляя конкуренции русским. Вместе с падением уровня пассионарности в XX веке снизилась и способность русского этноса к ассимиляции инородцев. Но возможно это не совсем так.

Способность к ассимиляции, как это не покажется странным, скорее всего, снижается по мере снижения потребности в ассимиляции. Завоевание и освоение новых территорий конечно же только на подъеме пассионарности и возможно — видимо отсюда создается впечатление, что пассионарность определяет способность к ассимиляции, но возможно мы имеем дело отнюдь не с причинно-следственной связью. Ведь после того как процесс формирования пространства переходит на стадию более глубокого его освоения, жесткие ассимиляционные процедуры с неизбежностью сменяются куда более мягкими — интеграционными. К этому рано или поздно приходят многие. К примеру, американцы, которые «от теории «плавильного котла» (melting pot), согласно которой из различных этносов выплавляется новая историческая общность — «американский народ», постепенно перешли к теории «салатницы» (salad bowl), предполагаю-

* Так, по результатам переписи 1897 года, удельный вес великороссов в общей численности населения Российской Империи был немногим больше 44 %, и не важно, что в границах современной Российской Федерации данный показатель составлял порядка 80 %, — полагало себя имперское сознание русского человека не в границах современной РФ.

** Требуется ответа вопрос: что на самом деле происходит? Мы имеем дело с объективным снижением уровня комплементарности или исключительно с субъективным восприятием ситуации, обусловленным кризисным состоянием общественного сознания?

щей, что вновь прибывшие иммигранты не ассимилируются в англо-саксонской культурной среде Америки, а встраиваются в существующее общество, сохраняя свое своеобразие, по аналогии с салатом, состоящим из большого количества ингредиентов, наструганных и перемешанных в одно кулинарное блюдо»*.

Анализ межпереписного периода позволяет говорить о вполне работоспособном механизме ассимиляции русской системы. Так, разница между данными текущего учета и полученными во время переписи (и особенно — скорректированными по методике Мкртчяна) свидетельствует о массовом — мы можем смело указать число в 1-2 миллиона человек — процессе смены идентичности в пользу русских. Не учтенная текущим учетом иммиграция, конечно же, имела место быть, но она в какой-то степени компенсировалась недоучтенной эмиграцией**. Разрыв в данных пришелся именно на тех, кто за текущий межпереписной период этнически переопределился***.

Таблица 1.

Динамика численности русских по текущему учету и данным переписи населения 1989 и 2002 гг. (тыс. чел.)

Численность по данным переписи 1989 г.	Изменения за 1989-2002 гг. (данные текущего учета)			Ожидаемая численность в 2002 г.	Полученная переписью численность	Численность с учетом корректировки ¹	Отклонения от данных текущего учета ²
	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост				
119865,9	-4979,1	-7978,9	2999,7	114886,8	115868,5	117141,4	2254,6

¹С учетом корректировки, предпринятой Н. Мкртчяном (об этом см. ниже)

²Отклонения между динамикой численности русского народа по данным переписи с учетом корректировки и по данным суммарного прироста/убыли по данным текущего учета населения

Источник: расчеты Д. Богоявленского и Н. Мкртчяна.

Еще в XIX веке в Новороссии была распространена следующая поговорка, иллюстрирующая народное понимание того, что есть русский человек: «Папа — турок, мама — грек, а я — русский человек». Кстати, именно Новороссия — пространство от Одессы до Новороссийска — в те времена демонстрировала самый высокий прирост населения и впечатляющую ассимиляцию. Но не в великороссов. Начался, но был прерван большевиками, процесс формирования нового этнического субстрата, кристаллизующегося поверх русского, украинского, молдавского, еврейского, крымско-татарского, греческого, болгарского, ногайского и многих других начал, говорящего на русском суржике, развивающего отличную от центрально-русских и поволжских губерний культуру. И это была Россия. Все та же Россия, органично вписывающаяся в новый вмещающий ландшафт Северного Причерноморья.

Во-вторых. Тем не менее мы должны понимать, что российское общество перегружено переменами, наэлектризовано ожиданиями новых социальных катастроф, находится в ситуации растущего неравенства и утраты политического представительства — все это может быть инте-

* И как далее остроумно продолжает Дмитрий Житин: «Правда, есть основания полагать, что уже в недалеком будущем «американский салат» все больше будет напоминать мексиканскую бобовую похлебку, густо сдобренную соусом Uncle Ben's и восточноазиатскими специями».

** По оценкам Денисенко, основанным на статистических данных корреспондирующихся стран, масштабы эмиграции из России реально выше на 20 %. (Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики / Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 8. Статистика и учет миграции населения. — Москва: «МАКС Пресс»)

*** Схожие процессы происходили и в других странах, появившихся на останках СССР, и везде смена идентичности преимущественно осуществлялась в пользу титульной нации, яркий пример — Украина.

рпретировано в этнических и расовых терминах. В складывающейся ситуации даже такой фактор, как разная детность у представителей различных народов, начинает восприниматься в терминах агрессии*.

Но у нас короткая память и мы забыли, что в имперский период все было наоборот. Тогда русский этнос только вступил в фазу демографического перехода, благодаря чему смертность начала резко падать, тогда как рождаемость оставалась на прежнем высоком уровне, а в некоторых случаях и росла. Трудно поверить, но те времена, когда русское племя росло гораздо быстрее (и в абсолютном, и удельном выражении), чем народы Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, исторически не так уж удалено от нас.

Сегодня мы имеем дело с другой ситуацией, но далеко не катастрофической, как это хотят представить алармистские эксперты и политики.

Уровень толерантности — величина управляемая. И если правительство занимает однозначную позицию в этом вопросе, а силовые структуры перестают тайно или явно поощрять «точечные» вспышки насилия, ситуация может очень скоро пойти на поправку. Из истории расистской Америки мы знаем, что, когда элиты США приняли решение уйти от расовой идентичности государства, власти начали с университетов. Были применены войска, но задача была решена. Америка очень быстро стала меняться. Наш уровень неприятия «кавказцев» и «азиатов» — гораздо ниже, чем у Америки тех лет по отношению к афроамериканцам. Поэтому ссылки на общественное мнение с целью оправдания чьей-то личной ксенофобии не должны рассматриваться в качестве аргументов.

То, что ксенофобия часто носит виртуальный характер, легко понять, ознакомившись с рядом исследований. Так, в частности, масштабные исследования, проведенные в 2002 году в Приволжском федеральном округе**, показали, что уровень толерантности в Оренбуржье с его высокими показателями миграционного обмена гораздо выше, чем в Республике Удмуртии, на практике почти не сталкивающейся с иммигрантами. В этой финно-угорской республике население не имеет никакого опыта проживания вне давно устоявшейся этнической среды. Все представления жителей республики — плод фантазий, слухов и медийных сплетен.

Независимые исследования по Краснодарскому краю показали, что уровень неприятия в отношении турок-месхетинцев не зависит от расстояния до мест их проживания. То есть люди, имеющие опыт и не имеющие никакого личного опыта общения и взаимодействия с турками-месхетинцами, одинаково не приемлют их. Последний факт указывает на то, что представления о народе (каким бы он ни был на самом деле) сформированы в виртуальном пространстве медиа и слухов.

В-третьих. Историческая, не отторгаемая функция русской социо-культурной системы — социо-культурная переработка. Причем не важно, населения, включаемого в состав империи путем присоединения земель (как это было на предыдущем шаге развития российской государственности) или путем входящего антропохода (как это есть и будет в ближайшей исторической перспективе).

Только так можно понять и принять переход от государственной концепции «собираания земель» к концепции «собираания народов». В залоге собираяния народов придется переосмыслить и предыдущие исторические этапы. По крайней мере, множество присоединенных территорий были населены народами, с культурной более древней, чем московская и тем более Санкт-Петербургская, что не помешало нашим предкам осуществить проектную миссию.

Поэтому наши т.н. «государственники», пропагандирующие изоляционизм на почве ксенофобии, вовсе не государственники, ибо свои действия не соотносят с историческим горизонтом существования русской системы. Современный русский консерватор должен заботиться о вос-

* Это явление уже сильно мифологизировано — приходилось слышать, например, что в чеченских семьях в наше время по 5-7 детей.

** Итогом данных исследований стал доклад Полномочному представителю Президента в Приволжском федеральном округе «Государство. Антропоход. Развитие государственности в ситуации демографической трансформации». — НН., 2003 г.

становлении базового механизма русской системы: втягивании в свой состав нового человеческого ресурса, что означает *чужое делать своим**.

В-четвертых. Кому-то может показаться удивительным, но Россия способна нарастить этнокультурное разнообразие даже за счет внутренних ресурсов, без участия иммиграции — что и продемонстрировали результаты последней Всероссийской переписи 2002 года. По причине мобилизации этнического самосознания и даже несмотря на сопротивление ряда региональных и части центральной бюрократий процесс расширения номенклатуры народов набирал силы. Малочисленные этнические группы не оставляют попыток обрести статус, которого они были лишены в советские годы. Крупные этнические группы стараются сохранить свою численность, в том числе за счет ассимиляции малых субэтнических и близких им этнических групп.

Численность, а автоматически иерархия этнических групп меняется под воздействием четырех факторов: демографического (естественное движение), миграционного (механическое движение), идентификационного и административного (приписки, разного рода давление на активистов малых этнических групп, подкуп интеллигенции с целью повлиять на нее и через нее на выбор народа).

Так, мало кто из экспертов сомневается, что продемонстрированный прирост башкир, чеченцев, ингушей и ряда других кавказских народов — во многом результат административного вмешательства в процесс переписи 2002 года.

Не секрет и то, что быстрое сокращение численности украинцев в России, равно как и русских на Украине, произошло не столько в результате миграционного обмена двух стран и естественной убыли данных этнических групп, сколько в результате процесса переидентификации, особенно представителей смешанных семей, когда человек с пограничной идентичностью выбирает этно-маркер, ассоциирующий его с титульным этносом государства проживания.

Таблица 2.

Этнический состав населения России по данным переписей 1989 и 2002 гг.

Источник: расчеты В. Тишкова на основании опубликованных данных переписей населения 1989 и 2002 гг.

Этнические группы	2002		1989		В % к 1989
	Тыс.	%	Тыс.	%	
Все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
Русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54	96,67
Татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
Украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
Башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
Чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
Чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
Армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
Мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
Белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
Аварцы	757,1	0,52	544,0	0,37	139,17
Казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02

* Тем более что этот базовый механизм — вещь совершенно естественная для русских, врожденная, наследуемая генетически. Если этот механизм столетиями воспроизводился спонтанным образом, безо всякой рефлексии, то как нужно было постараться, чтобы он стал давать сбои, чтобы его носители усомнились в своих возможностях, способностях, в своем предназначении?! (Из переписки с Татьяной Лопухиной.)

Этнические группы	2002		1989		В % к 1989
	Тыс.	%	Тыс.	%	
Удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
Азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
Марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
Немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
Кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
Осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
Даргинцы	510,2	0,35	353,3	0,24	144,41
Буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
Якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
Кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
Ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
Лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97

Сравним крупные народы России по темпам роста.

Таблица 3.

Рейтинг народов России по темпам роста (в % за межпереписной период).

Армяне	212,28
Ингуши	191,45
Азербайджанцы	185,03
Лезгины	159,97
Кумыки	152,42
Чеченцы	151,39
Даргинцы	144,41
Аварцы	139,17
Кабардинцы	134,71
Осетины	127,99
Башкиры	124,42
Якуты	116,78
Буряты	106,68
Казахи	103,02
Татары	100,65
Русские	96,67
Марийцы	93,96
Чуваши	92,31
Удмурты	89,10
Мордва	78,71
Немцы	70,89
Белорусы	67,54
Украинцы	67,47

Из таблицы 3 видно, что нарастание численности происходит за счет кавказских народов (причем первая десятка, кроме армян и отчасти осетин*, — это народы мусульманской культуры), а основное выбытие — если исключить выезжающих на свою историческую родину немцев и сменяющих этническую идентичность белорусов и украинцев — за счет финно-угорских народов.

Однако есть несколько позиций, по которым точность отражения этнического портрета России может быть подвергнута сомнению. Прежде всего это вопрос счета населения в отдельных субъектах Федерации юга России — республиках Дагестан, Чечня, Ингушетия и Кабардино-Балкария. Так, старший научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования миграции ИМП РАН Никита Мкртчян считает, что в результате переписи население этих республик и их соседей, а соответственно, и России в целом было преувеличено почти на 1 миллион человек. И этот миллион, естественно, имеет свою национальность. Не случайно именно народы перечисленных республик продемонстрировали, если верить данным переписи, удивительно высокий прирост (см. таблицу 3). Он был выше, чем в предыдущий межпереписной период, даже с учетом его удлинения на 3,75 года (ведь переписи 1989 и 2002 гг. разделяют 13,75 лет).

* Часть осетин являются мусульманами.

Таблица 4.

Рост численности отдельных народов Северного Кавказа в межпереписные периоды 1979-1989 и 1989-2002 гг., %.¹

Народы Северного Кавказа	1979-1989	1979-1989 (с пересчетом на более длительный межпереписной период)	1989-2002	Разница роста численности²
Ингуши	129,6	140,6	192,0	51,4
Табасаранцы	127,4	137,7	140,8	3,1
Лезгины	126,8	136,9	160,0	23,1
Балкарцы	126,7	136,7	138,4	1,7
Чеченцы	126,2	136,1	151,3	15,2
Даргинцы	126,6	135,7	144,4	8,7
Ногайцы	125,7	135,3	129,0	-6,3
Аварцы	124,1	133,2	149,7	16,5
Кумыки	122,7	131,3	152,4	21,1
Кабардинцы	121,1	129,0	134,7	5,7
Карачаевцы	119,5	126,8	127,8	1
Лакцы	116,2	122,3	147,3	25
Адыгейцы	114,6	120,1	104,6	-15,5
Абазины	114,5	120,0	115,0	-5
Осетины	114,3	119,6	128,0	8,4
Черкесы	113,9	119,1	119,2	0,1

¹Сортировка таблицы осуществлена по 3 столбцу.

²Разница роста численности отдельных народов Северного Кавказа в межпереписные периоды 1979-1989 (с пересчетом на более длительный межпереписной период) и 1989-2002 гг., %.

Источник: расчеты Н. Мкртчяна* на основании опубликованных данных переписей населения 1989 и 2002 гг. с добавлениями.

Определим лидеров роста.

Нет сомнения в том, что ингушские власти во время переписи откровенно перестарались. С трудом можно поверить и в такое ускорение естественного прироста у ряда дагестанских народов и у ежедневно гибнущих и иммигрирующих за пределы страны чеченцев**. Зато в Карачаево-Черкесии и Адыгее перепись, видимо, была наиболее адекватна.

В связи с изложенной нами ситуацией Н.Мкртчян предпринял попытку корректировки данных всероссийской переписи. Что и сделал с учетом (1) выявленного двойного учета некоторых

* Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи-2002. // Текст готовится к печати.

** Из: Мкртчян Н.В. «Влияние миграции...»: «Причина завышения численности населения Чечни и ряда других регионов России, по мнению В. Елагина (министр, в ту пору курирующий в правительстве РФ вопросы восстановления социально-экономической сферы Чеченской республики), в том, что «многие поселковые и районные власти заинтересованы в завышении численности своего населения», поскольку все социальные проблемы рассчитываются именно по этим данным. Об этом же пишет А. Черкасов (Мемориал): по его словам, припискам способствовали три фактора: 1) жители увеличивали число живущих в доме, страхуясь на случай зачисток; 2) правительство заинтересовано в завышении населения, чтобы обосновать завышенные запросы федеральным властям; 3) федеральный центр нуждался в иллюстрации стабилизации обстановки и аргументах для того, чтобы поскорее провести там выборы».

Таблица 5.

Разница в росте численности отдельных народов Северного Кавказа в межпереписные периоды 1979-1989 (с пересчетом на более длительный межпереписной период) и 1989-2002 гг., %.

Ингуши	51,4
Лакцы	25,0
Лезгины	23,1
Кумыки	21,1
Аварцы	16,5
Чеченцы	15,2
Даргинцы	8,7
Осетины	8,4
Кабардинцы	5,7
Табасаранцы	3,1
Балкарцы	1,7
Карачаевцы	1,0
Черкесы	0,1
Абазины	-5,0
Ногайцы	-6,3
Адыгейцы	-15,5

народов Сев. Кавказа и (2) распределения лиц, не указавших национальность во время переписи, в соответствии со структурой указавших национальность в том или ином регионе (т.е. не имеющие национальности в Москве, распределялись в тех же пропорциях, что и остальные москвичи, указавшие национальность).

В результате получился несколько отличный от опубликованного Росстатом этнический портрет населения России. «Прежде всего, доля русских в населении страны увеличивается с 79,8 % до 81,2 % (по переписи 1989 г. — 81,5 %). Доля же 15 наиболее крупных народов Северного Кавказа в населении России сокращается с 4,1 % до 3,5 % (в 1989 г. — 2,8 %). Состав первой «двадцатки» наиболее крупных народов России в результате такой корректировки не меняется, но многие народы Кавказа снижают свои ранговые позиции и общий вид ранжированного по численности ряда становится более похожим на ряд 1989 года»*.

В следующей таблице сравним самые крупные народы России, попавшие в престижный клуб «миллионеров».

Таблица 6.

Сравнительный перечень «народов-миллионников» России по данным переписей 1989 и 2002 гг. с корректировкой по 2002 г.

¹На наш взгляд, предлагаемая корректировка Мкртчяна, единственно, не ушла завышенные данные по башкирам, полученные не без помощи административного ресурса.

1989		2002		2002	
		(официальные данные)		(корректировка Мкртчяна ¹)	
Русские	119865,9	Русские	115868,5	Русские	117141,4
Татары	5522,1	Татары	5558,0	Татары	5586,0
Украинцы	4362,9	Украинцы	2943,5	Украинцы	2976,4
Чуваши	1773,6	Башкиры	1673,8	Башкиры	1676,9
Башкиры	1345,3	Чуваши	1637,2	Чуваши	1643,0
Белорусы	1206,2	Чеченцы	1361,0	Армяне	1140,9
Мордва	1072,9	Армяне	1130,2	Чеченцы	1123,7

Мы видим, что первые три позиции остаются неизменными. И в принципе изменить данную расстановку сил (к примеру, потеснить украинцев) может только реальная иммиграция из Китая или из Азербайджана (с одновременной легализацией уже накопленной незарегистрированной прослойки). Белорусов и мордву сменили чеченцы и армяне. Чуваши и башкиры по-прежнему будут сохранять свои позиции в списке «народов-миллионников». Есть шансы войти в это почетный список у аварцев (в особенности при включении в свой состав ряда малых близких народов Дагестана) и уже упомянутых азербайджанцев.

В-пятых. В связи с неточностями переписи северокавказский элемент был переоценен, а закавказский и центрально-азиатский — недооценен. Слухи же о гибели русского народа оказались явно преждевременными.

Напомним, что с учетом корректировки, проведенной Н. Мкртчяном, доля русского этноса упала с 81,5 % до 81,2 %. В принципе, это ничтожные изменения. Секрет такого неожиданного успеха в том, что сокращение абсолютной численности русского народа синхронизировано с

* Там же.

общим снижением численности населения России, а потери в естественном движении вполне компенсируются миграционным и идентификационным приростом.

Наступающий этап развития русской системы будет характеризоваться этнически иным составом иммиграционного притока, и потому иммиграция будет играть все более значимую роль в развитии этнической структуры Российской Федерации. При этом ассимиляция обретает все большую роль в сохранении единства и сплоченности.

В региональном аспекте миграция в последние полтора десятилетия способствовала моноэтнизации населения в одних регионах (республики Северного Кавказа, Поволжья и Сибири), в других — как правило, центрах аккреции — усложнению этнической структуры населения (Московская и Питерская агломерации, Белгородская и Калининградская области, Краснодарский и Ставропольский край, Астраханская и Оренбургская области). Но нигде никаких катастроф не произошло. В большинстве (но не везде) этих регионов уменьшилась доля славянской компоненты (внутри которой доля русской выросла), а доля кавказской и центрально-азиатской увеличилась.

Таблица 7.

Этническая структура населения отдельных регионов России в 1989 и 2002 гг., в %

	Годы	Русские, украинцы, белорусы,	Азербайджанцы, армяне, грузины, абхазы	Народы Северного Кавказа	Народы Центральной Азии	Другие народы
г. Москва и Московская область	1989	95,0	0,7	0,2	0,2	3,9
	2002	93,3	2,1	0,4	0,5	3,7
СПб и Ленин- градская обл.	1989	94,5	0,6	0,2	0,4	4,4
	2002	95,0	1,0	0,3	0,2	3,5
Белгородская область	1989	98,7	0,3	0,1	0,1	0,8
	2002	98,5	0,5	0,1	0,1	0,8
Калининградская область	1989	94,2	0,5	0,2	0,2	5,1
	2002	93,5	1,3	0,3	0,2	4,8
Краснодарский край и Адыгея ¹	1989	89,7	4,1	2,7	0,1	3,4
	2002	88,1	5,9	2,8	0,1	3,2
Ставропольский край и Карачаево- Черкессия ¹	1989	80,9	3,1	11,9	0,6	3,5
	2002	76,9	5,6	13,1	0,6	3,8
Оренбургская область	1989	77,5	0,3	0,2	5,3	16,8
	2002	78,0	0,9	0,2	6,1	14,8
Астраханская область	1989	74,3	0,8	2,2	13,2	9,5
	2002	71,4	1,6	3,0	14,6	9,4
Ростовская область	1989	94,6	1,9	1,0	0,2	2,3
	2002	92,8	3,1	0,9	0,2	3,0
Волгоградская область	1989	92,7	0,6	0,8	1,8	4,0
	2002	91,7	1,7	0,9	1,9	3,8
Самарская область	1989	86,5	0,4	0,1	0,7	12,4
	2002	86,5	1,3	0,2	0,8	11,3
Саратовская область	1989	90,1	0,7	0,7	3,0	5,5
	2002	89,4	1,7	0,8	3,1	5,0

¹ объединены ввиду отсутствия данных отдельно по Краснодарскому и Ставропольскому краям в 1989 году.

Источник: расчеты Н. Мкртчяна на основании опубликованных данных переписей населения 1989 и 2002 гг.

В-шестых, нужно помнить, что есть разные уровни этнической и даже расовой самоидентификации личности. Как об этом пишет Дмитрий Житин, карел, проживающий в деревне Олонецкого края, вполне естественно осознает себя карелом. Попадая в Москву и уж тем более на Кавказ, он вполне органично чувствует себя русским, а находясь за границами РФ — по праву именуется «россиянином». Где-нибудь в Папуа-Новой Гвинее он будет ощущать себя европейцем, белым человеком. Следовательно, в зависимости от этнического окружения и степени его комплементарности человек абсолютно неосознанно выбирает соответствующий ситуации уровень самоидентификации. В принципе, управление таким сложным и вполне вольным ансамблем идентичностей есть сугубый предмет культурной политики. Сочетание культурной политики с политикой натурализации позволяет формировать такую социологическую единицу, как политическая нация.

ЧТО НЕОБХОДИМО ДЕЛАТЬ

Принимая во внимание тот неоспоримый факт, что этнокультурное разнообразие и доля нерусского населения в РФ будет возрастать, целесообразно развернуть последовательную политику в области натурализации (работа с гражданством, национально-политической, равно гражданской идентичностью) и интеграции. Что потребует различения на уровне управления и умелого сочетания политик интеграции, адаптации, ассимиляции и натурализации.

А. Необходимые работы в области натурализации:

1. Признать право граждан на множественную этнокультурную идентичность. Институционализировать это право во время очередной Всероссийской переписи. (Речь идет о том, что огромное количество людей во время переписи вынуждены выбирать, кем они или их дети* являются в этническом плане, хотя в обыденной жизни, в быту они могут об этом и не задумываться, проживая в смешанных семьях, к примеру, русско-татарской, башкиро-чувашской или русско-чеченской.)

2. Не препятствовать культуре смешанных браков**, легализуя идентичность ребенка в таком браке путем принятия им множественной этнокультурной идентичности в «обрамлении» гражданской. Брачность является наиболее четким индикатором и степени ассимиляционных процессов, и уровня комплементарности этносов, проживающих на одной территории. В России один из самых высоких в мире уровней этнически смешанных браков. Сам факт этого указывает, какими преимуществами располагает Россия, решая стратегическую задачу включения внутрь себя новых народов.

3. Одновременно с этим необходимо «тушить» время от времени вспыхивающий этнополитический дискурс, трансформируя энергию общин, диаспор, землячеств в практические мероприятия по нациостроительству (понимая под последним российское «nation state» и соответствующий формат гражданского общества), вкуче с общекультурным строительством.

4. Отказаться от политики институционализации и огосударствления этнического фактора, от всех форм документированной фиксации этнической идентичности. Иначе говоря, не должно быть документов с гербовой печатью, закрепляющих этническую принадлежность гражданина России (исчезновение из российских паспортов графы «национальность» — ранее предпринятый шаг в нужном направлении)***. Укреплять нужно исключительно гражданство, наращи-

* Любопытный случай рассказал автору текста один из оренбургских переписчиков Всероссийской переписи 2002 года. Отец башкир и мать татарка долго и упорно спорили, как им записать свою дочь — по отцу или по матери. Никто не хотел уступать другому. Когда у переписчика не выдержали нервы и он, плюнув на все, решил уйти, родители в сердцах сказали: «Пиши — англичанка!» В ответ на недоумение переписчик услышал: «Она английский в школе учит...»

** Собственно хотелось бы написать жестче: поощрять культуру смешанных браков. Смешанные браки не так трудно сделать модными (особенно среди комплементарных этнических групп): не секрет, что нередко дети от смешанных браков внешне гораздо привлекательнее, чем потомство этнически однородных пар — чем не стимул?

*** Здесь важно не перегнуть палку. Грубое и предвзятое наложение «табу» на всякое упоминание этнической принадлежности гражданина у многих меньшинств, как правило, активной творческой

вать престиж общероссийской национальной идентичности, подпитывая чувство причастности к политической нации россиян! Подчеркнуто увеличить значимость российского гражданства на фоне чужих гражданств и собственного вида на жительство. (К примеру, гражданин РФ должен иметь не только все более «почетную обязанность» пройти армейскую службу и не только право избирать и быть избранным, но и другие существенные, а не номинальные преимущества.)

5. В целом, необходимо сменить ключевую формулу конституирования этнополя страны, перейдя от формулы «многонациональный народ» к формуле «многонародная нация». Придется признать, что Конституция 1993 года унаследовала рудимент сталинской национальной политики. Приемлемая формула могла бы звучать как: «Мы — народы Российской Федерации, образующие политическую нацию россиян...».

К тому же «многонациональность», как верно отмечает Валерий Тишков**, даже чисто лингвистически закрывает возможность рассмотрения Российской Федерации в качестве государства, спаянного общей национальной идеей, а россиян — как многоэтническую гражданскую нацию. Более того, многонациональность, просочившаяся в нашу Конституцию, фактически оставляет вопрос о праве наций на самоопределение открытым, закладывая мину замедленного действия под целостность Федерации.

6. Другими словами, национальное необходимо сделать рамочной, общероссийской, а не групповой, племенной идентичностью. Если мы этого не сделаем, нарастание этнического многообразия рано или поздно разорвет страну.

7. Необходимо жестко наказывать любые попытки сегрегации на этнической, расовой или религиозной почве. К сожалению, отдельные структуры неравенства мы унаследовали еще с царских времен, и с ними не только трудно бороться — их крайне сложно делать видимыми и обсуждаемыми фактами***. Этническая принадлежность независимо от того, «русский» ты или «не русский», не должна давать никаких «бонусов» или «штрафных баллов» ее носителям. Как личное дело каждого — верить ли ему в Бога и где молиться — в церкви, мечети или синагоге, так и этническая принадлежность гражданина России должна оставаться его сугубо внутренним делом.

8. Необходимо расширить само понимание того, что значит быть русским, и в частности — что значит быть русским в России. Необходимо бороться с сужением этого понятия до мифического фенотипического облика, определенного цвета кожи, «общеизвестного» звучания фамилии, пресловутой «чистоты крови». Нужно активно разрушать стереотипы, согласно которым невозможно быть русским с кавказской внешностью, мамой еврейкой или армянской фамилией. В этом смысле русское должно быть поднято до национального и оторвано от этнического. Или нам придется совсем в других границах за задворках Европы строить давно никому не нужное nation state.

9. Точно так же — и здесь мы можем согласить с В. Тишковым — следует изменить понимание категории «родной язык». Сегодня, к сожалению, под последним понимается язык родствен-

интеллектуальности, вызовет лишь обиду и ответную реакцию против «унификации»: «Если я чувствую и ощущаю себя тувинцем, украинцем, татаринцем и etc., то почему я должен это скрывать?»

** *Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу. Доклад. — М.: ИЭПП, 2004.*

*** *См. Градировский С., Малахова Е.: Противоречия статусности религиозных организаций и объединений / из сборника «Преодолевая государственно-конфессиональные отношения», НН, 2003 г.*

**** *Исследование Арутюняна армян и азербайджанцев в Москве убедительно показывает, что эти два конфликтующих у себя на родине этноса демонстрируют в крупном мегаполисе ярко выраженное стремление к межнациональной идентификации и утрачивают многие элементы национальной культуры. И те, и другие становятся прежде всего столичными жителями, и собственная этническая атрибутика у них неизбежно вытесняется. По данным Арутюняна, среди москвичей 2/3 детей армян и 1/4 детей азербайджанцев не знают «своих» языков; у семейных армян доля национально-смешанных браков составляет 56%, у азербайджанцев — 30%, значительная часть их взрослых детей называют себя русскими. // Арутюнян Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе / Социологические исследования, №1, 2005, с.36.*

ной этнической группы, а в мировой практике — основной ежедневно используемый язык. Вслед за американцами полезно было бы различить «native language» и «mother tongue» — родной язык, на котором говоришь и думаешь, и т.н. материнский язык, то есть язык родителей. Такое изменение позволяет гораздо эффективнее осуществлять массовый переход на государственный язык иммигрирующей молодежи, не мороча ей головы «племенными» обязательствами. Русский язык — не собственность русских, а один из мировых языков делового, научного и проектного мышления. И он является конституирующим для русской системы.

Б. Необходимые работы в области интеграции и адаптации:

1. Избегать анклавного (компактного) расселения иммигрантов. Если мы хотим поддерживать высокий уровень интеграции и ассимиляции, нужно научиться создавать «расселенческие миксты». Особенно это касается геополитически значимых мест и центров экономического роста. К примеру, Дальний Восток, где ошутимо китайское присутствие в приграничных зонах, необходимо «разбавлять» народами, традиционно противостоящими китайской экспансии, — вьетнамцами и корейцами.

2. Картировать страну на предмет комплементарных зон для иммиграции граждан той или иной страны и этнической принадлежности.

Полагая первые два пункта нужно помнить, что административное управление здесь непригодно. Даже могущественный Советский Союз в брежневские времена направлял не больше 20 % внутренней миграции. Необходимы косвенные методы управления.

3. Способствовать заселению «новожителей» в местах экономического роста, в местах активного создания новых рабочих мест. В сельской местности шансов на ассимиляцию практически нет: слишком высока консервативность всего крестьянского уклада и низка мобильность. Самые высокие темпы ассимиляции наблюдаются в местах, требующих наиболее интенсивных форм заимствования новых стандартов жизни.

4. Стимулировать внутреннюю мобильность граждан России. Та часть коренного населения, которая привыкла перемещаться по территории страны в практических целях продолжения учебы и делания карьеры, гораздо терпимее относится к иммигрантам.

5. Формировать «позитивный образ» россиянина, чтобы российская гражданская идентичность выигрывала у этно-национальной. Этот проект должен быть достаточно модернизированным и вместе с тем не отрываться от корней «питающих» его территории, культурных традиций народов, служащих ему основой. В мире много примеров успешного формирования гражданской идентичности поверх этно-национальной: США, Франция, Великобритания*, Испания и т.п. Да и в дореволюционной России «русскими» становились не только русские по крови, а «православные», «все, кто участвовал в русской культуре», именно поэтому и численность русских на протяжении всей истории России определялась не столько уровнем рождаемости и процессами миграции, сколько пониманием содержания «русскости».

6. Создать и широко распространить методiku «обучения русскому как второму языку»; она должна быть такой же технологичной и массовой, как TOEFL; а также — «Краткий курс гражданских прав и обязанностей», который, как легко предположить, станет полезным не только иммигрантам, но и большинству коренных жителей страны.

Автор благодарит Татьяну Лопухину, Дмитрия Житина, Ольгу Выхованец и Никиту Мкртчяна за целый ряд полезных замечаний и свежих мыслей.

Публикуется по согласованию с автором.

© С.Н. Градировский, 2005

Ранее опубликовано на сайте «Полит.Ру», 3 мая 2005 г.

**Есть данные, что после распада Британской империи устойчиво растут доля и абсолютное число британцев, которые не считают себя британцами, но англичанами, шотландцами, валлийцами и т.д. — либо же европейцами. Так что, похоже, идентичность имперского типа удерживается только до тех пор, пока сохраняется сама империя, пока империя транслирует свои универсальные смыслы. Понятно, что остается открытым вопрос об универсальных ценностях, транслируемых Россией.*

Александр Неклесса, Вадим Цымбурский
КУЛЬТУРА ЖИЗНИ

1.

В современной России нестабильность в сфере социальных, этно-национальных и конфессиональных отношений обусловлена комплексом причин как общемирового, так и внутреннего, российского свойства. Каковы же те мировые вызовы, которые способны сегодня прямо или косвенно влиять на обострение ситуации в стране?

К концу XX столетия господствовавшая в мировом сообществе идеология «развития для всех» постепенно сменяется логикой глобального управления, основанной на принципах системного контроля над ресурсными и финансовыми потоками, на выстраивании «мировой властной вертикали» субъектов международных связей. Средствами новой политики становятся, в частности, манипулирование глобальным долгом, игры на финансовых рынках, методы продуцирования рисков, технологии управления хаосом, применяемые и с целью извлечения необходимых ресурсов, и для динамичного контроля над социальными процессами на планете.

Народы, оказавшиеся объектом подобной политики, испытывая стеснения, в свою очередь бросают вызов хозяевам нового миропорядка, причем опираясь в своих действиях также на фактор свершившейся глобализации. Формами ответа становятся подчас столь извращенные деяния, как трагедия 11-го сентября 2001 года, равно как и предшествующие ей, а также последующие акты «системного терроризма», грозящие превратиться в своего рода чуму XXI века.

Наше время отмечено также опасными извращениями духа, прозорливо охарактеризованными на грани *fin de siecle* покойным папой Иоанном Павлом II как **культура смерти**. Данная культура, проявляется в выходящей из глубин подсознания тяги части человечества к массовой деструкции и самоуничтожению. Эта тяга, носящая порой почти иррациональный характер, эксплуатирует разнообразные достижения цивилизации и проявляется в широчайшем диапазоне: от узаконенной эвтаназии до имеющих высокотехнологичную основу событий 11 сентября 2001. Но наиболее драматично — в нарастающей на протяжении последних лет эпидемии террористов-самоубийц...

В современном мире, в ходе нового переселения и смешения народов, религиозные и этнические сообщества, взаимопроникающие, подчас небезконфликтно обитающие на одних территориях, заметно обновляют социальную ситуацию, выдвигая на повестку дня вопрос о путях и самой возможности гармоничного сосуществования в глобализированном, мультикультурном сообществе.

В последнее время все больший интерес вызывает, и все чаще обсуждается, историческое будущее мировых религий, в особенности — направления развития ислама. Мы наблюдаем с одной стороны возрождение социальных, политических амбиций одной из основных мировых религий, но одновременно и попытки адаптации мусульман к образу жизни западного общества. И вместе с тем — стремление части сообщества произвести на свет *идеологию воинствующего исламизма*, имеющую мало общего с обликом ислама как религии. Тем не менее, нарождающаяся на свет идеология — демонстрирующая подчас, как это не странно прозвучит, признаки, характерные для эклектичных постмодернистских конструкций — пытается утвердить себя на планете в качестве специфического трамплина для доктрины мировой насильственной революции, носительницы плевел мировой гражданской войны.

Действительно, столкновение в объединенной в глобальную целостность Ойкумене двух неправедных сил — Нового Севера и Глубокого Юга — способно породить явление миру того, что можно было бы определить, не как IV мировую войну, но, скорее, как первую гражданскую войну общепланетарного масштаба (*First Global Civil War*).

2.

Кризис этот грозит обрушиться и на многонациональную, поликонфессиональную Россию-РФ — страну, населенную многими народами, исповедующими различные религии. Здесь так-

же обнаруживаются политические силы и скрыто, и явно пытающиеся перенести нарастающий конфликтный потенциал на российскую территорию, утвердив Российскую Федерацию в качестве вынужденного партнера и одновременно — жертвы противоборствующих сторон.

В подобных условиях социальный опыт России — страны с многовековой историей, на разных этапах своего пути, реализовывавшей собственную версию сосуществования людей различного этнического и конфессионального происхождения, сообществ, отличающихся в своем понимании трансцендентных ценностей и миропознания — этот опыт приобретает в наши дни совершенно особую ценность.

В чем смысл тернистого пути России? Один из ответов на подобный «вечный» вопрос — со всеми оговорками и присущими человеческому естеству огрехами — для страны все же, в целом, не были характерны ни насильственная русификация, ни насильственная христианизация входивших в империю многочисленных народов. Подобная позиция объяснялась не в последнюю очередь специфическим мировидением, побуждавшим правителей государства выступать державными попечителями о множестве племен с разными языками, обычаями и верованиями — людей, совместно переживших весьма непростые коллизии, представлявших как бы «мир в себе» под общей имперской властью.

Советская версия специфической реформации страны основывалась — в числе других оснований — на идее ускоренного перехода в модернизационную фазу истории, где религии сохранялись бы лишь в качестве рудиментов прошлого. А многочисленные народы, населявшие СССР, должны были по замыслу устроителей так или иначе, но при этом на равно редуцированных, окороченных основаниях, приобщаться к историческим свершениям державы.

Провал большевистского проекта обернулся не только трагическим распадом прежнего государственного организма, но также восстановлением достоинства традиционных религий и культурных ценностей, обитающих здесь народов, декларацией о намерении возродить попранное личное достоинство человека и гражданина. Другое дело, что декларации и практика их реализации приводят подчас к совсем не очевидным для «отцов-основателей» того или иного социального проекта результатам...

Однако тернистая история государства Российского: страны, претерпевшей на своем многовековом пути немало трудностей и скорбей — на бескрайних, «от моря до моря» пространных которой долгое время сосуществовали народы, придерживавшиеся разных конфессиональных ориентаций и культурных ценностей, — все это создавало весомые аргументы для секулярного устроения государственной оболочки державы на основе принципов, которые в наши дни определяются специалистами как «гражданская религия».

В период советской истории понятие это, хотя и существовавшее под совершенно иными именами, было наполнено единообразным, причем не слишком приятным и весьма памятным содержанием. В нынешние времена, однако, создаются предпосылки для иной трактовки концепции сосуществования и сотрудничества различных этнокультурных и конфессиональных групп под эгидой единого национального суверенитета. Понимание идеологии уважительного добрососедства как пространства свободы совести, порождающего у *соотечественников* этику *гражданской уверенности*.

Сосуществования, основанного не в последнюю очередь на признании высокой ценности общей исторической судьбы, разнообразного социального наследия, совместно обретенного непростого опыта и разделяемого согражданами страны совокупного образа будущего.

3.

На последнем моменте следует, наверное, остановиться особо. Совокупный образ будущего является высоко значимым компонентом общественного сознания, который формируется в рамках культуры гражданского общества и реализуется активной частью граждан — так называемым политическим классом. А через посредство соответствующего устроения практики — деятельно осмысливается и истолковывается пройденный страной исторический путь. Оглядываясь на этот пройденный путь, мы видим, что одной из констант многовековой русской истории выступают полифоничная социальность и государственность (включившие в себя в той или иной

пропорции различные, порой чрезвычайно различные, компоненты также и большевистской реформации).

Вместе с тем России-РФ сегодня угрожают раздор, разделение и упадок по причинам не только общемировым, но и сугубо внутренним. На этнокультурные и национальные процессы в стране существенное влияние оказывает фактор (о чем уже неоднократно приходилось писать) мировоззренческой, идеологической пустоты, отсутствия смыслового каркаса, кризис социальной и политической философии, системы национальных ценностей, которые были бы признаны как государственными институтами, но, что, пожалуй, более важно, также и российским обществом.

Никакой реальной, конструктивной деятельности, однако, государственными институтами и федеральными ведомствами по заполнению этого мировоззренческого, а также морального и этического вакуума в настоящее время не ведется. Неудивительно поэтому, что «естественным» следствием подобного положения вещей является заполнение данной пустоты различными симулякрами и радикальными этническими или конфессиональными *-измами*, переводящими подчас культурно-религиозную проблематику в русло прямого политического вызова.

Население России, и, прежде всего, молодежь, основываясь на гражданском инстинкте, ищет *осмысленную* и идеологизированно окрашенную информацию, которая способствовала бы утверждению чувства национальной гордости россиянина. Однако предпринимавшиеся до сих пор попытки разработать национальную доктрину России сталкиваются со сложнейшей проблемой преодоления синдрома 1991 года — болезненной памяти о крушении державы, несмотря ни на какие лексические и семантические аббревиатуры воспринимаемой как Великая Россия, которую мы потеряли.

Все отчетливее осознаваемое народом предательство национальных элит того времени, в том числе российских, порождает разочарование и гнев, являющиеся одним из энергичных источников в том числе этнического и квазирелигиозного экстремизма. Столь же малопродуктивным оказывается тезис о «проигранной третьей мировой войне» — тем более что исторически он уязвим, представляя некоторую ретроспективную аберрацию памяти. Холодная война заканчивалась и фактически закончилась по обоюдному согласию сторон уже в конце восьмидесятых годов (1988-1990 гг.), что знаменовалось, в частности, июльской встречей 1991 г. глав «большой семерки» и разрабатывавшимся в контексте встречи дизайном нового мироустройства, естественно, со своим набором плюсов и минусов. Распад же СССР не в последнюю очередь явился следствием процессов, своекорыстно запущенных частью обанкротившихся «элит» в обстановке «послевоенного расслабления»...

4.

На наш взгляд в настоящее время, по причинам как внешним, так и внутренним, особую ценность может приобрести доктрина, которая была бы в состоянии обозреть новый исторический ландшафт и усмотреть, опознать в крушении общероссийской государственности пятнадцатилетней давности и резком зигзаге ее исторического пути проявление замысла Провидения. Замысла, возможно, предполагающего, что участь России — в перспективе разворачивающегося XXI столетия — способна раскрыться как предназначение всечеловеческое, мировое. Не исключено — хотя никоим образом и не гарантировано — как предназначение по-своему горькое, трагически унижительное или величавое, однако все же имеющее некий глубинный историософский смысл.

Мы полагаем, что перед проступающими симптомами угрозы глобальной гражданской войны Россия должна ясно осознать и заявить: она не на стороне экстремизма, усугубляющего несправедливые черты мирового порядка. Но она и не с теми, кто делает ставку на насильственный переворот и новую деспотию. Для подобного выбора у нее имеются не только прагматичные, конъюнктурные, но также исторически обоснованные и метаисторические, духовные, предпосылки, в том числе связанные с перспективой возрождения животворной традиции, отмеченной великими именами Сергия Радонежского и Нила Сорского.

История свидетельствует, что падение мировых империй слишком часто сопровождалось раз-

рушением основ нормального человеческого общежития. А в условиях распространяющейся сегодня культуры смерти, когда речь идет о самих начатках антропологического бытия, такая перспектива выглядит особенно опасной. Можно сказать, что балансирование человечества на краю истории и угрожающее основам цивилизации разрушение мирового порядка, — который при всех своих отрицательных свойствах и негативных проявлениях, однако же, удерживает мир от падения в пропасть зла и анархии — заставляют с тревогою задуматься, что ждет людей в случае утраты этой скрепы. Можем ли мы внятно предложить миру лучший и более гуманный проект?

В качестве предупреждения позволительно вспомнить сценарий из Откровения Иоанна Богослова, в котором грядущее разрушение универсального Вавилона морально осуждаемого за непомерные претензии, за то, что на него падает кровь всех убитых на земле оборачивается в итоге возведением на дымящихся руинах еще более чудовищного Царства Зверя. Сегодняшний мир с расплзающейся трупными пятнами по планете культурой смерти, подчас возводимой в сан псевдорелигиозной идеи, кажется, слишком перекликается с этим предупреждением...

Иначе говоря, мировые тенденции в их крайнем развитии — позволим себе это заметить — чреватые рождением антицивилизации — своего рода *цивилизации смерти*. В подобных условиях Россия обязана провозгласить и, главное, утвердить в своих сложных обстоятельствах *высокую культуру жизни*, противостоящую надвигающемуся на глобальное человеческое сообщество темному призраку, во всех его многочисленных и часто лукавых проявлениях.

Культура жизни должна не только утверждать значение жизни как таковой, но и высокое достоинство личности, быть освящена знаковой для ряда традиционных религий идеей сближения и согласия человека с Богом через праведное, солидарное жизнеустройство человеческого общежития.

5.

В заключение вернемся к непростым, часто нелюбимым вопросам и дилеммам, связанных с историей России, к необходимости углубленного прочтения казавшихся в свое время столь явными и азбучными прописей. История России все еще нуждается в декодировании многих сложившихся стереотипов.

Так в советскую эпоху Россия-СССР, наряду с очевидными язвами и пороками системы, включая насильственное переселение этнических групп, прямое и косвенное подавление конфессий, одновременно выступала носителем собственной версии «идеологии развития» для тех народов и политических групп, которые считали западную версию этой идеологии по тем или иным причинам для себя неприемлемой. Временами, выводя человечество на грань ядерного катаклизма, страна, парадоксальным образом, в то же время подчас удерживала мир от падения в пропасть хаоса и раздора. И даже декларировала вместе с западной цивилизацией миссию утверждения на планете признанных эпохой Модернити ценностей прогресса. Стимулируя подобным провозглашением высоких принципов, пусть часто и лицемерным, интенсивное — параллельно с гонкой вооружения — состязание в «списке благодеяний» систем человеческого мироустройства...

Лицемерие, по мысли Ларошфуко, есть дань несовершенного человеческого естества добродетели. Иначе говоря, при подобном положении вещей добродетель остается на пьедестале, а порок вынужден скрывать свое истинное обличье. С кризисом же и распадом идеологии развития, симптомами демодернизации и неоархаизации, причем в глобальном масштабе, возникает пока еще смутный образ новых конструкций мирового сообщества, с другими ценностными и политическими ориентациями. А сжимающаяся Россия-РФ в настоящий момент фактически снимает с себя ответственность за мировой порядок, в частности, за ошибки, творимые новой мировой элитой.

Однако страна в состоянии — более того призвана проявляющимися грозными тенденциями — предоставить действенную защиту населяющим ее пространства людям всех национальностей и религий. И не только им. В тревожном современном, или быть может уже правильнее сказать постсовременном мире, она должна оказывать поддержку всем, кто готов связать с Россией свою судьбу, да и не только им.

Мы также хотели бы надеяться на готовность и способность русского мира, опирающегося на духовное и культурное наследие, на присущий его обитателям инновационный пафос и склонность к социальному творчеству, приступить к выстраиванию интеллектуальной и социальной концепции, несущей образ будущего, который отвечал бы чаяниям народов не только самой России, но и других стран и континентов.

Перефразируя слова знаменитого писателя, мы должны в заключение сказать: не империя, но прояснение духа в остатке — духа не утраченного, но помраченного в советскую эпоху, — вот истинное призвание России в наступающие времена, призвание универсальное. Все остальное приложится: национальный мир, технологические свершения, надежная внешнеполитическая стратегия и верные союзники в новых деяниях общества.

Публикуется по согласованию с авторами.

Ранее опубликовано на сайте «Агентство политических новостей»

© А.И. Неклесса, В.Л.Цымбурский, 2006

Владимир Слуцкер

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Вынесенные в заголовок концепции вряд ли могут рассчитывать на благосклонное внимание читателя. Скорее, наоборот: эти словосочетания вызывают интеллектуальную изжогу, или, в лучшем случае, апатию. Что не удивительно. Национальные ценности тесно увязаны с набившей оскомину и безнадежно дискредитированной темой отсутствия национальной идеи. Национальный вопрос вообще относится к разряду вечных и принципиально не решаемых проблем.

Не будучи склонен к мазохизму, я все же выбрал для данной статьи именно эти непопулярные в политическом и интеллектуальном сообществах проблемы. Потому что они будут весьма существенно (а скорее, определяющим образом) влиять на векторы развития России в XXI веке.

Россия — часть мировой цивилизации. Сотрясающий мир кризис, неуклонно развивающийся на национальной и религиозной почве, не может не проецироваться на нашу страну. Позитивная инерция истории России, на территории которой никогда не велись религиозные войны и мирно проживали сотни этносов, пока оберегает страну от масштабных этно-культурных конфликтов. Кондопога — это далеко не Париж, да и реакция российских мусульманских и иудейских духовных лидеров на введение в школах уроков православия не сравнима с глобальной исламской кампанией против карикатур на пророка Мухаммеда.

Однако традиционная многонациональность и поликонфессиональность России может в одночасье из щита обернуться мечом с самыми тяжелыми последствиями. При этом внешние факторы — проекция на Россию глобальных цивилизационных конфликтов — здесь не являются исключительными. У нас более чем достаточно своих внутренних проблем, в первую очередь, Северный Кавказ, мощные миграционные потоки и связанный с мигрантами рост ксенофобии. При этом отсутствует осмысленная государственная политика и идеология по национальным и религиозным отношениям.

Вакуум содержательных идей и действий по этно-конфессиональной проблематике за последние годы стал хроническим. Для лечения этой болезни требуется сильнодействующее лекарство. Представляется, что роль такой панацеи могла сыграть общенациональная система духовных ценностей.

В советскую эпоху для борьбы с национализмом успешно применялся, может быть, один из самых эффективных в XX веке рецепт. Он включал три ингредиента — приоритетное социально-экономическое развитие национальных образований за счет союзного бюджета (дотации), кадровая политика Кремля в отношении национальных кадров на местах (вторые секретари ЦК и т. д.) и, главное, идеология пролетарского интернационализма. В совокупности они плотно цементировали разные этносы в «новую историческую общность — советский народ».

Сегодня первые две административные составляющие национальной политики не реализуются не только в силу объективных или субъективных факторов, но, главным образом, из-за отсутствия новой идеологии, которая бы заменила советский интернационализм. Такой альтернативы сегодня не существует, поскольку идеология в области национальных и религиозных отношений — это часть общенациональной идеологии, которая должна восприниматься большинством населения и которой в России сегодня также нет.

После краха СССР и коммунистической доктрины прошло 15 лет, а альтернативы марксизму-ленинизму в стране так и не было создано. Западные идеологии: консерватизм, либерализм, социал-демократия — на российской почве не прижились. Предпринятые по заказу Б.Ельцина в середине 90-х годов попытки разработки отечественной «национальной идеи» не оказали влияния на общественное сознание и остались мертворожденными экзерсисами разработчиков. Не лучшая ситуация и сегодня. Все, что предлагается признанными «указывающими центрами», гораздо больше похоже на политтехнологические фокусы и жонглирование семантикой, нежели на потенциально воспринимаемую широкими слоями населения страны идеологическую модель.

Среди множества факторов, помешавших «национальной идее» состояться в сознании нации, два представляются безусловными. Во-первых, в многонациональной и поликонфессиональной России в основном предлагались «идеи» под одну нацию, одну религию. Во-вторых,

идеологические разработки политологов не соотносились с глубинными установками в общественном сознании. Проще говоря, базовые ценности у российского народа были одни, а теоретические разработки экспертного сообщества — другие.

Между тем, сегодня население страны, и, прежде всего, молодежь, ищет идеологизированную позитивную информацию. Какой можно дать ответ на подобные поиски? Для населения России ответ на вопрос «зачем мы живем» важнее любых других ответов. Россия всегда существовала в осознании своей особой миссии предлагать миру передовые идеи и духовные проекты. В СССР таким проектом было строительство светлого коммунистического будущего для ВСЕГО МИРА. И долгое время эта идея работала!

На смену нашумевшим политико-экономическим идеологиям прежнего времени сегодня снова приходят идеологии, базирующиеся на духовных ценностях и религиозных смыслах, корневые системы которых уходят в глубину тысячелетий. В основу такой новой идеологии могла бы быть положена общенациональная система этических ценностей в России.

Восприняв и усвоив новую идеологическую концепцию приоритета единства базовых конфессионально-культурных ценностей, Россия сможет предложить общественному сознанию страны и всему миру амбициозный духовный мегапроект. В начавшемся тысячелетии новая участь России способна раскрыться как предназначение общемировое, планетарное. В нарастающем кризисе цивилизаций между Западом и Востоком, протестантскими, общехристианскими ценностями и мощной агрессивной энергетикой ислама Россия должна иметь свое видение этнокультурного диалога, который опирается на собственное духовное и культурное наследие.

Фактически, мы находимся перед принципиальным выбором: либо быть затянутыми в раскручивающуюся воронку глобального религиозно-идеологического конфликта, либо стать страной, генерирующей некую «третью» идеологию, энергетика которой способна противостоять разрушительному взаимонеприятию Востока и Запада.

Россия способна воспринять сама и донести до других осознание приоритетности того, что сегодня христиан, мусульман, иудеев и буддистов объединяет больше, чем разъединяет. Ценностные принципы всех базовых мировых религий, имеющих большой заряд толерантности — любовь к ближнему, сострадание, взаимопомощь, терпимость и согласие — едины и принадлежат как России, так и всему миру.

«Ценностный подход» к конструированию новой общенациональной идеологии позволяет решить другой корневой вопрос — проблему самоидентификации россиян, сплочения разбежавшейся с 1991 года по этносам и конфессиям России в единую гражданскую нацию. Это важно и для преодоления в общественном сознании «пораженческих комплексов» — проигранной «холодной войны», крушения советской державы, до сих пор воспринимаемой как «великая Россия».

Чувство национальной гордости сегодня пытаются реанимировать в различных формах патриотизма, особенно активно патриотические чувства востребованы в последние годы. Однако «негативный» патриотизм против «общего врага», например, международного терроризма, не смог сплотить российское общество. Другой, позитивный, патриотизм — гордость россиян за свою страну — споткнулся об отсутствие объединяющего предмета гордости. Нельзя же считать национальной идеей превращение России в мировую нефтегазовую трубу!

Осознание же первенства в новой объединительной идеологической платформе, первенства в развитии и продвижении ценностной системы, основанной на базовых духовных и культурных общностях, способно генерировать необходимое чувство гордости за свою страну, которая предъявляет остальному миру лидирующую идеологическую концепцию.

Объединяющая система этических ценностей, основанная на глубинных духовных и культурных традициях, базового представления нации о самой себе, должна стать совместным национальным проектом, который объединит представителей религиозных конфессий, интеллектуального сообщества, деятелей культуры и искусства, российских политиков. И у России появится реальный шанс наконец-то получить национальную идеологию, объединяющую большинство населения страны.

Виталий Третьяков
**БЕСХРЕБЕТНАЯ РОССИЯ.
БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
КАК ПРОБЛЕМА**

(выдержки из статьи)

РУССКАЯ УТОПИЯ

Россия — крайне идеологизированная страна, ее государственный строй (в отличие от ее политических режимов) всегда был, по сути, идеократическим.

Это, конечно, отдельная большая и сложная тема, но представляется, что без новой русской утопии и нового русского мессианства (но не только их) мы не сможем избежать краха и исчезновения страны. Даже при наведении порядка во внутреннем устройстве России и повышении благосостояния ее населения. Одно из главных актуальных доказательств этого — сугубая идеократичность двух наиболее экспансионистски развивающихся субъектов глобальной политики, то есть США и Евросоюза.

Современный русский историк и философ Виталий Аверьянов, наследуя идеям некоторых отечественных философов начала XX века, считает, что историческая миссия России остается той же, что была и прежде, — сдерживание и ограничение чужих экспансий, причем экспансий, направленных не только на нашу страну.

Военная история России это блестяще подтверждает, но, как мне кажется, сегодня этого явно недостаточно, по крайней мере для нас самих. Негативистское содержание такой миссии (ограничение чужой экспансии), с одной стороны, выгодно прежде всего не России, а всем остальным главным геополитическим игрокам — США, Евросоюзу, Китаю и Исламскому Субъекту мировой политики, каждый из которых и извлекает максимальную пользу из этой «миссии» России (и будущее Сибири здесь, конечно же, главная ставка). Сама же Россия, а тем более ее население не получают от реализации этой миссии ничего, кроме мелких тактических преимуществ, лишь оттягивающих решение (пусть неприятное) главного вопроса.

С другой стороны, такая миссия вновь и вновь требует жертв именно от народов России, прежде всего, естественно, от русского народа, что не может вызывать у нас энтузиазма и само по себе. А кроме того, не будет оценено и окружающими. Трижды за последние два века (наполеоновская война и две мировые) Россия, жертвуя своим населением и своими солдатами, оставливая экспансию трех мировых агрессоров и спасала независимость практически всех европейских стран, всякий раз получая упреки в безжалостном использовании своих солдат не только от союзников, как правило, отсиджавшихся вне поля боя до последнего момента, но даже и от коллаборационистов и прямых соучастников агрессий. Кажется, осталась единственная страна, а именно Израиль, которая не заразилась этим мерзким комплексом циничной неблагодарности по отношению к России.

Так или иначе, у нас нет никаких — ни идеальных, ни практических — резонансов (да и ресурсов) к тому, чтобы положить несколько ближайших десятилетий нашего весьма проблемного и неясного по исходу существования на выполнение подобной миссии.

России нужна позитивная миссия для нее самой, миссия, воплощенная в позитивном идеале (русская утопия, или русская мечта) и в позитивной практической цели.

С утопией пока подождем, хотя кое-какие идеи на сей счет и циркулируют в среде русских интеллектуалов. Для нас гораздо важнее сейчас (вообще и в силу конкретных исторических обстоятельств) «практический идеал», то есть позитивная практическая цель.

Стоит найти ее, как сразу же, без всяких усилий, возникнут и национальная стратегия, и полномасштабная политика, и сумма необходимых и неизбежных тактических шагов и ходов по ее воплощению. То есть все то, чего мы сегодня не имеем.

Возникнет и объективное основание для консолидации политического класса России, ее элит, ее общества (консолидации внутри себя и с его элитами). Возникнет единая политическая воля русской нации как нерасчлененного, но сложного и плюралистического целого.

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ И ЕЕ ПИГМЕИ

С приходом к власти Владимира Путина, безусловно, консолидировавшего нацию, но лишь по весьма простым, банальным и частью притворным основаниям, все вдруг заговорили о возрождении величия России.

Коммунисты никогда от этого лозунга не отступали. Жириновцы, надо отдать им должное, прямо-таки с ума сходили по этой идее и в ельцинские годы, хотя чаще дискредитировали ее, чем реально защищали. Сразу же на платформе державничества, то есть и великой, и сильной России, родилась «Родина».

Как основу своей идеологии (ясной только в этом пункте) провозгласили возрождение величия России и «единороссы». И у РПЖ такие же ориентиры. Более того, часть классических русских либералов (то бишь не вполне либералов, но либеральными себя называющих), еще в начале 90-х грезивших о «русском Пиночете», устами признанного эталона современного русского либерализма Анатолия Чубайса в конце 2003 года вообще выступила с концепцией русской либеральной империи, чей образ явно списан с Соединенных Штатов Америки, в силе и целеустремленности которых сомневаться не приходится.

Казалось бы, при такой почти всеобщей жажде порядка и сильной власти России ничего не стоило получить в короткие сроки и то, и другое. Однако ни того, ни другого мы так до сих пор и не имеем, хотя авторитарные тенденции в некоторых сферах политической и экономической жизни России очевидно нарастают.

Дело в том, что практически все — что либеральные, что нелиберальные — сторонники сильной власти в России желают иметь либерализм для себя, а сильную руку — для других, в первую очередь — для народа. Это в конечном итоге и является причиной тотальной социальной безответственности всех или почти всех социальных слоев и корпоративных сообществ России, что в сумме и создает эффект бесхребетности при почти всенародном и всеэлитном поклонении идее порядка, сильного государства и возрождения былого величия. Пигмеи, действующие по-пигмейски и по-пигмейски мыслящие, могут говорить и о величии, да выше от этого не станут.

Почему это происходит, разговор долгий, но в целом его можно свести к, в общем-то, универсальному объяснению: сумма индивидуальных и корпоративных эгоизмов современного российского общества намного превышает объем общенационального, консолидированного интереса.

Социальная ответственность и элиты, и государственных чиновников, и рядовых людей в такой обстановке сводится к пигмейскому минимуму, а если эту ответственность нужно проявить в целях демонстрации политической лояльности идее сильной России или ее высшей власти, то эти проявления носят либо декларативный, либо спекулятивный характер.

Известная покупка яиц Фаберже, являющаяся лишь удачной формой тезаврирования собственного капитала, преподносится (но и воспринимается) как форма социальной ответственности бизнеса. Что добавила эта покупка современной России, понять абсолютно невозможно.

Для меня образцом социальной ответственности является пример известного западногерманского издателя Акселя Шпрингера, который, лично не смирившись с послевоенным разделением Германии, построил небоскреб своего издательского дома в Западном Берлине прямо на границе с Берлином Восточным, дабы ежедневно напоминать отделенным немцам о существовании другой, «правильной» матери — Германии. Наверняка Акселю Шпрингеру было бы удобнее, да и дешевле, вести свой бизнес из какого-нибудь западногерманского города, но его социальная или, если хотите, национальная ответственность не позволила ему идти по пути максимизации прибыли и личного комфорта.

Если вспомнить, что ничего выше бензоколонки русским бизнесом в Калининградской области не построено, а центральную площадь самого Калининграда до сих пор украшают гигантские руины недостроенного при СССР здания обкома КПСС, то будущее этого края мне представляется вполне определенным.

Цель воссоединения разделенной нации в национальной стратегии России (отсутствующей) не ставится. Защита соотечественников за рубежом находится на периферии российской внешней политики. Информация российских СМИ о жизни наших соотечественников в странах СНГ является лишь эпизодически и в основном такова, чтобы, не дай бог, не обидела местное начальство.

ОСОЗНАНИЕ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ ПОРОЖДАЕТ ЦЕЛИ

Все сказанное, а еще больше — несказанное, свидетельствует о том, что никакие самые правильные, но абстрактно поставленные цели, в понимании которых не соединяются все части нации, а к реализации которых все эти части не готовы, причем без понукания Кремля и прокуратуры, не заставят нас ни построить сильную и процветающую Россию, ни даже удвоить ВВП, ни просто ликвидировать массовую нищету и, например, позорную детскую беспризорность, и уж тем более не заставят нести во имя общего блага пропорциональные имеющемуся богатству жертвы.

Как получилось, что из общества производства без потребления мы сразу скакнули в общество потребления без производства, разбираться можно долго. Дело это увлекательное, но, к сожалению, не открывающее никаких перспектив, кроме дальнейшего разжигания классовых, сословных и даже частных эгоистических противоречий и конфликтов. По сути — продления холодной гражданской войны, войны если и не самих людей, то их эгоизмов.

Нам же нужна консолидированная национальная стратегия, которая в сегодняшнем состоянии России может быть образована только из суммы ответов на стоящие перед страной угрозы и вызовы. Но прежде чем давать ответы, нужно честно и громко огласить список этих угроз и вызовов. Причем без всякой оглядки на то, что корректно, а что нет, что понравится соседям, Евросоюзу, США или инопланетянам, а что будет их раздражать.

Самое парадоксальное, что многое давно произнесено, многое постоянно обсуждается — в основном неофициально. Многое обсуждается в СМИ. Но ничто из этого многого не сложилось в официальную, документально зафиксированную или ментально принятую общенациональную стратегию. А ведь для ее формулирования нужен не столько интеллектуальный прорыв (хотя и он тоже нужен), сколько политическая воля, позволяющая нации (устаами своих лидеров) сказать самой себе: (1) что если и дальше дело пойдет так, как идет сейчас, то России не будет; (2) что мы хотим выжить все вместе, а не только каждый по отдельности; (3) что нам нужно что-то сделать (чем-то пожертвовав), чтобы случилось желаемое, а не возможное.

А далее — просто расставить приоритеты, сосредоточившись в первую очередь на том, без чего бессмысленно остальное. И реализовывать приоритетные цели бескомпромиссно, не отступая ни под давлением обстоятельств, ни из-за недовольства или противодействия других — враги эти другие или друзья, наши соотечественники или зарубежные доброты, постоянно объясняющие России, как нам нужно жить и что делать, чтобы «стать частью цивилизованного мира».

Меня просто поражают до сих пор ведущиеся споры и дискуссии: демократия нужна России или авторитаризм, либеральная экономика или государственное регулирование рынка, частные СМИ или государственные, сохранение прав меньшинств или их умаление и т.д. Ведь все это споры о средствах достижения не сформулированных нацией в ее единстве целей.

Нынешних усилий президента Путина и отдельных членов его администрации (в широком смысле слова), довольно разношерстной, явно недостаточно, чтобы объединить нацию и заразить ее тем позитивным практическим идеалом, который, в общем-то, и не сформулирован. Сумма практических действий Путина и его окружения, действий, направленных на реализацию этого неформализованного идеала, явно недостаточна для того, чтобы его достичь, или хотя бы для того, чтобы нация оценила серьезность намерений кремлевской команды. Более того, некоторые из этих действий кажутся странными, а порой и прямо противоположными тому, что необходимо делать, отсюда — то моральное и материальное мародерство, которое царит в элите, а под влиянием ее и телевизионного продукта, ею изготавливаемого, — и в обществе в целом.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ: УГРОЗЫ, ВЫЗОВЫ, ЦЕЛИ

Несмотря на то что я говорил о позитивном практическом идеале как основе формирования национальной стратегии современной России, он, к сожалению, как раз за отсутствием русской утопии и из-за нынешнего положения страны не может быть сформулирован как сумма исключительно позитивных целей, но лишь как совокупность (причем очень обширная) ответов на реальные угрозы, стоящие сегодня перед Россией, и вызовы, брошенные ей.

В следующем ниже списке, составленном мною достаточно упорядоченно (по мере снижения уровня опасности), я не делаю различия между угрозами (реальная опасность, не позволя-

ющая медлить с ответом) и вызовами (потенциальная угроза, или проблема, которая превратится в угрозу, если ее решение не будет найдено). Такое разделение необходимо, но на начальной стадии разговора этим можно пренебречь. Тем более что главная угроза является таковой без всяких оговорок и именно ее нам нужно определить в первую очередь.

Сначала я приведу весь список самых существенных, на мой взгляд, угроз и вызовов, а затем сформулирую ответы, как они мне представляются, на некоторые из них.

Предварю список еще одним общим замечанием, напомнив читателям подзаголовок данной статьи — «Будущее Государства Российского как проблема». Так вот, проблема состоит не в том, что это государство в будущем может быть слабым или сильным, демократическим или авторитарным, независимым или подчиненным, а в том, что его может не быть вовсе. И это надо не только осознать, но и на высшем официальном уровне признать. И главные предпосылки исчезновения России лежат не в международном терроризме или американском гегемонизме, а во вполне очевидной и неоднократно упоминавшейся и до меня тенденции вымирания нации.

Итак, каковы угрозы и вызовы, представляющие сегодня главную опасность для России?

Самая главная угроза

1. Депопуляция, или вымирание населения России.

Главные угрозы и вызовы (остальные)

2. Стихийный распад страны.
3. Насильственное отторжение отдельных территорий.
4. Американский гегемонизм как инициатор и стимулятор неуправляемых вооруженных конфликтов на границах России и в близких к ней регионах.
5. Американский гегемонизм сам по себе.
6. Прямое геополитическое соперничество США и Китая.
7. Международный исламский терроризм.
8. Распространение оружия массового уничтожения.
9. Китайский экспансионизм.
10. Отсутствие единой морали.
11. Продолжение холодной гражданской войны между квазибелыми и квазикрасными.
12. Потеря контроля над собственными природными ресурсами.
13. Катастрофическое падение уровня здоровья населения.
14. Нищета и бедность большей части населения.
15. Превращение организованной преступности в один из главных субъектов внутренней политики.
16. Варваризация всех форм общественной и приватной жизни.
17. Катастрофическое падение уровня образования населения.
18. Деграция русского языка.
19. Капитуляция отечественной культуры перед массовой американской культурой. Исчезновение высокой культуры.
20. Катастрофически высокий уровень преступности и распространения криминального стиля и образа жизни в реальности и в СМИ.
21. Наркомания и наркопреступность.
22. Отсутствие местного самоуправления.
23. Нестыковка православного и мусульманского образов жизни.
24. Чрезмерное социальное и имущественное расслоение.
25. Разрушение института классической (традиционной) семьи.
26. Существование рубля как неполноценной валюты. Долларизация экономики.
27. Превышение объемов теневой экономики и теневого финансового оборота над легальными.
28. Коррупция в правоохранительных органах.
29. Наличие многочисленных деспотических и феодальных режимов в субъектах Федерации.
30. Неестественные очертания нынешних границ России.
31. Бюрократия как правящий класс. Сращение власти и собственности.

32. Разделенность русской нации.
33. Отсутствие (или почти отсутствие) собственной международной иерархии, неопределенность потенциальных и реальных стратегических союзников.
34. Слабость вооруженных сил.
35. Технологическая отсталость.
36. Слабость и неразвитость гражданского общества.
37. Ненезависимость и коррумпированность судов.
38. Умаление института прав и свобод человека.
39. Квазидемократия. Отсутствие нормальных политических партий.
40. Доминирование авторитарно-командных методов управления над демократическими.

Другие угрозы и вызовы

41. Экспансия Евросоюза.
42. Отсутствие ясной политики по отношению к непризнанным государствам на постсоветском пространстве, желающим воссоединиться с Россией.
43. Неумение извлечь политическую и экономическую выгоду из торговли природными, как правило, невозобновляемыми ресурсами.
44. Отсутствие российских ТНК, числом и масштабами сопоставимых с западными.
45. Разрушение науки. Утечка мозгов.
46. Отсутствие понятной населению экономической и социальной политики, производным от чего является, в частности, общественная апатия.
47. Детская беспризорность.
48. Сохранение полномасштабной системы чиновничьих и иных должностных привилегий.
49. Неконсолидированность и эгоизм элит.
50. Экологическая проблема во всех своих составляющих.
51. Внутренний экстремизм, не только и не исключительно религиозный.
52. Несоответствие Конституции 1993 года политическим и иным реалиям России.
53. Разрушение системы международного мироустройства, фиксирующей привилегированный статус России, полученный в наследство от СССР.

Особые вызовы

54. Отсутствие идейного дуализма как движущей силы развития общества и политической системы. Наличие квазидуализмов «красные — белые», или «демократы — недемократы», или «западники — державники». В упрощенно-политическом смысле — отсутствие сущностной системной оппозиции.
55. Отсутствие «русской утопии» как надсистемной глобальной цели или миссии.

Наверняка я что-то упустил, но ведь каждый и сам может продолжить этот список. Однако впечатляющим является сам его объем. Думаю, и двадцати пунктов было бы достаточно, чтобы нация задумалась о своей судьбе, чтобы ее лучшие умы день и ночь твердили о грядущей катастрофе, а политический класс страны принял бы самые жесткие решения по своей внутренней мобилизации и разработал программу действий, направленных на предотвращение катастрофы.

Ничего подобного, кроме разрозненных восклицаний и идейно разбросанных проектов, мы не наблюдаем. Все, даже те, кто реально озабочен нынешним положением вещей, в конечном итоге предпочитают (или вынуждены?) решать проблемы личного выживания. В лучшем случае (который для нации оказывается худшим) — защищать групповые и корпоративные интересы.

Вертикаль власти есть, а хребта нации нет.

Возникнет ли?

Безусловно, если мы правильно сформулируем ответы на все вызовы и угрозы, начав, разумеется, с ответа на самую главную угрозу. И этот ответ есть естественная и единственно возможная национальная идея России сегодня и на ближайшие десятилетия.

Публикуется по согласованию с автором.

Полный вариант статьи опубликован в журнале «Политический класс» № 1, 2 2005 г.

© В.Т. Третьяков, 2006

Валерий Федоров
УРОКИ КОНДОПОГИ

Что произошло в Кондопоге? Какова подлинная подоплека конфликта, ставшего наиболее серьезным вызовом стабильности в нашей стране за последние годы?

Что, наконец, необходимо сделать для того, чтобы локальные конфликты не переросли в противостояние между различными этническими группами, то есть, по сути, в гражданскую войну?

Попробуем взглянуть на происходящее через общероссийский контекст. Прежде всего пойдем, как сами граждане нашей страны оценивают ситуацию в межнациональных отношениях. Такую возможность дает последний опрос ВЦИОМ, проведенный нами 1-3 сентября, то есть до Кондопоги, но — после взрыва на московском рынке «Евразия».

Большинство опрошенных (55 %) полагают, что острота межнациональных отношений за последний год не выросла, но и не уменьшилась, а скорее осталась на прежнем уровне. 16 % опрошенных отмечают определенное улучшение за последний год межнациональных отношений, а 19 % — некоторое ухудшение. Причем ухудшение ситуации чаще отмечают жители городов-миллионников (25 %).

Те, кто считают, что ситуация улучшилась, отмечают прежде всего рост терпимости, взаимопонимания между людьми (25 %), а также общую стабилизацию ситуации в стране (19 %). Их оппоненты делают упор на таких явлениях, как рост национализма, межнациональной розни (29 %), а также агрессивности, насилия и убийств на национальной почве (25 %). Зато меньше, чем раньше, говорят о терроре (14 %).

Кто виноват во всем этом? Общего мнения у россиян пока не сложилось, но наиболее популярная у СМИ версия о разгуле русских националистических группировок, инициирующих рост ксенофобских настроений, для самих опрошенных скорее маргинальна. К ней склоняются не более 13 % наших соотечественников. Наиболее же распространено мнение, что причина напряженности в межнациональных отношениях — это поведение иноязычных иммигрантов, которые зачастую ведут себя вызывающе, связаны с криминалом, не считаются с менталитетом и психологией коренного русского населения. Такая точка зрения близка 22 % опрошенных. К ним примыкают 20 %, обвиняющих власти, как центральные, так и местные, в бездействии и неумении придать иммиграции более цивилизованные формы.

Теперь попробуем оценить масштабы такого явления, как «воинствующий русский национализм». 64 % опрошенных не смогли указать среди своих знакомых никого, кто бы разделял такие настроения. Еще 7 %, напротив, лично не знают ни одного русского националиста, но исходя из информации СМИ, считают это явление широко распространенным. Итого — две трети...

Но есть и 16 %, которые лично знают одного-двух русских националистов. Они, правда, считают, что такие настроения — экзотика, исключение из правил. А 12 % опрошенных знают «немало» русских националистов среди своих знакомых и считают это явление широко распространенным. Несколько больше распространен национализм в молодежной среде: среди опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет 17 % знают «немало» людей с такими настроениями.

Как видим, воинствующий русский национализм уже превратился в общественное явление, его наличие фиксирует значимая часть россиян. Но гораздо больше тех, кто говорит о существовании другого, не менее неприятного явления — неуважения иноязычных иммигрантов, «пришлых», к местным традициям, культуре, нормам поведения. Судя по информации, поступающей из Карелии, именно это, а не происки анонимных русских националистов, и стало причиной противостояния в Кондопоге.

Переселенцы из Чечни — носители традиционного горского культурного менталитета, деформированного под влиянием двух недавних кровопролитных войн. В результате этих событий во многом ослабли издавна культивирующиеся в этом обществе принципы уважения к старшим, ослабло влияние и самого института старейшин. И наоборот, развилось и укрепилось отношение к этническим русским как к «боевой добыче», своим аманатам, заложникам. Как должно реагировать на это русское население? Оно, конечно, терпеливо, и может быть, самое терпеливое в мире, как замечали классики. Но все же есть предел, по достижении которого на-

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ. РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ

чинаются вещи довольно страшные. Аффективный протест против культурной и экономической экспансии «пришлых», против насилия и унижений с их стороны вылился в Кондопоге в настоящий бунт. Конечно, «бесмысленный и беспощадный».

Напомним, кстати, что в этом году в мире произошел целый ряд масштабных конфликтов между представителями различных этнических культур. Погромы парижских пригородов арабскими иммигрантами, столкновения между австралийцами и ливанцами на пляжах крупнейших городов Австралии, бойня в бельгийской дискотеке, которую устроили выходцы из Чечни. Столкновения в Кондопоге, безусловно, находятся в одном ряду с этими событиями. Когда представители одной культуры приходят в иную культурную среду, они должны считаться с существующими там правилами и поведенческими стереотипами. В противном случае им вряд ли им стоит удивляться «горячему» приему со стороны местного населения.

Подавляющее большинство россиян не реагируют агрессивно на представителей иных культур, нормально взаимодействуют, общаются с ними. Конфликты и трения начинаются тогда, когда приезжие начинают навязывать коренному населению свои представления о жизни, в которых для этого населения отведена роль, выражаясь терминологией антрополога Поршнева, «кормовой базы».

Ключ к решению этнических проблем находится поэтому в руках самих национальных диаспор в России. Если они воспринимают себя как единое целое и всегда готовы постоять «за своих» — значит, они и должны нести коллективную ответственность за действия представителей своей общины. Именно общины, их неформальные лидеры обязаны призвать к порядку своих сородичей, гарантировать их нормальную культурную адаптацию на местах рассеяния.

Сегодня Рамзан Кадыров громогласно заявляет о своем желании вмешаться в события в Карелии. Вероятно, молодому чеченскому лидеру следует поработать с теми из своих земляков, кто пока не научился вести себя достойно. Уважаемые сограждане! Не будьте лиха, пока тихо, потом будет поздно. Думается, что в таком случае шансы на спокойную жизнь и экономическое процветание для нашей страны, всех ее национальностей только повысятся.

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано на сайте «Взгляд. Деловая газета», 8 сентября 2006 г.

© В.В. Федоров, 2006

Валерий Федоров
КОНДОПОГА, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ...

Уже две трети россиян наслышаны о событиях в Кондопоге. Столкновения между местным населением и «приезжими» в этом карельском городке — интересная и обсуждаемая тема для россиян.

Но только 15 %, как следует из последнего, сентябрьского опроса ВЦИОМ, могут сказать, что действительно хорошо осведомлены о произошедшем.

Слухов, пересказов, версий много — понимание же в дефиците. В атмосфере обильной, но поверхностной и противоречивой информации людям весьма не просто делать осознанные и ответственные выводы о сути произошедшего и о том, что следует делать, как поступать, чтобы «кондопога» — а это название прекрасного карельского городка уже становится нарицательным — не повторилась в Самаре, Новом Уренгое, Москве...

Пока же столкновения на почве национальной неприязни — самая популярная трактовка кондопожских событий, к ней склоняются 39 % опрошенных. Еще больше в этом уверены жители крупных городов и двух столиц (49-50 %). Еще четверть склонна видеть за этими столкновениями в первую очередь экономические интересы — борьбу криминальных группировок за контроль над выгодными местами торговли и предприятиями города.

Бытовая версия, которой руководствовались власти в самом начале событий, критики не выдержала — в нее верят только 6 % россиян. И треть россиян — вот он, показатель замусоренности и непрозрачности нашего информационного пространства! — и по сей день затрудняются с оценкой событий в Карелии.

Не случайно треть россиян сегодня говорит о дефиците информации по темам межнациональных отношений. Хотя 15 % самых нелюбопытных уже считают, что СМИ излишне подробно, избыточно муссируют межнациональную проблематику...

Как бы то ни было отсутствие у русского народа культуры терпимых и уважительных межнациональных отношений, с одной стороны, и рост националистических настроений — с другой, по мнению россиян, наименее правдоподобные объяснения причин произошедшего. Их приводят в качестве объяснений соответственно 15 и 10 % опрошенных. Большого доверия заслуживают такие объяснения, как экономическое (столкновение экономических интересов местного населения и приезжих предпринимателей — 26 %), культурное (конфликт двух различных образов жизни — местного населения и приезжих, 24 %), политическое (непродуманная миграционная политика властей — 23 %), социальное (бедность, плохие условия жизни людей — 21 %). Правда, широкий разброс предложенных мотивов говорит о том, что «кондопога» так и не понята, не объяснена толком, не отрефлексирована ни властью, ни обществом. Более четкое мнение имеется только у более информированных, чем в среднем по России, соседей Карелии по Северо-Западному федеральному округу — здесь версия «конфликта культур» вне конкуренции (39 %).

Кто виноват? А виноваты, как выясняется, не «ксенофобы» и не «приезжие», и не «криминал». Виноваты власти, причем власти местные. Недоглядели, бездействовали, а то и прямо способствовали процессам, которые затем привели к кровавым столкновениям. Так полагают 24 % россиян. Все остальные «виновники торжества» получили поровну — «местные жители» (4 %), «приезжие» (4 %), «правоохранительные органы» (3 %).

В чем причина столь однозначного вердикта? Можно рассуждать о том, что Кондопога — это «город одного завода», и мэр там привык во всем полагаться на родное предприятие, а за неимением указаний с оного — царствовать лежа на боку. Можно сослаться на личную нерадивость градоначальника, который не посчитал произошедшие столкновения поводом достаточным, чтобы прервать свой пляжный отпуск. Проблема, однако, в том, что бездействие или недостаточную эффективность действий властей по предотвращению межнациональных столкновений в их собственном городе (поселке, селе) фиксируют две трети опрошенных! По мнению 31 % россиян, местные власти что-то делают в этой связи, но явно недостаточно, а 30 % вообще не видят каких-либо позитивных действий властей. Лишь 18 % россиян положительно оценивают

действия властей и считают, что они делают все возможное для предотвращения межнациональных столкновений.

Среди москвичей и петербуржцев таких, кстати, лишь 8 %. И вообще, вырисовывается тревожная тенденция: чем крупнее населенный пункт, тем критичнее его жители оценивают действия власти. Если в селах соотношение «критиков» и «апологетов» национальной политики властей равно 33:49, то в двух столицах оно уже 39:51.

Диагноз «неудовлетворительно!», данный действиям власти в сфере национальных отношений, тем более опасен, что стычки, столкновения, «разборки» на национальной почве — это отнюдь не кондопожское «ноу-хау», а достаточно распространенное явление. По крайней мере, почти треть россиян (32 %) утверждают, что столкновения на национальной почве хотя бы однажды на их памяти бывали и у них в городе или поселке. И если большинство из них припоминает 1-2 подобных случая, то 9 % заявили, что такое у них случается часто...

И снова острота межнациональных отношений прямо связана с размерами населенного пункта. Если в Москве и Питере 29 % опрошенных отмечают частые межнациональные столкновения и 43 % наблюдают такие столкновения изредка, то в городах с численностью жителей от 100 до 500 тысяч эти цифры на порядок меньше — соответственно 7 и 27 %, а в более малых городах (типа Кондопоги) соответственно 4 % и 25 %.

То, что рвануло в малом городке типа Кондопоги, — это случайность или закономерность? Говорить сложно, но потенциал конфликта культур в крупных городах явно сильнее, чем там. Ведь почти 90 % москвичей и петербуржцев считают вероятными у себя в городе столкновения на национальной почве против 57 % в среднем по России. Наименее «горяча» эта тема в селах (36 % считают столкновения возможными, 54 % — нет) и малых городах (45 % против 45 %).

В чем причины таких кричащих цифр? На эту тему я уже высказывал ряд мыслей в предыдущей статье, повторю главную из них здесь. Иммигранты, будь то приезжие из других регионов России, республик СНГ, дальнего зарубежья, попадая в новый и чужой для себя микросоциум, зачастую ведут себя непривычно, странно, а то и оскорбительно для местного населения. И хорошо, если в понятие «непривычно» входит отказ от повседневного (не сказать: ежечасного!) употребления водки, иное отношение к труду, повышенные материальные запросы. Все это не несет опасного заряда, хотя изрядно «напрягает» местных жителей. Во сто крат опаснее, когда «приезжие» начинают задирать «туземцев», диктовать им свои порядки, предписывать им свои нормы поведения, нагло демонстрировать свое превосходство, неуважение к местным нравам и нормам поведения. В таких случаях ксенофобия как боязнь и неприятие чужих, пришлых — это вполне естественная и законная реакция на их поведение.

Имея не слишком положительный опыт абсорбции приезжающих, россияне склонны негативно оценивать их доминирование в большинстве сфер экономики и общественной жизни. Так, в отношении продовольственных и вещевых рынков соотношение тех, кто видит в таком доминировании больше вреда, чем пользы, составляет 53 % против 39 %; в строительстве и ремонте — 47 % против 43 %; в общественном питании — 54 % против 37 %; в сфере услуг — 48 % против 42 %. Наиболее же негативно люди оценивают перспективу доминирования приезжих в таких сферах, как органы местного самоуправления (71 % против 21 %) и охраны правопорядка (68 % против 23 %).

Действительно, с одной стороны, многие приезжие — неплохие работники, без которых обойтись трудно, к тому же не слишком требовательные в отношении оплаты и условий труда. С другой стороны, их «наплыв» создает очевидные проблемы, с которыми столкнулись многие, в том числе и жители Кондопоги. Поэтому общественное мнение склоняется к выводу, что доминирование приезжих в определенных сферах — все-таки скорее плохо, чем хорошо.

Между тем есть ряд сфер, где «приезжие» доминируют уже сегодня. Это, по общему мнению, рынки, стройки и общепит. 56 % россиян уверены, что приезжие практически полностью контролируют продовольственные и вещевые рынки (в Москве так считают 95 % опрошенных, в самых малых городах и поселках — около 50 %). Далее идут такие сферы, как строительство и ремонт (32 % считают эту сферу полностью захваченной приезжими), общественное питание

(29 %), сфера бытовых услуг (20 %), общественный транспорт (14 %), коммунальное хозяйство (11 %). Практически свободны от угрозы «пришлых» правоохранительные органы (5 %), органы местной власти, самоуправления (4 %), медицина (4 %), образование (4 %).

Само выделение «нашествия пришлых» как угрозы собственной жизни, благополучию, спокойствию — это довольно тяжелый диагноз состоянию общественного здоровья в России. Но одновременно и индикатор того, что страна не справляется с заполонившим ее потоком приезжих, не умеет обеспечивать его нормальную культурную, социальную и экономическую интеграцию. А сами приезжие зачастую и не желают, и не стремятся этого делать. Вызову массовой иммиграции не способны соответствовать и наши власти, которые рассматривают приезжих скорее как легкий и удобный источник административной ренты, чем как новый блок нетривиальных проблем, решать которые они не очень умеют и не особенно хотят.

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано на сайте «Взгляд. Деловая газета», 14 сентября 2006 г

© В.В. Федоров, 2006

Шариф Шукуров КСЕНОФИЛИЯ

В диалоге Платона «Софист» центральной фигурой повествования, лицом, от имени которого говорят важнейшие вещи назван ЧУЖЕЗЕМЦЕМ. Платон поясняет, что боги часто приходят к людям в облики чужеземца. Причина тому одна — Чужеземцы посланцы богов. Именно чужеземцам лучше всего видны пороки и достоинства, того общества, в котором они оказываются. Чужеземец подобен лакмусовой бумаге, отражая нюансы различных проблем общества.

Удаленность и неангажированность чужого будто бы и дает ему возможность со всей беспристрастностью оценить объект, его сильные и слабые стороны. Другими словами, чужеземец, чужой является зеркалом, в котором, в частности, отображается сила и слабость того, кто вошел с чужим в соприкосновение. Слова Платона о Чужеземце логичны для него, ведь сам он получил свою мудрость в Египте, из рук египетских жрецов.

С этой точки к чужеземцам следует относиться с особым вниманием, ибо их точка зрения может оказаться предельно конструктивной для построения своих моделей общества, своего взгляда на бытие. Вот таким образом Александр Македонский, ученик ученика Платона, его учителем был Аристотель, вошел с войной в Персию. Это была странная война, Александр, как известно, одержал безоговорочную победу. Однако при этом он стал названным сыном Сисигамбис — матери погибшего царя персов. Она же, в свою очередь приняла чужеземца как сына. Много более того: Александр переоделся и ходил в персидском платье, он заставил своих воинов проделать то же. И этого мало: Александр Великий повелел своим воинам жениться на десятках тысяч иранских девушек, а сам он взял в жены согдианку по имени Рахшанак или, как ее стали называть греки, Роксана. Ребенка Александр отправил домой к матери, а Олимпиада умертвила его. Он был для нее не просто потенциально опасным чужаком и варваром, рожденным от чужой матери. Этот ребенок определенно прерывал бы доминанту эллинства. В некотором смысле Олимпиада пошла против заветов высокой культуры греков и македонцев, культуры, воспитанной, в частности, Аристотелем. Мы возвращаемся к деяниям Александра.

В шагах Александра можно видеть действия мудрого правителя по укреплению своего положения в завоеванной стране. Но с не меньшими основаниями мы можем узреть в действиях царя проявления тех заповедей, которые были укоренены в его культуре и которым его обучил Аристотель. Любовь к чужому как к своему, крайняя необходимость понимания своего Я через приятие чужого. Александр был чужелюбцем. Он отмерял свои поступки посредством приятия чужого. Я подчеркиваю: это позиция ученика одного из величайших философов, это позиция любознательного и, соответственно, чужелюбивого человека.

В результате он создал столь мощную и динамичную державу, которая и явилась основанием современной карты мира. Древние сказания и легенды справедливо видят в Александре объединителя всех земель и народов. Древний Булгар, согласно одной из таких легенд, был основан именно Александром Великим. Это означает, что мир, созданный Александром Великим, получил чрезвычайное распространение вширь, этот мир получил чрезвычайную экстенсивность, захватывая все новые и новые территории. Например, во всем славянском мире и в Западной Европе были распространены «Александрии». Чужой для тех же славян мир Александра оказывался очень близким, в некотором смысле родным.

Следовательно, мы никогда не должны забывать, что Чужое может привнести свою меру отсчета. Как показывает история с Александром Македонским, чужое оказывается мерилom, инакомерием по отношению к Своему, отныне свои ценности измеряются инакомерием и Селевком, и Птолемеем, и даже римлянами.

Восприятие инакомерия — это способность человека отмерить свое чужим, не стать чужим, а оказаться более чем собой, открыть в себе самом, в тайниках своей души новые грани отношения к миру.

В качестве парольного слова я избираю русское слово греческого происхождения, неоднократно упоминаемое Осипом Мандельштамом. Это — ЧУЖЕЛЮБИЕ или КСЕНОФИЛИЯ. Чужелюбие — это любовь к другому через познание самого себя, это жертва и трудная, но благо-

дарная работа. Для того, чтобы узнать, а тем более полюбить Другого, а тем более Чужого, необходимы усилия, быть может, чрезмерные. Легче всего унижить чужого, изгнать его, гораздо труднее быть готовым принять его и спросить о том, что он мыслит о тебе. Нельзя узнать и полюбить чужого без объективной оценки своих ценностей. И невозможно полностью узнать себя без знания чужого.

Греческая филия (*philia*), которой достаточно много места отведено Платоном и Аристотелем, оказалась в центре внимания современной философии (М. Бланшо, М. Фуко, Ж. Делёз, Ф. Гваттари), не только потому, что дружба является силой и процедурой внутренней коммуникации людей, но и потому, что дружба имманентна, она лежит в основаниях греческой и, надо думать, любой другой культуры. Аристотель в «Метафизике» говорил о дружбе как причине возникновения Бытия. Дружба, соединяя вещи в единое, уничтожала все оставшееся*. Вот слова современных философов о феноменологии *филии*:

«Быть может, словом "друг" обозначается некая интимность мастерства, как бы вкус мастера к материалу и потенциальная зависимость от него, как у столяра с деревом, — хороший столяр потенциально зависит от дерева, значит, он друг дерева? Это важный вопрос, поскольку в философии под "другом" понимается уже не внешний персонаж, пример или же эмпирическое обстоятельство, но нечто внутренне присутствующее в мысли, условие самой ее возможности, живая категория, элемент трансцендентального опыта. Благодаря философии греки решительно изменили положение друга, который оказался соотнесен уже не с иным человеком, а с неким Существом, Объектностью, Целостностью»**.

Определенно Дружба наделяет гештальтом социум, гештальтирующее значение Дружбы состоит в наделении общества чаемой целокупностью всяких пространств — политического, социального, бытового. Сказанное вполне совпадает и с мнением Аристотеля о дружбе и любви. Он учил тому, что любовь исходит из дружбы, а дружба и есть главная цель любви***.

Для современного мира, как никогда важно, вспомнить заветы греческой культуры: много конструктивнее не враждовать, а дружить, скрепляя дружескими узами даже кардинальное различие взглядов на политику, религиозную принадлежность, расовое и национальное отличие. *Philia*, действительно, является силой, могущей пробудить спящего, даровать прозрение незрячему, наделить возможностью понять чужую речь. Именно таким образом любовь и истинная дружба помогла христианским апостолам обрести дар понимания чужой речи и изъяснения на ней. Нет смысла приводить другие примеры, существенно то, что греческие аналоги *philia* присутствуют во многих культурах. Чужое любят как Свое, только потому, что в нем присутствует та сила, посредством которой люди, народы, религии находят общий язык, общие темы для обсуждения.

Здесь следует сделать одну оговорку: нельзя думать, что Чужое принимается целиком и безоговорочно. В Чужое вглядывается не просто с заинтересованностью, в него следует всматриваться аксиологически, ценностно. Следовательно, приятие Чужого должно вестись разумно, полностью отдавая себе отчет в ценностной природе заимствования. Аксиологический подход к восприятию Чужого должен быть превалирующим, ибо Свое с необходимостью должно обогащаться во время встречи с Чужим. Инакомерие с обязанностью должно привнести новый взгляд на уже знакомые вещи, на жизненный уклад, т.е. не только на онтическое отношение к себе и ближнему, но даже на различные измерения онтологии, т.е. изменение самой меры бытийственности — обогащение восприятия мира и Бога. Вот ближайший пример тому, пример из истории религиозно-культурного становления Руси и России.

Я хочу рассказать и о том, каким образом чужое становится настолько близким, что начинает восприниматься как свое. Все знают о крещении Руси, о том, как христианство утверждало свои права на русской земле. Какие духовные подвиги стоят за укреплением вероисповедного начала на Руси и сейчас — в России. Но начиналось все с приятия чужого. Д.С. Лихачев оспо-

* Аристотель, *Метафизика* // Аристотель. Сочинения, М., 1975, с. 247.

** Ж. Делёз и Ф. Гваттари, *Что такое философия?* Санкт-Петербург, 1998, с. 11-12.

*** Аристотель, *Первая аналитика* // Аристотель, Сочинения, М., 1978, т. 2, с. 247.

рил бытовавшее мнение о влиянии Византии на Русь, в результате этого влияния будто бы и пошло на Руси православие, стали строиться церкви, появилась церковная архитектура, возникли художники и прочее и прочее.

Лихачев опроверг теорию влияния Византии на Русь и обосновал другую теорию, теорию *трансплантации* византийских ценностей на Русь. Трансплантация — это перенесение, механический перенос ценностей. Византийская культура совершила *трансгрессию*, т. е. попросту овладение другой культурой. Говоря языком современной философии, Византия схватила Русь, что не могло не сказаться на передаче ценностей духовных и материальных.

Результатом переноса, трансплантации византийских ценностей в иную этническую и государственную среду стало возникновение крупнейшего оплота Православия в мире. Но в основе этого процесса, я повторю, и было Чужелюбие, восприятие Чужого как своего, а также труднейший, многовековой процесс отбора византийских ценностей. Россия всегда помнила о Византии, а время от времени в ней раздавались призывы к возвращению на духовную родину (скажем, во времена Екатерины). Этот процесс иначе, но продолжается по сию пору. Скажем, православный мистицизм (исихазм), воспетый отцом Иоанном Мейендорфом, с удвоенной силой в настоящее время изучается именно в России. Византия продолжает будить воображение россиян, а когда-то чужое и неприемлемое, окончательно стало своим и вождленным. Процесс укороения византийских ценностей в России продолжается и сейчас.

Вот еще один вывод: чужелюбие — это часто детерриторизация. Что же такое трансплантация, о которой говорил Д.С. Лихачев? Конечно же, и в первую очередь — это детерриторизация — смена своей территории, но не ее окончательная утрата, ибо силовое поле базовой территории продолжает активно функционировать, столкнувшись с ценностями другой территории, культуры другого этноса. Ведь образно Византия и стала Россией, третьим Римом.

Культура, перешагнувшая свои рубежи, неизбежно обогащается, если эта культура духовно сильна и прочны ее внутренние связи. Детерриторизация как трансплантация — это продолжение активной жизни своего в чужом. Чужое не становится своим, Русь не могла стать фактически не стала Византией, но она, Русь полюбила Византию как саму себя. И назвала позднее себя Св. Русью и Третьим Римом, ибо Вторым Римом был Константинополь. Второй Рим продолжает свою иную жизнь в Третьем Риме.

*А ты, славянская комета,
В своем блужданьи вековом,
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!*

Мандельштам

Я перехожу и к еще одной грани Чужелюбия, столь лилейно воспитанного в прошлой России. Я расскажу о теории А.С. Хомякова и Н.Ф. Федорова не только потому, что их важнейшие воззрения столь существенны для современной России. Дело в том, что они со всей возможной убедительностью показали значение ценностных характеристик, на первый взгляд, чужих стран и религий. Именно для них совсем Чужое обрело статус Своего. Но самое главное: я буду говорить в духе Хомякова и Федорова, тех мыслей, что оставили малозаметный след в современной интеллектуальной жизни России, но были отчетливо произнесены в книге «Семирамида» А.С. Хомякова и «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова.

Книгу Хомякова высоко ценил Гоголь, Хомяков как родоначальник славянофильства парадоксальным образом обнаружил вовсе не славянские корни духовного мира для славян, но, в первую очередь, для русских. Именно Хомяков заговорил об иранстве как об аксиологической категории, как синониме творческого духа. Именно Иран был воспет им как непревзойденное средоточие достижений самого высокого порядка. Иранству противостояло все, что работает против высокой культуры, против творчества как такового.

Скажем несколько слов и об Иране. В древне-иранской мифологии существовало стойкое представление о «друге», выработанное посредством одного из центральных божеств индо-

иранского пантеона — Митрой. Наибольшую известность приобрел древнеиранский бог Митра, чье имя означает договор, согласие; имя Митра в свою очередь восходит к индоевропейскому корню, имеющему прямое отношение к идее мира, согласия, дружбы. Авеста называет Митру «выпрямителем границ», что актуально и для социальных отношений, и в космическом значении. Ассоциации Митры с солнцем достаточно прочны, ведь солнце друг-спутник человека, а потому Митра и союзник, и безопасная гавань и причал*. Имя ведийского бога Митры означает также «друг»**. Бенвенист делает существенное уточнение, которое удачно согласуется со всем сказанным выше о «друге» в персидской культуре: «...речь идет не о дружеских чувствах, а о договоре, основывающемся на обмене»***. Друг всегда надеется на ответное чувство друга. В новоперсидском языке трансформированное имя Митры (*mehr*) закрепилось в значении приветливости, милосердия, нежности, а также солнца. Как мы видим, в языковой практике средневековых иранцев сохранился субстратный пласт значений древнеиранского Митры, однако, одновременно и в полной мере выявились субъектно-объектные связи, о которых говорил Бенвенист. Нельзя оставаться приветливым, милосердным и нежным человеком без толики ответного чувства со стороны того, к кому обращены эти чувства. Ритуал перешел в риторичность общественного поведения.

Нельзя не заметить немаловажной разницы между иранцами и греками в отношении дружбы (*philia*) и/или любви к богам****. Если для греков означенная ситуация была невозможна, то иранцы с легкостью называли Бога своим другом, Бог и есть Друг. Суть дела состоит не в том, что греки знали философию как таковую, а иранцы могли судить о ней сквозь спектр исламской теологии, существенно окрашенной хорошими знаниями о греческой мудрости. Мятая дискуссия иранцев тщательно охраняла высокую степень антропоцентризма своей культуры. Мерой этого дискурса был не просто человек, но человек, воспринимаемый как друг, вне зависимости от привходящих жизненных обстоятельств. Человек априорно являлся другом всему, что попадало в поле зрения, даже врагу. Этому учил этикет, так или иначе воспринятый из древних ритуалов.

Нельзя забывать, что ту же позицию высоко ценил Ницше, он выразил ее в своей поэме «Заратуштра», столь повлиявшей на просвещенные Европы и России. А ведь Заратуштра был пророком и основателем зороастризма, этнической религии иранцев. Ницше воспел свободу Заратуштры, его возможности преодолеть привязанности, что сделало эту книгу весьма знаковой и для современной философии французов и россиян. Зороастрийские города находят ныне и на южном Урале. Я возвращаюсь к Хомякову.

По мысли Хомякова, иранство, обращенное им из этно-культурно-религиозной реалии в историческое понятие, находит свое воплощение во всех позитивных началах культурного мира. В основаниях еврейства и христианства, древних Греции и Рима лежит иранская (и уже — восточноиранская) духовная основа. Необходимо заметить, что многие из априорных утверждений и гипотез русского историсофа находят свое подтверждение в фактах либо неизвестных ему, либо ставших достоянием только современной науки. Я говорю об исследованиях современных ученых, гордости России — академиков Топорове и Трубачеве. Именно они продолжили начатое Хомяковым изучение взаимоотношения иранства и России, но уже в рамках академической дисциплины *Irano-Rossica*. Наиболее близок к взглядам Хомякова Топоров, поскольку именно

* См. об этом подробнее: Ф. Кюмон, *Мистерии Митры*, Санкт-Петербург, 2000, с. 184-185.

** См. более подробно с приведением необходимой библиографии вопроса: В.Н. Топоров, *Митра // Мифы народов мира*, т. 2, М., 1982, с. 154-155. Там же см. о связи Митры и Варуны в «Ригведе». Эту связь в контексте мифологического понимания дружбы можно было бы назвать космическо-дружественной, априорно неразделимой.

*** Э. Бенвенист, *Словарь индоевропейских социальных терминов*, М., 1995, с. 81 и далее.

**** Вот, что пишет Аристотель в «Большой этике» в пространном разделе о дружбе: «Дружба, утверждаем мы, имеет место там, где возможна ответная любовь, а дружба с богом не допускает ни ответной любви, ни вообще какой бы то ни было любви (*philein*). Ведь нелегко услышать от кого-то, что он "дружит с Зевсом" (*philein ton Dia*)» (Аристотель, т. 4, М., 1984, с. 362).

он открыл широчайшие горизонты духовной связи иранцев, индийцев и русских, работая исключительно в пределах науки и отчасти философии.

Основной целью Хомякова на протяжении всей «Семирамиды» оставалось прояснение проблемы духовной прародины славянства. Выводя происхождение славянства и русских из восточного Ирана, он отмечает:

«Получив в Иране достояние древнего просвещения, они в своей кроткой и труженической жизни пахарей, купцов и горожан хранили старое наследие предков неизменнее других одичавших племен»*.

Одна из наиболее объемных характеристик значения восточного Ирана формулируется мыслителем следующим образом:

«Величие Ирана не дело случая и условных обстоятельств. Она есть необходимость и прямое проявление духовных сил, живших в нем искони, и награда за то, что из всех семей человеческих он долее всех сохранял чувство человеческого достоинства и человеческого братства, чувство»**.

В последнем случае имеются в виду, конечно, русские, именно они, по мысли Хомякова, в большей сохранили величие древнего Ирана. Надо, кстати, видеть и слышать, с каким интересом и надеждой говорят современные иранцы о России. В отличие от большинства россиян, иранцы, интеллектуалы и даже простые люди, знают об общности происхождения иранцев и русских. Для них чуждость в определенной степени мнима, они далекие родственники русским и желают восстановления былого родства.

Я вновь обращаюсь к Мандельштаму, его знаменитым строкам:

*Я получил блаженное наследство —
Чужих певцов блуждающие сны;
Свое родство и скучное соседство
Мы презирать заведомо вольны.
И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.*

В свою очередь, Федоров в «Философии общего дела» говорил о Восточном Иране как о месте упокоения предков славян, русских, он говорил о том, что именно Памир и его окрестности хранят останки предков, которые необходимо перевезти в Москву, в Кремль. Своеобразие религиозно-этической концепции Федорова сталкивается с проблемой замещения духовного центра христиан — Константинополя, Царьграда. Ведь он утрачен и потерял свое реальное значение духовного центра. Место Константинополя занимает Кремль, философема, символ учения мыслителя. Место вселенского Кремля на Памире. Поскольку символ есть «реализованная реальность», то Кремль обретает свои реальные топографические черты — это Памир — место упокоения праотцов, духовная прародина русских, христиан и всей мировой истории духа

Речь идет о единой надэтнической общности славян и иранцев, русских и таджиков — иранцев, живущих на востоке иранского пространства. Все ныне почти забыто, но сама история заставляет нас вспоминать достижения ведущих русских интеллектуалов. Усилия же академиков Трубачева и Топорова слишком специальные, чтобы повлиять на общественное мнение. Широкая оценка их трудов видится в отдаленной перспективе, хотя, повторяюсь, она чрезвычайно актуальна именно сейчас, когда все чаще и чаще мы встречаем акты ксенофобии, полной противоположности *ксенофилии*.

Вновь вспомним о Заратуштре Ницше. Интеллектуалы России и Запада начала прошлого века говорили на одном языке, они превозносили Чуждость ради постижения и раздвижения все

* Хомяков, указ. соч., с. 350

** Хомяков, указ. соч., с. 441

новых и новых горизонтов своей культуры. Так в русской культуре возникли античные и персидские образы, но взяты они были как свое наследие, наследие общечеловеческой культуры. Дореволюционная русская культура, подобно двуликому Янусу, глядела в свое прошлое и в свое будущее. Это было возможно только потому, что в основе этого взгляда лежали глубочайшие основания чужелюбия. Нелишне заметить в этой статье, что Персия для русского поэтического сознания была всегда чем-то недостижимым, быть может, окрашенным в эсхатологические краски. Поэзия В. Хлебникова и С. Есенина хорошо иллюстрирует эсхатологический образ Персии, Ирана, как в общей тональности обращения к теме, так и в выборе метафор.

Еще один пример связывается с историческими контактами Древней Руси с иранцами Средней Азии. Иранское происхождение ряда центральных богов древнерусского пантеона признается лингвистами и религиоведами неопровержимым. Гораздо интереснее другое: название Киев обязано своим происхождением иранскому имени Кийа и иранской царской династии Кайанидов. Киевская Русь имела стабильные контакты с северо-восточными окраинами иранского мира — Хорезмом. И даже гвардейцами киевского княжеского двора были именно хорезмийцы. Выдающийся русский ученый В.Н. Топоров в этой связи пишет следующее:

«Роль хорезмийской прослойки киевского населения во введении этих божеств в киевский пантеон представляется теперь весьма правдоподобной. Почитание сияющего Солнца и Симурга воинами-хорезмийцами киевского гарнизона было, видимо, последней (ближайшей) причиной появления их в кругу "Владимировых" богов».

Нет в мире религий, которые бы были сформированы только на основании кладовых собственного разума. Нет в мире философских систем, которые бы покоились исключительно на этнических достижениях. Чужелюбие всегда оставалось онтологической категорией познания, и непременно аксиологического познания. Я вспоминаю фигуру преподобного Иоанна Дамаскина. Он был последним отцом Церкви, теоретиком ее догматических воззрений и оправдателем иконопочитания. Но где он жил? Его жизнь протекала при дворе халифа в Дамаске, он жил среди иноверцев. Чужое было бытийной средой его жизни и творчества.

К чему мы пришли? Для того, чтобы объективно глядеть в мир, следует знать, что мир никогда не бывает одноцветным. Только многоцветие культуры способно приносить плоды радости и познания. Для чего люди изучают чужие языки? Ведь не только ради собственных рациональных нужд для чтения газет, книг и бесед на чужом языке. Зная другой язык, человек с большими основаниями может взглянуть на самого себя, на свою самость. Сделать Чужое Своим, искусно присвоить его себе, сделать достоянием Своей культуры дело нелегкое. Этого могут добиться укрепленные в своих основах культуры и люди, чье мировоззрение допускает такой шаг. Только невежда, плохо обученный человек может пренебречь достояниями чужой культуры.

В мире не существует культур и религий, не прошедших через процесс трансплантации и влияния Чужого. Существует множество примеров, когда культура и религиозная идентификация строится посредством активного восприятия Чужого. Я остаюсь горячим приверженцем Хомякова, чей опыт еще не оценен, парадоксально не оценен в сегодняшней России, прежде всего потому, что он ярчайшим образом историсофское значение ксенофилии. Быть может, его трактат «Семирамида» до сих пор остается ранним, еще не востребованным по существу.

Мы знаем, что толерантность, призывы к которой уже которое десятилетие раздаются из уст политиков, лидеров религиозных общин и деятелей культуры, не срабатывает. Толерантности явно не хватает отчетливости, категориальной отчетливости для того, чтобы стать аксиологически ценностной для всех, для каждого. Ведь Чужелюбие призывает не к толерантности, т.е. терпимости, а к любви, к близкому и к далекому. Любовь и дружба не толерантны, они не требуют терпимости, но неистовости, пыла и даже жара в достижении искомого.

Я убежден, что Чужелюбие является зримым проявлением имманентной человеческой природе *филиш*. Необходимы условия для того, чтобы люди вновь и вновь обретали свое исконное чувство дружбы и любви, этому надобно учить, подобно тому, как это делали христианские апостолы. Без обучения Чужелюбию, чувству дружбы и любви к другому, восприятие терпимости к другому останется не раскрытым, не проясненным.

Я закончу уже сказанным, но иначе: чужелюбие это познавательная категория, категория аксиологического умозрения, ибо познать чужое можно только ценностным образом. В чужих ценностях всегда сохраняется некая тайна, следовательно чужелюбец по определению является тайновидцем. Он зрит в Чужое как в тайну, его задача распознать ее и сделать эту тайну своей, пропустить ее через себя. В средние века в Европе был расхож термин *транспаренция*, т.е. выветление вещи, посредством чего она становится много более ясной. Так вот, чужелюбие и есть специфический вид *транспаренции* сущего и всего Бытия, во имя распознания его истинных границ и объемов.

Современной России явно не хватает инструментария *транспарентного* чужелюбия, во имя понимания истинных горизонтов своей культуры, ее настоящего и будущего. Ибо будущее будет вновь основываться на аксиологическом взвешивании своих и чужих ценностей. Однако к этому будущему следует пробиться, ибо многое тому мешает. За постоянными заботами об армии и нефти с газом власти упускают главное — нравственность общества, его способность достойно жить на той земле, которая издавна именуется Святой Русью. Вот, как об этом говорил самый чужелюбный поэт России о недавнем прошлом, усугубленном настоящим:

«Чужелюбие вообще не входит в число наших добродетелей. Народы СССР сожительствуют как школьники. Они знакомы лишь по классной парте, да и по большой перемене, пока крошится мел»

(Мандельштам, Путешествие в Армению).

© Ш.М. Шукуров, 2006

Дмитрий Андреев
КАКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НУЖНА РОССИИ?

«ГОСУДАРСТВО — ЭТО ДОКТРИНА В ДЕЙСТВИИ»

Данное высказывание Антониу ди Оливейра Салазара — удачная метафора для взаимного интегрирования этатистского и корпоративного начал в единое и эффективное целое. В последнее время слова «государство» и «корпорация» часто рассматриваются во взаимосвязи. А понятие «государство-корпорация» вообще прочно вошло в современный российский политологический обиход для обозначения властвующего субъекта, для которого собственные интересы не совпадают с интересами управляемого им государства как суверенного целого. Однако тот же самый образ можно представить себе и иначе — государство как общенациональная корпорация.

На первый взгляд такая конструкция выстраивается и интерпретируется путем привычного аналогового моделирования, то есть простого «растягивания» корпоративной среды до масштабов государства. Несомненно, такой прием продуктивен, однако он требует подробной детализации. Модель общенациональной корпорации трудно охарактеризовать в пределах одной статьи. А вот метафора в отличие от модели лаконична и, главное, плодотворна для проблемного осмысления феномена, конкретно-содержательное наполнение которого пока что трудно себе представить.

Два года назад в бюллетене калифорнийского Института Санта-Фе, занимающегося системными исследованиями в ракурсе своего рода проектирования будущего, была опубликована статья «Метафоры — лестницы инноваций». В ней доказывалась продуктивность креативного метафоротворчества для инновационных разработок в самых разных сферах деятельности — от социогуманитарных до естественно-научных. По мнению авторов статьи, «проектная метафора — это, скорее, приглашение к основательной работе, приглашение, без которого немислимо никакое инновационное начинание». Рассмотрение корпоративизма как метафоры инновационной российской государственности, создающей благоприятные условия для эффективной мобилизации общества, может положить начало целому направлению перспективного социального конструирования. Как отмечалось в вышеуказанной статье, «там, где капитулирует аналогия, начинает работать метафора»...

Для функционирования общенациональной корпорации, как, впрочем, и любого другого предприятия, первенствующую роль играет грамотное сочетание трех основополагающих компонентов — мотивации всех задействованных в проекте лиц, качества и способа внутреннего и внешнего лидерства, а также формирования особой альтернативной окружающему миру среды, оправдывающей выбранную организационную конструкцию.

Начнем с мотивации. Один из корифеев научного менеджмента Дуглас Макгрегор считал, что управленцы, как правило, руководствуются одним из двух противоположных представлений о мотивациях своих подчиненных. Одни считают, что изначально человек — никудышный работник. Он безынициативен, ленив, всегда заинтересован в минимизации своих трудовых затрат (при фиксированной оплате труда). Поэтому с ним можно разговаривать лишь на языке жесткого администрирования. В крайнем случае, дабы предотвратить неизбежную при такой стилистике взаимоотношений конфликтность, можно идти навстречу работнику и превентивно затыкать ему рот продуманными подачками. Однако даже в этом случае (а точнее, именно вследствие него) отношение к подчиненному остается неизменным — как к противнику, которого следует обхитрить и нейтрализовать. Макгрегор назвал подобный взгляд «теорией X». Приверженцы противоположной точки зрения («теории Y», по определению Макгрегора), напротив, априорно исходят из мнения, что абсолютно любому человеку присущи соревновательные побуждения. И задача менеджмента как раз и заключается в том, чтобы создать для работника такие условия труда, при которых соревновательная мотивация распакуется в полной мере. Человек осознанно будет стремиться к более высоким трудовым показателям, руководствуясь как азартом конкуренции со своими коллегами, так и ожиданием закономерного вознаграждения со стороны руководства.

Динамика предпочтений указанных теорий со стороны менеджмента легкоугадываема. Число сторонников «теории X» сокращается, а количество ориентирующихся на «теорию Y» возрастает. Однако, как обычно, реальная жизнь намного сложнее и богаче любой самой детальной схемы. На практике каждый руководитель прибегает к обеим теориям в зависимости от ситуации. За подобную всеядность, правда, приходится платить дорогую цену. Так, разразившийся на излете минувшего столетия кризис менеджмента на Западе был как раз вызван тем, что прокатившиеся тогда массовые сокращения персонала вкупе с существенной перестройкой технологических цепочек деловой активности проводились на фоне интенсивной пропаганды новых приемов стимулирования труда и укрепления партнерских взаимоотношений руководства компаний и их служащих. Практики обеих взаимоисключающих друг друга теорий пересеклись, и в результате вместо ожидаемого улучшения корпоративного климата произошел откат назад в конструировании трудовых коллективов на основе приоритета ценностных ориентаций сотрудников. Например — единого для всех понимания миссии компании и веры в ее амбициозное будущее. Тем не менее доминирующая тенденция прочерчена, и сегодня многие специалисты по HR (human relations) убеждены в том, что в недалеком будущем уже не прибыль, а именно мотивация персонала как главная составляющая успеха трудового коллектива окажется на первом месте среди его стратегических целей.

Данные наработки научного менеджмента обретают особое звучание в масштабах общенациональной корпорации. Гражданам-корпорантам должно стать комфортно на «рабочем месте» (понимаемом в качестве социальной роли или статусного положения) до такой степени, чтобы, условно говоря, их не тянуло «домой» (то есть в локальную парцеллярную жизнь с преобладающим потребительским — центростремительным — вектором коммуникаций). Естественно, в разумных пределах и без каких-либо аналогий с казарменным коллективизмом пройденных уроков прошлого. Собственно, задача заключается в повышении интенсивности коммуникаций, в пространстве которых личность волей-неволей окажется вовлеченной в иную ритмику жизнедеятельности.

Особое традиционно свойственное нашей культуре отношение к «жизни» на работе уже немало поспособствовало обозначенной задаче. «Презентизм» (внутренняя потребность находиться на службе даже при отсутствии на то должностных предписаний), нормальное и даже естественное восприятие продолжительности рабочего дня «с одиннадцати и до конца», непременность корпоративного досуга, понимание социализации личности именно как профессиональной деятельности — все это элементы «эргономики по-русски», хорошо нам известные по вчерашним производственным романам и сегодняшним реалити-шоу.

Но такая «эргономика» лишь создает условия для подобающей «сотрудникам» общенациональной корпорации мотивации. Равно как и сама по себе мода на корпоративную субкультуру только свидетельствует о возможностях определенных качественных перемен в сфере общественного сознания, но отнюдь не начинает их автоматически провоцировать. «Теория Y» при всей своей перспективности также всего-навсего указывает ориентиры, понятные в рамках отдельно взятого трудового коллектива, но неизбежно утрачивающие изрядную толику аккумулированного опыта при попытке их трансляции на уровень государственного масштаба. И вот тут-то уже никак не обойтись без стимулирования пассионарности, понимаемой именно в качестве специфического силового поля гражданской активности.

Сама по себе пассионарность часто воспринимается исключительно в категориях мобилиционности или каких-то иных формах экстремального типа существования. Однако подобная ее оценка — в целом правильная, однако не исчерпывающая и, главное, выставляющая на первое место вовсе не самый значимый критерий. Безусловно, пассионарии — это люди, для которых самозабвенное служение поставленной цели составляет главное содержание и смысл их жизни. Но все-таки ключевой маркер пассионарности — это претензия и как результат попытка выстраивания повседневности, альтернативной общепринятому пониманию обыденности. Антонимами пассионарности являются самодостаточность, успокоенность, удовлетворенность и даже наслаждение окружающей действительностью, гедонистическая бездеятельность.

Таким образом, пассионарии перекраивают отнюдь не политическую стилистику, а неизмеримо более существенный феномен — саму культуру «безмолвствующего большинства», за-

гнанного в гетто рутинной целесообразности и вульгарного прагматизма. Культуру, претендующую на монопольное обладание здравым смыслом. Поэтому для пассионариев — помимо положительных идеалов — насущно необходимы идеалы негативные, своего рода образы антиподражания, явственные представления о том, кем они ни в коем случае не хотят быть. Можно даже с еще большей определенностью обозначить главного антипода пассионариев. Этот антипод — любая сознательная и последовательная антипассионарная система ценностей, идеология или деятельность. И уже закономерным и естественным следствием установки на иной способ жизнедеятельности оказывается приоритет мобилизационных или других экстремальных форм поведения и бытия.

В проектируемой общенациональной корпорации пассионарии выступают промоутерами этой самой альтернативы, обретающей в масштабах государства уже определенные социально-политические измерения. Поначалу собственно содержательная составляющая данной альтернативы может прочитываться и недостаточно ясно, однако, как это почти что всегда бывает в политике, четкая и определенная артикуляция «против» на первых порах оказывается гораздо более значимой и эффективной, нежели пропаганда очевидного, но вместе с тем невнятного «за».

Пассионарность, как это ни парадоксально, по сути своей аполитична. Точнее, она аполитична в традиционной системе координат, системе, пытающейся втиснуть многообразие ценностных ориентиров и мотиваций в тесную рамку, фиксирующую действительность лишь в двухмерном измерении — между либерализмом и тоталитаризмом. Традиционный модернистский взгляд на идеологию оказывается, таким образом, совершенно ей несвойственным. Подлинное ноу-хау пассионарности именно как смыслообразующей энергетики состоит, скорее, в ее мотивационной идеологизированности, для которой приоритет социальной активности есть абсолют, не подвергаемый сомнению. Эта мотивационная идеологизированность формирует собственное пространство политического действия.

Позволим себе здесь несколько необычную аналогию. Знаменитый физик и изобретатель Никола Тесла утверждал, что человечество буквально повсюду окружают неиспользуемые источники колоссальной энергии. Ученый имел в виду кинематический потенциал мира движения — от элементарных частиц до самой планеты Земля, которая вращается, а значит, может быть фантастическим генератором, дарованным людям самой природой.

Проецируя этот естественно-научный образ на социум, следует заметить, что и в окружающем нас космосе межличностных коммуникаций сокрыто бессчетное количество дремлющих источников пассионарной энергии. Чтобы их «разбудить», необходимо создать определенное силовое поле — мобилизацию. Кстати, даже на благополучном Западе сегодня остро востребованы эти дополнительные источники человеческой энергии, которые «распаковываются» прежде всего в различных неформальных субкультурах, тяготеющих к тем или иным видам мобилизационной мотивации. Стоит ли говорить о том, какой богатый материал для возможной социальной инженерии в этом направлении представляют наши собственные неформальные субкультуры — от спортивных фанатов до завсегдаев виртуальных чатов. А какую богатую пищу для размышлений о возможностях мобилизационного этоса дает опыт конструирования нетрадиционных общественно-политических объединений типа «Идущих вместе» и «Наших». Ведь даже за шквалом тотальной дискредитации этих структур в СМИ при желании можно разглядеть уникальный опыт культивирования в нетоталитарных условиях новой социально ориентированной личности. А сколько наработок в данной области, к примеру, у конфессиональных структур или ветеранских братств. Сама жизнь выдвигает на повестку дня разработку аналогичного прорыва в сфере профессиональных организаций. Работа на этом направлении позволит вырвать сферу трудовой мотивации из-под спуда бюджетной (да и шире — зарплатной) детерминированности. Это ли не поспание законов повседневности?

Сегодня часто приходится слышать мнение, что напрягшие нашу власть некоторое время назад «бархатные революции» в ближнем зарубежье помимо внешнего финансового и технологического обеспечения осуществлялись во многом за счет пассионарной энергии народа. Подобное утверждение сомнительно хотя бы уже потому, что пассионарная мотивационная идеологизированность в принципе чужда политкорректным «бархатным революциям» с их ценностной

зашоренностью и предзаданностью, табуированностью многих острых проблем для публичной дискуссии, культом сомнительных харизматических личностей, карнавальной несерьезностью и безответственностью.

Современный менеджмент, развивая направление, обозначенное «теорией Y», все чаще рассматривает работника преимущественно в качестве своеобразного инвестора, производящего и вкладывающего собственный человеческий капитал по своему усмотрению. Иными словами, по крайней мере на знаковом уровне субъектно-объектные отношения на рынке труда перевернулись с ног на голову (или, напротив, наконец-то стали в естественное положение после многовекового пребывания вверх тормашками). Инвестирование — это не продажа квалификации, а приносящий прибыль бизнес. Поэтому менеджер из начальника, определяющего для подчиненного условия найма, превращается в консультанта, помогающего клиенту вложить капитал — с максимальной выгодой для обоих. Эффективность руководителя теперь определяется его способностью создавать среду, привлекательную для инвестиций человеческого капитала. И именно в таком качестве лидер становится ведущим инноватором трудового коллектива, хранителем и интерпретатором его миссии, держателем кадрового банка. Ну и, конечно же, «гуру», шаг за шагом возводящим своих учеников от одной степени квалификационного «посвящения» к другой... Вот и снова замкнулся круг, выводящий из деловой прагматики в пространство пассионарности.

Сегодня в России после фактической экспроприации главных и нелояльных режиму олигархов безраздельно господствует один-единственный субъект — коррумпированная бюрократия. Есть также и сила, способная ее заменить. Как это ни покажется парадоксальным, но данная сила порождена и выпестована теневой экономикой, легализовавшейся в начале 90-х годов. Это — класс менеджеров, управляющих, но не «царствующих», в отличие от британской королевы. А в России именно второе является непременным условием первого. Запад в свое время буквально выстрадал «революцию менеджеров». У нас же после нелегитимной приватизации на то же самое потребуются гораздо меньшие издержки. А если еще учесть крайне низкие (по сравнению с западными) претензии к уровню жизни и традиционно невысокую для России оплату труда, то условия для такого сценария — просто идеальные. И пусть идеологи сохранения статус-кво не твердят о якобы исчерпанном Россией лимите на революцию!

Наконец, лишь подлинному пассионарию под силу справиться с тайнописью нынешнего брендинга. И как следствие — овладеть его языком, а затем обратить в инструмент собственной власти. Конечно, в брендинге легче всего увидеть всего лишь идеологию — и не более того. В целом идеология действительно может рассматриваться как производство брендов. Однако между брендингом и идеологией все же имеется существенный понятийный зазор, о котором не следует забывать. Идеология — это индустрия смыслов, обеспечивающих мотивацию практической деятельности. Брендинг — это индустрия стилевых маркеров, производящих, в свою очередь, смыслы для личностных и коллективных идентификаций. Поэтому брендинг справедливо считать корпоративной идеологией, то есть системой самопрезентаций коллективного субъекта для внутреннего и внешнего применения.

Фокусировка современного менеджмента преимущественно на символической составляющей создаваемого бренда и как следствие усиление нематериальной заинтересованности вовлеченных в процесс его производства работников неизбежно ведет к целому набору взаимосвязанных перемен в корпоративной жизни. Еще более сакрализуется фигура лидера, а через него — правда, отчасти — и всего менеджерского корпуса. Границы корпораций становятся все более прозрачными и даже размываются вследствие массового вовлечения потребителей в процесс брендинга производимой продукции. Разворачивается острая конкурентная борьба между ведущими профильными компаниями за выпуск материального наполнения уже запущенного и работающего бренда. Стремительно возрастает доходность операций на рынке виртуальных брендов, то есть стилевых маркеров, уже изначально товарных и потому вообще не нуждающихся в каком-либо осязаемом содержании. Усиливается значение венчурного брендинга и увеличивается капиталоемкость инвестиций в прогнозируемые перспективы и ожидания.

Проецируя обозначенные тенденции на уровень нашей общенациональной корпорации, следует указать на колоссальные и еще не использованные возможности ее капитализации за счет

главного актива — человеческого капитала. Оперативная комбинаторика его составляющих — социальной, интеллектуальной и эмоциональной — способна многократно увеличить объемы инвестиций этого капитала. А учет динамической картины профессиональных, образовательных, демографических и иных трансформаций в жизни граждан-корпорантов позволит существенно ускорить его оборот. Одновременно (а еще лучше — даже с некоторым опережением) с наращиванием инвестиционной активности «сотрудников» корпорации следует всерьез заняться и формулированием постулатов их «религии». Правда, для этого уже требуются основательная подготовка и определенный опыт самоидентификации в качестве сопричастников данного проекта и, конечно, достаточно высокий градус пассионарности.

Вообще пассионарность может и должна рассматриваться как уникальная находка, способная преодолеть застарелые, вроде бы потухшие, но каждую минуту готовые разгореться с новой силой идеологические конфликты. Пассионарное мировоззрение выводит общественную дискуссию за пределы безнадежно устаревших сегодня разделений между правыми и левыми, либералами и традиционалистами, но вместе с тем обладает способностью интегрировать всех их без исключения в новый смыслообразующий проект для завтрашней России.

В этом отношении вызывает немало удивления довольно прохладное восприятие нынешней властью пассионарной идеологии и соответствующей ей общественной практики. Возможно, данный факт объясняется тем, что режим за семь лет своего существования уже сформировал определенную стилистику собственной политики. И этой стилистике онтологически несвойственны какие-либо пассионарные начинания — даже на уровне самопрезентаций. Ее идеологическая эклектика при более фокусированном и детальном рассмотрении, в общем-то, даже обретает определенную цельность и стройность. Системообразующей основой власти оказывается курс на «удвоение ВВП» на фоне освоения административной вертикалью основных финансово-экономических ресурсов. А при таком раскладе «надстроечные» процессы вообще перестают играть какую-либо роль и режим может свободно дрейфовать в поле идеологических маркеров — от державного квазимонархизма до либеральной олигархии и от социально ориентированного рынка до правого неоконсерватизма а-ля Тэтчер или Рейган. И пассионарность слабо согласуется с приоритетами очерченного курса.

Но нельзя не видеть и очевидных преимуществ пассионарности — в том числе для режима, заинтересованного в стабилизации и преемственности. Пассионарность — наверное, самая надежная гарантия от «оранжизма», об их онтологической несовместимости уже говорилось выше. Она также несводима к дремучему и всесокрушающему народному революционаризму, уже не раз в нашей истории не просто сметавшему государственность России, но и ставившему под вопрос саму причастность страны к человеческой культуре, ввергавшему ее в пропасть цивилизационной архаики. Пассионарность — это феномен, всегда тяготеющий к самоорганизации. А революции совершаются пассионариями именно для того, чтобы вырваться из состояния недо-революции, то есть революции, фактически произошедшей на смысловом уровне, но еще не оформившейся на уровне социально-политическом. Пассионарность, таким образом, не исключает революции, однако революциям как состояниям транзитным пассионарность противопоказана. Сотворение альтернативного проекта — процесс креативный, действительно требующий распыления национальных сил и энергий, но совершенно не обязательно в ритме катастрофизма.

Пока трудно представить себе, каким станет наше издание «архипелагов» новой «корпоративной культуры». Не исключено, что грядущие российские сетевые «империи» станут увеличенной моделью ярко выраженного патерналистского коллектива. Или же горизонтальной мегаобщины — чем-то вроде тайной международной организации рабочих, изображенной в провидческом, но изрядно подзабытом сегодня фантастическом романе Мариэтты Шагинян «Месс-Менд».

АНТИДЕМОКРАТИЯ КАК ПРОЕКТНЫЙ КОМПЛЕКС

Позволим себе последний лингвистический комментарий. В древнегреческом языке слово «анти» означает «вместо». В русском же языке оно часто переводится как «против», что не совсем правильно. «Вместо» — не всегда «против». Поэтому «антидемократия» — это не противоположные демократическим принципы управления. «Суверенная демократия» — это «антиде-

мократия», если под демократией подразумевать механическое заимствование отживших западных практик. Следовательно, под антидемократией естественно подразумевать систему мер, способных вместо традиционно понимаемого народовластия выстроить некий иной, альтернативный образ взаимоотношений власти и ее подданных.

Конечно, на первых порах можно говорить лишь о примерных моделях, выполняющих, скорее, буферные функции по «раздемократизации» (воспримем этот неологизм как первую ласточку антидемократии) текущей общественно-политической жизни.

Для переходного периода необходима «имитационная демократия». Следует сразу оговориться, что под ней подразумевается не профанация демократии с помощью тех или иных политехнологических приемов, а именно комплекс мер, с помощью которых отвыкание от мотивационных штампов демократии станет относительно безболезненным.

К примеру, ощущение причастности к власти в определенной степени может быть достигнуто путем ее виртуального переформатирования из статусно недостижимого центра в повседневно окружающую периферию — как географическую, так и проблемную. Конечно, нет ничего хорошего в том, если власть всецело погружается в разрешение проблемы срыва отопительного сезона в регионе, отстоящем от Москвы за тысячи километров, или же с головой уходит в наведение конституционного порядка в мятежном субъекте Федерации. Однако при всем при том такая ситуация, к тому же умело преподнесенная в СМИ, способна существенно сократить ощущение дистанции между политическим центром и бытовой периферией; не допуская не подготовленных к сфере принятия управленческих решений, создать у электората впечатление его обволакивания пространством власти.

Определенную ценность для «имитационной демократии» представляют наработки западных исследователей организационно-административных практик. Они напоминают советские приемы замещения политической демократии возможностями соучастия в производственном самоуправлении. Перекодирование мотивационных установок достигается путем привлечения работников к «общественному менеджменту» (workplace democracy). «Административная демократия» (administrative democracy) рассредоточивает процесс принятия управленческих решений, превращая его из прежде исключительно бюрократической прерогативы в совместный проект производственной администрации и сторонних экспертов. А небюрократическая экспертиза вообще способна стать привлекательной заменой электоральных институтов политической демократии. В конце концов, если с помощью указанных шагов удастся взять под контроль бюрократическое начало (пусть даже на конкретном производственном уровне), то через это одна из главных задач политической демократии окажется реализованной — причем совершенно с другой стороны.

Если же говорить о следующих за «имитационной демократией» и, следовательно, более продвинутых проектах антидемократии, то среди них можно выделить как минимум три модели, обеспечивающие причастность к принятию управленческих решений в неэлекторальном поле.

Матричная модель устанавливает жесткую зависимость возможности повышать управленческий статус работника от синхронного роста аналогичных статусов его подчиненных. (По образу матрицы, синхронизирующей и делающей неизбежной одновременную динамику всех входящих в нее элементов.)

Ярусная модель может реализовываться двояким способом. Во-первых, как своего рода поликратия (власть параллельных иерархий) наоборот. Если поликратии требуется некая особая иерархия, вознесенная над всеми остальными иерархиями, то ярусная модель — это динамическая конкуренция этих иерархий при отсутствии среди них изначально лидирующей. Во-вторых, ярусная модель может быть развитием матричной — в виде иерархически построенных взаимозависимостей одного уровня.

Трансформерная модель (подобно соответствующей игрушке, мобильно перестраиваемой под различные целевые назначения) является в определенном смысле развитием модели «адхократии» (от латинского выражения «ad hoc», то есть «для этого») американского теоретика администрирования Уоррена Бенниса. «Адхократия» — господство своеобразного архипелага коллективов, собранных под решения конкретных задач и после распускаемых. Такой архипе-

лаг покрывает собой все пространство проблемного поля. Трансформерная модель может стать дальнейшим развитием «адхократии», когда сами подобные коллективы организуются в мини-архипелаги, что позволяет сохранить отлаженную систему трудовых взаимоотношений на более длительную перспективу и под разработку широкого спектра проблем (каждую — своим сегментом мини-архипелага).

Эффективность развития — главный критерий правомерности и неправомерности, истинности и неистинности, перспективности и тупиковости. И если потребности развития диктуют решительный отказ от тех или иных наработок прошлого опыта, пусть даже блестяще себя зарекомендовавшего в предшествующие эпохи, то с подобным решением нельзя медлить. Не исключено, что Россия в очередной раз сможет обратить свою архаичную (на первый взгляд) инаковость в колоссальное цивилизационное преимущество, способное сотворить действенную альтернативу отжившим социальным практикам уходящего Модерна.

ТЕРРИТОРИЯ КОНСТРУКТИВНОГО КОМПРОМИССА

Уже давно назрела потребность содержательного и непредвзятого разговора о нашем будущем. Разговора прямого и откровенного, без оглядки на какие-либо облюбованные и милые сердцу каждого резервации прежних идеологических приверженностей и политических пристрастий. Такой разговор уже сам по себе мог бы стать хорошим началом для пробуждения пассионарных энергий национального сознания.

Разумеется, любой вступающий в такой разговор должен быть со своей стороны готовым к компромиссам. Надо лишь обозначить допустимую для этих компромиссов границу, за которую уже никак нельзя переступать. Думается, что для всех вместе общей границей территории такого конструктивного компромисса мог бы стать догмат о приоритете суверенного Российского государства как главного гаранта суверенитета каждой проживающей в нем личности, а также единственного залога нашего будущего — как коллективного, так и индивидуального. В пределах указанной территории любой, даже самый острый спор допустим и правомерен. За пределами — нет.

Возможно, что такой разговор будет подстергать неожиданное затруднение — терминологическое и понятийное непонимание вовлеченных в него субъектов. У каждого ведь не только своя правда, но и свой язык истолкования этой правды. Поэтому в качестве своеобразного «английского» для таких переговоров можно было бы взять язык образов «суверенной демократии» — хорошего «словаря» для «перевода» с русского на русский. «Словаря», оставляющего возможность для уточнения и согласования «перевода» участниками возможной дискуссии.

Предложенный же проект общенациональной корпорации как оптимального государственного оформления мобилизационного способа развития и стимулирования национальной пассионарности, может, где-то и выглядит нарочито футуристичным или даже утопичным. Но мечты движут идеями, а последние управляют практиками. Ведь кому-то всегда необходимо дать травку — хотя бы и в образности, совершенно неприемлемой для реальной политики сегодняшнего дня.

© Д.А. Андреев, 2006

Лев Аннинский
НЕХАЗАРСКИЕ СТРАСТИ

*Александр Байгушеву — ответ на статью «Хазарские страсти»**

Саша! Ценю возможность обратиться к тебе так неофициально. Не только потому, что сквозь регалии, наросшие на всех нас за пролетевшие полвека, вижу в нас с тобой однокашников, запросивших споривших о том, о чём в ту пору следовало помалкивать. В частности — о евреях. О них и теперь не поспоришь без того, чтобы не возникли справа и слева советчики, уличающие в тебе то антисемита, прикрывающегося «хазарами», то русофоба, протаскивающего «дружбу народов». Мне проще и милей говорить с тобой так, как в колхозной студенческой бригаде, отдуваясь от скирдования, мы выясняли, чем «еврей» отличается от «жида», и кто будет судьёй в этом мистическом вопросе.

Но о мистике (и о Господе-Боге) чуть позже, а сначала — о делах практических (русско-еврейское единение, тобой провозглашаемое) и о делах исторических (хазары как ободряющий прецедент).

О ХАЗАРАХ

О хазарах много говорить не буду — по причине малой осведомлённости (то, что о них знаю — знаю во многом от тебя же, из твоих книг). А также по причине непрояснённости (для меня) главного обстоятельства в хазарском деле: действительно ли иудейская вера с верхов Каганата проникла в массу населения, и так ли уж сильно повлияли на эту массу «иммигранты-иудеи», спасшиеся в Хазарии, как ты пишешь, «от погромов того чудовищного мира». Я думаю, что на хазарскую верхушку эти иудеи воздействовали вполне успешно, меж тем, как тысячи и тысячи пастухов в южной степи, приписанные к Каганату, продолжали пасти свои табуны, не слишком задумываясь о том, обрезаны или не обрезаны высшие чины системы.

Если так, то с теми евреями, о которых мы говорим сейчас, хазарские пастухи генетической связи не имеют, за современные сионистские проекты ответственности не несут, а продолжают жить на южно-русских землях, как тысячу лет назад, справедливо считая себя вполне русскими.

Кёстлера-то мы с тобой читали!

Что же до Системы, то тут есть замечательная связка, о которой ты пишешь: Каганат — мистическое предвестие Советского Союза! Это интересно, причём без всякой мистики: в любой имперской структуре, которая всегда «крышует» пестроту и несоединимость, возникает во все эпохи (иногда прибывает извне на боевых конях, иногда в запломбированных вагонах), чаще же зарождается — «имперский слой», не имеющий ясной этнической приписки. Вот и суди, глубоко ли? и насколько глубоко проникла в «массовый» слой советского общества марксистская вера. Главное, она, вера, помогла массам спасти Советское государство.

О СТЕРЖНЕВОМ НАРОДЕ

«Стержневой русский народ», вокруг которого объединились «120 коренных народов России», — формула ретроспективная, годная для зрелой (или финальной) стадии Империи. Исторически же сам этот стержень возникает из взаимодействия племён (славян, финнов и тюрков — по Ключевскому), сцепляющихся воедино. «Русь» — не племя, не этнос, ясный по крови, «Русь» — дружина, воинское объединение, становящееся этносом по ходу дела (иногда — по ходу кровавых дел).

Потом задним числом начинается разборка: сколько куда протекло какой крови, сколько евреев было в ПБ и НКВД и кем считать Пушкина: эфиопом, немцем или «природным русаком».

Такие разборки, совершенно параноидальные с точки зрения логики, бывают объяснимы с точки зрения практических нужд. Иногда они приобретают зловецкий характер. Крик «Россия для русских» можно понять как простодушную реакцию на то всемирное унижение, которому после «аннулирования» СССР подверглись его бывшие граждане. Носители нашего встречного

* *Статья напечатана в газете «Завтра» 3 августа 2006 г.. Ответ написан для той же газеты.*

комплекса — молодые люди, как раз подростки за эти 15 лет распада и унижения. Вместо «собственной гордости», что была «у советских», они восприняли волчью заповедь: кто силен, тот и берёт. Да ещё и наслушались злорадных комментариев по поводу русского бессилия. Так что этих мстителей за унижение можно понять — эмоционально. Но не простить по существу, ибо то, что они делают, непростительно.

Попытка среди россиян выделить «чисто русских» вязнет в кровеносных переплетениях. Тем более, не разбирается в этих капиллярных тонкостях бомба, подкинутая в толпу «азиатского базара». Убита дюжина прохожих, среди которых русские и нерусские. Убийца за решёткой — прячет лицо. Ему «стыдно». Мне — тоже, но по другой причине. Уж лучше смотрел бы в глаза, как те воронежские хулиганы, что угробили перуанца. Но те — малолетки, А эти-то — студенты, интеллектуалы, компьютерщики, химики кухонные! Чего глаза прячут? Россию спасают? Ну, так бросили бы всем в лицо свою правду, как это водилось у бунтарей-революционеров от народных до Димитрова! А тут личики прячут: нашкодили, и в сторону.

А прячут — потому что чувствуют, чем могут обернуться для России такие шкоды. Этночистка, которую они разжигают своими бомбами, — это же Этна, которая извергнется на страну! Уж точно — пятая часть россиян — та, что в исламе — отвалится от нас. Что рынок с волжскими арбузами отвалится — это ближайшее следствие, — а если великое государство исчезнет с мировой карты, окончательно развалится, так и останемся мы «вокруг Серпухова» в ожидании того, какой халифат, Евросоюз или спилка приберёт нас к рукам.

О ТРЕТЬЕМ И ПЯТОМ

Что делать? Спиваться, подбрасывать младенцев к дверям роддомов, вымещать своё бессилие не «азиатах» (как раньше на евреях)? Но не подымется от этого рождаемость, не вернутся новые поколения ни в Пионеррию, ни в Комсомол, не перестанут люди пить горькую, потому что пьют — от бессилия.

Придётся принимать «в свои ряды» тех самых «азиатов», которых вы взрываете. Как принимали на Русь «инородцев» тысячу лет.

Обрусуют ли?

И кого мы получим: русских людей, принявших русские ценности, влившихся в русскую культуру и русскую государственность (при полном уважении к памяти об их нерусских корнях, как помнили об этом — беру навскидку 1812 год — Багратион и Барклай, и Витгенштейн, и Кутузов с его татарскими генами... а чуть раньше — такой «природный русак», как Суворов с армянской бабушкой).

Или мы получим в недрах русского народа бомбу замедленного действия — от коей ахнули сейчас британцы, обнаружившие в пакистанских жилах иммигрантов второго-третьего поколений яд ненависти к взрастившей их Англии? Не получают ли и немцы в свою кровь турецкий яд, а французы — арабский, а мы...

А мы — то ли Третий Рим получим, то ли Пятую колонну?

О БРИТАНСКОМ АДМИРАЛЕ

Адмирал Крис Парри приходит от ситуации в ужас:

«Не будет нас всех. Нас поглотит и утопит варварский океан. Нас ждёт бездна и небытие».

Вроде не по статусу говорит адмирал: вместо того, чтобы бряцать оружием и предрекать грядущую победу, — затягивает отходную. Не потому ли, что в отличие от специалистов по Исламу (а также по Закону и Благодати) он видит общую стратегическую картину?

Дело ведь не в ваххабитах, упёртых в идею Джихада, — дело в тех простых жителях мусульманского мира, которые 11 сентября 2001 года плясали от радости, видя пылающие американские небоскрёбы, так что умный Арафат от такого простодушия пришёл в ярость. Дело в энергии народов Юга, накопивших витальную мощь и готовых ринуться на Север. Конечно, если эта энергия уже нашла себе санкцию в Исламе, — заднего хода уже не дашь, но сама-то энергия — отнюдь не религиозного происхождения, а я бы сказал — этно-биологического. Ну, какой Ислам у мексиканцев, штурмующих южную границу Штатов? А «прут» с дикой силой.

И эта же сила «прёт» из Чечни в Дагестан и Ингушетию, из Албании в Косово, из Алжира во Францию. Британский адмирал недаром паникует, а ведь его положение всё ж покрепче нашего. Устоит или не устоит «золотой миллиард», это ещё вопрос, но там люди, ожидающие осады, сидят в крепости.

А Россия где?

Да нигде. В чистом поле под стенами. И меж стенами. В крепость нас не пустят, а вот пустить нам кровь из стана осаждающих — запросто. Мы же для них — малый шайтан; пока до большого шайтана руки дойдут, могут и малым не побрезговать.

Куда ж нам плыть? Или уж сразу на небо проситься?

О БЛАГОДАТИ

Ты, конечно, знаешь, Саша (в том числе и из наших давних споров), что моё атеистическое воспитание не помешало мне с сочувственным любопытством отнестись к религиозным вопросам, а вот приникнуть к церкви (к любой) помешало.

Что именно помешало? То самое, что помешало вступить в партию в советские годы. Но это мы сейчас обсуждать не будем. Не взыщи однако: в вопросах мистических и потусторонних я плохой собеседник.

Ты гадаешь: куда мир пойдёт — к Апокалипсису или к Благодати? Я не верю ни в какую конечную Благодать, я думаю, что Апокалипсис у человечества в крови: хватило бы Благодати каждому новому поколению выдержать тот Апокалипсис, который оно само себе устроит.

Ты пишешь: когда Господь понял, что евреи не выдержали возложенной на них роли, — Он назначил русских вторым богоизбранным мессианским народом. Я не могу воспринимать Господа, который ведёт себя как секретарь крайкома КПСС. Или как организатор Закулисы, то есть как профессиональный революционер, по-нашему говоря.

Ты уверен, что в истории человечества было (и есть) только два «небесных, идейных народа»: евреи и русские. Я же нахожу, что «небесный блик» играет в душе каждого народа, хотя, кроме этих упомянутых, никому не приходит в голову на весь свет объявлять богоизбранными — себя. Ибо такие саморекламные определения вызывают у прочих неизбранных только ревность и злобу.

Так что в русско-еврейском вопросе я предпочёл бы спуститься с небес на землю.

На земле, как мы видим, положение наше трудное. Куда двигаться, не очень понятно. Где искать союзников — тоже. От христианского большинства мы сочувствия не ждём, ибо католицизм отмели как западную скверну.

К кому податься? Может, к евреям?

О ЕВРЕЯХ

Нету их — тех, с которыми боялся не справиться тов.М.А.Суслов, когда они подымут хай. Те евреи, слава богу, уехали, хай поднимают у себя в Израиле — там они могут «подыхать, как пёс, от ностальгии», упиваться Есениным и закусывать сплошными солёными огурцами, но нас это уже не касается.

Нас касаются те евреи, которые не уехали. И не уедут. Потому что не хотят. Им что делать? Нам с ними — что делать?

Во времена нашей молодости я твёрдо стоял на позиции ассимиляторства. Повторял пастернаковское: «Не собирайтесь в кучу!» Хотите быть евреями — уезжайте в Израиль! Остаётесь — становитесь русскими.

Многие из оставшихся русскими и стали. Всецело и осознанно. Раскопать их еврейские корни смогут только ученики герра Розенберга, но до этого, я надеюсь, у нас не дойдёт. Протягивать руку дружбы таким обрусевшим евреям странно — у них нет ничего еврейского. Это всё равно, что протягивать руку самому себе.

Но есть такие необрусевающие евреи, которые не стали (и не станут) израильянами, а остались (и останутся) россиянами. На роль козлов отпущения они уже не годятся — козлищам прописали «кавказскую национальность».

Так евреи они или не евреи?

В ходе одной из дискуссий лет десять назад мне от их имени было отвечено:

— Не загоняй нас в русские! И в евреи не загоняй! Мы — ни те, ни другие, не русские и не евреи, мы — русские евреи, особый субэтнос в русском народе.

Поскольку русский народ, кажется, весь состоит из особых субэтносов, а не нашёлся, что ответить, а потом решил: так есть и так да будет!

Вот таким русским евреям ты протягиваешь руку.

ПРОТЯНУТ ЛИ ОНИ РУКУ В ОТВЕТ?

Что-то опыт Солженицына наводит меня на скептические предчувствия. Не хочу вдаваться в оценку тех легенд о евреях, которые он воспроизвёл (во второй части своего труда «Двести лет вместе»), но всё ж была протянута рука!

И повисла в воздухе.

Не сведены счёты? Есть такой образ еврея, укоренившийся в русском сознании... Ты через это благородно переступаешь, но захотят ли переступить они?

Образ такой. «Евреи хлеба не сеют, евреи в лавках торгуют...» Что ещё? Плохие вояки. Умничают. Делают деньги. Играют на скрипке. Норовят стать стоматологами.

Насчёт того, какие они вояки, надо спросить у арабов на Ближнем Востоке. Но это опять-таки не наше. Наше — это что стоматологи. Но кто-то всё равно должен быть стоматологом в народе, где мордобой признан ближайшим орудием справедливости. Так пусть вставляют людям зубы те, кто к тому наиболее расположен, пока те, у кого руки чешутся, выбивают друг другу зубы. И на скрипочке пусть играют те, кому это по душе. Я читал в очерке одного казанца: расслоение начинается с того, что дети русских и татар гоняют мяч на задворках, а еврейские дети разучивают гаммы. Ну, что тут сделаешь? Не заставлять же играть в футбол тех, кто не хочет.

Но они умничают!

Мы, Саша, с тобой тоже умничаем, хотя и в другом жанре.

Так я спрашиваю: почему русские евреи могут не заметить протянутой им руки?

Отвечаю: потому что не уверены, стерпим ли мы их именно как евреев. Своего куска земли они здесь не дождутся: Биробиджан уже есть, а Крыма уже нет. Значит, быть такими евреями, какие привычны? Или перестать? Но перестать (то есть перестать умничать, а начать гонять мяч и бить морды) они не могут. На Иегову им скорее всего наплевать (русским тоже не до Всевышнего, пока не припрёт; заметил же неистовый Виссарион, что русский человек говорит о боге, почёсывая себе... Дальше в наших учебниках шло отточие, которое мы с тобой увлечённо расшифровывали).

Резюмирую.

По земной жизни слияние душ зависит от соотношения ролей.

Евреи не готовы утратить свою роль.

А мы — готовы их роль признать?

Руку во всяком случае протягивать надо. В этом ты прав.

Жму руку! Твой Л.А.

Публикуется по согласованию с автором.

© Л.А. Аннинский, 2006

Сергей Арутюнов
О КАВКАЗЕ С ПРИСТРАСТЬЕМ

— Сергей Александрович, каково происхождение и значение самого слова «Кавказ»? Был ли Кавказ когда-то единым? Можно ли утверждать, что существует кавказский менталитет?

— Каково происхождение слова «Кавказ»? На этот вопрос ответить трудно. Есть разные попытки интерпретации, но, скорее всего, они надуманы. Якобы так звали одного из потомков Иафета, старшего сына праотца Ноя, а от сыновей Иафета — Картлоса, Гайоса и других пошли разные народы Кавказа — грузины, армяне и пр. Понятно, что это выдумка призвана связать народы Кавказа с библейской картиной мира.

Что касается того, был ли Кавказ когда-то единым — несомненно, да, и не один раз в истории. По данным современной антропологии, человек первоначально сформировался в Африке. Процесс этот начался около 7 млн. лет назад, и только через 5 млн. лет, около 2 млн. лет назад, в конце концов появилось существо, которое было уже не обезьяной, а человеком — уверенно ходило и бегало на двух ногах, а руками владело достаточно ловко, чтобы изготавливать из дерева, костей и камня примитивные орудия и оружие. Сегодня таких существ — их останков найдено довольно много — предпочитают называть эректусами, т.е. прямоходящими.

Так вот, все найденные за пределами Африки, т.е. в Европе и Азии, эректусы имеют возраст не более 1,5 млн. лет. Но недавно в Дманиси, в Грузии, нашли прекрасно сохранившиеся кости и черепа возрастом около 1,7 млн. лет. Видимо, это одни из первых эректусов, выбравшихся из Африки и начавших расселяться в Европе и Азии. Конечно, можно ожидать, что останки таких же людей могут найти и в Палестине, Сирии, Турции, т.е. на пути из Африки к Кавказу.

Что же касается языка, то даже самые смелые языковые реконструкции не простираются более чем на 10-15 тысяч лет. Но можно утверждать достаточно уверенно, что 8-9 тысяч лет тому назад население всего или почти всего Кавказа говорило на одном языке, который является предком всех «северокавказских» или собственно кавказских языков, т.е. абхазо-адыгских и нахско-дагестанских.

— Меня давно волнует вопрос: почему стали возможными внутри-кавказские межнациональные и межконфессиональные войны? Где мудрость кавказских народов? Или эта мудрость больше мифология, нежели реальность? Где духовные авторитеты Кавказа? Ведь ни одна религия не призывает к войнам. И, наконец, где эти воспетые женские платки, которые бросают между воющими мужчинами, или это только поэтическая зарисовка?

— Ответ на этот вопрос довольно грустный. Мы более или менее хорошо знаем историю Кавказа за последние три тысячи лет. И все эти тысячи лет и, наверное, тысячи лет до них были наполнены непрерывными войнами между племенами, своими и чужими государствами, приверженцами разных религий, разных династий, феодалами, вольными обществами, родами, кланами, семьями и т.д., а если посмотреть глубже — между разными хозяйствующими субъектами. Войны из-за ресурсов и важнейшего из них — пахотной, пастбищной, сенокосной земли. Ее всегда не хватало на всех.

Сегодня спектр ресурсов шире, соответственно, и борьба за них ожесточеннее. Одним из важнейших ресурсов стало финансирование — хоть из федерального бюджета, хоть из любого иного источника, зарубежного или криминального. При последних российских императорах центральная власть установила довольно жесткий контроль за доступом к ресурсам, и войны приутихли, хотя абреки оставались. В советское время можно было многое украсть, но почти нечего отнять, и войн не было. Хищение, воровство заняло их место. Сейчас вновь есть из-за чего воевать. И воюют — республика с республикой, клан с кланом, шайка с шайкой. Только когда высшая власть закончит размежевание и скажет — это твое, а это — его и навеки, и никакой передел допущен не будет, только тогда установится мир.

— Попробуем быть максимально объективными. Не подвержен ли Кавказ чрезмерной экспрессии, самолюбованию, хвастовству, чванливости? Не эксплуатируем ли мы безмер-

но древность, мужественность и свободолюбие кавказцев? Почему нас, кавказцев, можно так легко натравливать друг на друга?

— Конечно, бахвальства и самолюбования в избытке. Конечно, от разговоров о великих предках уже уши вянут. Но ни рука Москвы, ни рука Вашингтона не ворошит кавказский улей. Так, иногда пальчик вовремя нажмет на нужную кнопку, но о руке речь не идет. Натравливать нас друг на друга излишне. Мы сами готовы перегрызться по любому ничтожному поводу. Нам надо держать на коротком поводке. Но где этот поводок, и кто его удержит?

<...>

— Чем сегодня болен Кавказ? Как избавиться от наших давних и нынешних недугов? Какие проблемы угрожают стабильности на всем Кавказе? Способны ли мы, кавказцы, без внешних вмешательств решать свои проблемы или мы обречены извечно жить в конфликтах, войнах и ужасах на обочине мировой цивилизации?

— Кавказ сегодня болен тем же, чем и вся Россия, но в особенно тяжелой и острой форме. Болен клептократией, коррупцией, клановостью, беззаконием и беспределом силовиков, басманностью судов, лакейством депутатов, заткнутостью ртов у любой оппозиции. В течение ближайших 10-12 лет никто ничего изменить не сможет, потом будет кризис, взрыв, и он будет хуже любой Чечни, любого Карабаха. Тот из сегодняшних публичных фигурантов, кто вовремя успеет смотаться за рубеж, наверное, сумеет сохранить и жизнь, и наворованные деньги, но на Родину не сможет вернуться никогда. А кто не успеет, того, скорее всего, просто размажут по забору. Договариваться мы не умеем, обиды прощать не можем, и никакой парламент мудрых старцев не поможет. А новой молодежи на мудрых старцев чем дальше, тем больше наплевать.

— О лицах «кавказской национальности». Они прихватили многие рынки в Москве и по всей России, где ведут себя зачастую нагло, обманывают покупателей, не платят налоги. Многие банки, казино и другие доходные места в руках кавказцев. Не могу себе представить, чтобы в кавказских городах рынки, магазины, нефтяные компании были бы в руках русских. Да и этнические кавказские преступные группировки в России расширяют свою численность, сферу и активность. Не отсюда ли неприязнь к кавказцам?

— Кавказцы ведут себя довольно нагло, спору нет, особенно когда они с деньгами. Впрочем, многие русские, украинцы, евреи, немцы и особенно казаки ведут себя еще наглее (казаки даже и без денег).

— Об исламском экстремизме. Все большее распространение в мире, в том числе и на Кавказе, приобретают кровавые злодеяния под исламским знаменем. Можно ли говорить о межцивилизационном конфликте современности?

— Деяния террористов анализировать и оправдывать наследием тяжелого детства не будем. Это любимое занятие запутавшихся в собственных соплях европейских леволибералов и их поклонников, не будем отбивать у них хлеб. Террористов надо не анализировать, а просто давить. Но только не надо под видом избиения террористов решать личные проблемы и спускать пар на непричастных.

Межцивилизационного конфликта современности нет, это выдумка все тех же неолеволибералов. Конфликт идет между Цивилизацией и мракобесием. Но беда в том, что сама цивилизация все более разъедается мракобесием. Вполне полноразмерными мракобесами являются и г-н Джордж Буш, и г-н Эшкрофт (экс-министр юстиции США), и г-н Шварценеггер, и многие отечественные духовные деятели и «народные депутаты».

— Откуда на Кавказе столь большое разнообразие языков, народов, верований и язычества?

— Разнообразие совсем не такое большое. На Северном Кавказе живут примерно 15 млн. чел. Это около 30 народов нахско-дагестанской семьи, 3 или 4 народа абхазо-адыгской семьи, 5-6 тюркских народов, один иранский (осетины) плюс с десятков значимых иммигрантских групп — русские, украинцы, армяне, евреи, ассирийцы (айсоры), курды и др.

На Новой Гвинее живет не более 2-3 млн. чел. Они говорят на более чем 800 языках девяти совершенно различных языковых семей. Сходным разнообразием отличается северная Бирма,

северо-восточная Индия, юго-западный Китай, южная Мексика и многие другие горные районы мира.

Бесписьменные народы могут создать и часто успешно создают свою письменность. Аварский язык может вытеснить цезский или чамалинский, если цезы и чамалинцы это захотят допустить. Если не захотят, то достаточно в своем родном ауле говорить друг с другом и особенно с детьми не по-русски и не по-аварски, а только исключительно на родном языке, и он будет сохранен и даже восстановлен. Так восстановили евреи в Израиле свой почти забытый древний язык.

— **По каким критериям определяется национальность человека? Я, например, чамалиец и пишу «чамалиец-аварец», но многие, в том числе и лингвисты, считают, что я должен быть или чамалийцем или аварцем. Не понимаю, почему «или-или» лучше чем «и-и». В этом вопросе у меня давняя дискуссия с профессором Рамазаном Абдулатиповым и академиком Гаджи Гамзатовым.**

— По-моему, можно быть одновременно россиянином, дагестанцем, аварцем в широком смысле слова (т.е. авароговорящим), а также чамалийцем, либо хваршинцем и даже инхокваринцем. Надо помнить, что даже в соседних цезских и аварских селениях нередко сельские праздники, обряды, обычаи бывают очень разные.

— **Что Вас восхищает и что огорчает в кавказцах? И что бы Вы пожелали Кавказу и кавказцам?**

— Меня восхищает в кавказцах их напористость и жизнестойкость. Довольно трудно представить себе кавказца-бомжа, кавказца-алкаша, валяющегося под забором, нищенствующего кавказца. Огорчает меня в кавказцах то, с каким трудом они обретают такие европейские ценности, как обязательность в мелочах, пунктуальность во времени, умение демократично одеваться и вести себя там, где щеголять и пыжиться не надо, готовность к любой, в том числе и черной работе. Впрочем, эти качества и в Европе деградируют.

Что я пожелаю Кавказу и кавказцам? Не надо воевать за независимость. Это неизбежно война за новые кресла для паразитов-начальников. Надо последовательно бороться за передачу основных полномочий властных решений на уровень кантонов и джамаатов, за создание кантонов и джамаатов относительно однородного этнического и языкового состава, численностью от 15 до 45 тыс. чел. Правда, в городах это обычно невозможно, но на селе возможно. И надо понять, что нам для процветания необходим полный мир и порядок. Ибо только так мы сможем развить туристическую индустрию европейского уровня, а для будущего это наш единственный надежный ресурс.

Беседовал Магомед Абдулхабилов

Публикуется с сокращениями по согласованию с автором.

Ранее опубликовано в газете «Северный Кавказ» № 27. Июль 2006 г.

© С.А. Арутюнов, 2006

Борис Дубин «МЫ» КАК ДАННОСТЬ

Когда публичная жизнь сведена к «политике», которой сторонятся все, а политика — к действиям трех-четырех надоевших протагонистов у самой рампы, так называемой социологии, кажется, отпущена одна роль: тиражируемого газетами, радио, телевидением статистического комментария к телодвижениям и местоположениям тех, кто и так лезет в глаза и кого безо всякой социологии видит каждый. Роль малозавидная и непродуктивная. Обратим внимание на другое: очевидное, но именно потому невидимое (помните сюжет «Похищенного письма» у Эдгара По?). Привычное, само собой разумеющееся, а значит, не обсуждаемое и даже упоминаемое лишь изредка — вот что станет предметом внимания в серии очерков, которая открывается публикуемым ниже текстом и за которым, хотелось бы надеяться, последуют очерки о привычном страхе, привычном же насилии, привычной, как это ни парадоксально, чрезвычайности и т.д.

Естественное, по определению, принадлежит всем, почему и речь дальше пойдет о том, как ведет себя каждый из нас именно в качестве такого же, как остальные. Отношение к себе, отношения с другими, силы, которые скрепляют невидимое, но так или иначе осязаемое «мы» и которые заставляют нас это «мы», вместе со столь же невидимо и осязаемо противостоящим «они», молчаливо принимать за данность, тип и склад человека, который таким самопониманием создается и в таких взаимоотношениях воспроизводится, — все это можно коротко назвать антропологией нынешнего российского общества. Она и поддерживающие ее социальные формы (институты), собственно, и являются предметом социологии в точном смысле слова. Прочее оставим технологам.

АНЕСТЕЗИЯ

В уличном многолюдье, в транспорте, в магазинах — всюду, где на время оказываешься одним из неотличимых многих — нередко возникает ощущение, будто бы окружающие как-то не полностью присутствуют здесь и сейчас. Спешка в соединении с полусонностью, взвинченность — с бесчувствием. Говорю не про психологию — не о настроениях и переживаниях сейчас речь. Тут мы, мне кажется, сталкиваемся с вещами гораздо более серьезными — социологи называют их системами идентификации, самоопределения. Можно сказать, что идентичность у большинства российских людей — и у каждого «я» в отдельности, и у общества в совокупности, «всех нас» — какая-то неустойчивая. Или не сформированная? Попробуем разобраться, это важно.

Во-первых, у человека в наших условиях как будто бы нет твердых границ. Что я имею в виду? Возьмем опять-таки город. Люди проходят мимо вас и даже совсем рядом с вами так, словно вас нет, словно у вас нет никакого вашего пространства, ненарушимого периметра приватности. Дело не просто в анонимности столичного прохожего среди такой же анонимной толпы — скажем, на улицах не меньших по размерам европейских или заокеанских столиц вам в таких случаях кивнут, улыбнутся, извинятся. Иными словами, с вами вступят хотя бы в секундное взаимодействие равных, покажут, пускай мимоходом, что вас видят и учитывают, только сейчас, увы, спешат — то есть как бы надеются — кто знает? — когда-нибудь вернуться к знакомству (да и вас в этом смысле тоже обнадеживают, даже поощряют...). Кроме того, у человека там есть и вполне твердая собственная граница, граница его собственности, дома, участка, privacy, куда посторонние — ни ногой. Даже официальные представители власти — допустим, полиция.

Второй момент. Напомню мысль Мераба Мамардашвили о незрелости советского человека даже преклонных годов, — он ведь, как правило, никогда не встречался с последствиями собственных поступков. Не встречался потому, что собственных поступков, выбора, решения, ответственности в его жизни, строго говоря, почти не было. Отсюда и сегодняшнее самоощущение абсолютного большинства россиян (наши социологические опросы это раз за разом показывают): они признаются, что не могут повлиять на происходящие события, реально переделывать что-то в себе и вокруг, стать другими и изменить свою жизнь. Получается, что эта жизнь

им как бы не принадлежит, а они — либо подопечные властей, либо заложники чьих-то чужих интересов и целей. Так что «другой» чаще всего воспринимается как враждебный, хотя бы потенциально. От него нужно ускользнуть. Его надеются обдурить. На него подчеркнуто не обращают внимания (ему же эту мнимую независимость демонстрируя!). Его встречают упреждающей агрессией — словно дети: «Мам, я первый дал ему сдачи!»

Обстоятельство третье. Социум в сегодняшней России раздроблен, раскрошен, атомизирован, но россиянин при этом видит себя только в качестве частицы воображаемого единого «мы». «Мы», которым, понятно, противостоят некие «они», «чужаки» — будь то этнические, политические или цивилизационные. Им нас ни за что «не понять», и они, в чем согласны трое из каждых пяти россиян, «никогда не желали нам добра». Но коллективное «мы» при этом не просто воображаемое — оно помещено в более или менее отдаленное прошлое, которое «потеряли». Нужно ли объяснять, что потеряно при этом никакое не прошлое, а самое что ни на есть настоящее? Что-то наподобие алиби: «мы» сегодня вроде бы и не здесь.

Так или иначе, человек в России — для самого себя всегда под вопросом. Не случайно среди вечных русских домогательств — неперенные «Ты кто такой?» и «Ты меня уважаешь?». Иногда кажется, что неполное присутствие или даже демонстративное отсутствие окружающих нас людей здесь и сейчас — это тот же синдром «мечтательности», который был у многих гоголевских героев, скажем, у Хлестакова или Манилова. За непомерными мечтаниями и несусветной завиральщиной, так что персонаж и сам готов на минуту поверить в собственное хвастовство, у них стоял, понятно, комплекс «маленького человека», его незначительной и необязательной, никому не интересной и сбитой на обочину жизни. Но в новейшее время к этому комплексу подключились механизмы куда более мощные и отнюдь не частного свойства. Они этот комплекс поддерживают, муссируют, тиражируют, причем в общегосударственном масштабе.

Таково, к примеру, нынешнее российское телевидение — то попугивающее, то пытающееся пощекотать. А средний россиянин ежедневно проводит перед телеэкраном от трех до четырех часов (по выходным и праздничным дням — так и до пяти). Чтение газет и журналов в России за девяностые годы резко сократилось, оставшиеся потребители прессы предпочитают ее не выписывать, а покупать, причем чаще всего — локальную, с полезной местной информацией, или сенсационную, с местными же сплетнями и скандалами. Медиа, обращенные ко всем и соединяющие всех, это сегодня телевидение — два основных государственных и огосударственных канала. Так что не зря социологи говорят сегодня об «обществе зрителей» в России — россияне чувствуют себя вместе с другими и подобными другим, только смотря телевизор.

Люди привыкают наблюдать за происходящим со стороны, предпочитая не вмешиваться, так как не чувствуют ни ответственности, ни сопричастности. Телевизор если и не формирует, то закрепляет подобное отношение к себе, к стране, к миру, к политике, праву, морали — как к массовому зрелищу: «Я это вижу, но я в этом не участвую». Опять-таки, меня здесь как бы нет. Центральное телевидение — в отличие, напоминаю, от местной печати — все реже выступает каналом реальной и нужной информации. Его роль сегодня, особенно для глубинки, совершенно в другом. Оно меньше всего источник нового — напротив, оно дает знак того, что все идет как раньше, что все нормально («нормализация»!).

В итоге множество российских людей из абсолютно разных социальных слоев и культурных сред, включая самых образованных, на протяжении девяностых годов — годов, так или иначе, свободы — покинули более сложные формы досуга, общения, культуры, отдавая теперь часы простому сидению или лежанию перед телевизором с пультом для переключения программ, шинкующим и без того неотличимые передачи по разным каналам уже до полной мешанины. Сверхсовременная видеотехнология, которую по тому же телевидению, кстати, без усталости рекламируют, работает в данном случае на выключение из актуального времени. На привыкание, равнодушие, нарастающее слабоумие. Это и есть искомое «мы»? И всё?

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано на сайте www.ej.ru

Борис Дубин РОССИЯ И ДРУГИЕ

Нет у тебя партнера...

Елена Фанайлова. «Русская версия» (2005)

От автора. *Моя тема предполагает анализ характера власти, сложившейся в России на рубеже столетий и в начале XXI века, состояния политических, экономических, культурных элит, групп интересов в этот период и, наконец, ожиданий, оценок, настроений масс. Я сосредоточусь в основном на последнем моменте, хотя буду затрагивать и два остальных. В основе статьи — текст выступления на конференции «Национальные интересы и внешняя политика России», организованной Центром международных исследований и разработок парижского Института политических исследований при поддержке Центра анализа и прогнозирования МИД Франции (CERI-CAP, Париж, 27 января 2006 г.). Приводимые данные взяты из репрезентативных опросов населения России, проведенных Левада-Центром (до 2003 г. — ВЦИОМ, ВЦИОМ-А).*

МИР, ПОДЕЛЕННЫЙ НАДВОЕ

Для среднего россиянина мир и сегодня разделен на «нас» и на «них». Такое отношение к миру в целом и к западному миру в частности, по-моему, уже никак не связано или очень отдаленно связано с кружковыми спорами российских славянофилов, западников, почвенников в XIX веке. Я вижу источник этих установок нынешней власти, большей части так называемых элит и основной массы населения в государственной (а точнее — имперской или державной) доктрине сталинизма.

Опорными смысловыми точками советской идеологии со второй половины 1930-х годов стали *миссия, держава и граница*. Символика однородного и единого социального целого подкрепилась императивом безоговорочной и полной принадлежности человека этому целому. Рудименты революционаристского мифа об особом предназначении России в мире переплелись здесь с верховным культом военизированного тоталитарного государства и с политикой глобального противостояния СССР «капиталистическому окружению». Иными словами, собственно *мобилизационные*, мессианские и утопические компоненты коллективного самоопределения всех в терминах целого соединились со *стабилизационными*, державными и ретроспективными моментами — «утопия» с «идеологией», если пользоваться классическими категориями Карла Мангейма.

Но дело здесь не только в идеологии и не просто в пропагандистских штампах. На подобное гегемонистское разделение мира и милитаристское противостояние «врагу» работала вся централизованная, иерархизированная *система институтов* советского общества — от школы и науки до милиции и отдела кадров. Какие бы то ни было иные общие понятия для осознания и выражения своей идентичности у подавляющего большинства людей в стране победившего социализма фактически отсутствовали. Это был тот строй социального существования и режим коллективного воображения, которые после распада СССР в 1991 году и попытки *гайдаровских* реформ в 1992-м жителям России стали все чаще и с ностальгией вспоминаться как «порядок» («Вот тогда был порядок»).

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

На упомянутый рост ностальгии по *советскому* повлияли за девяностые годы множество факторов — социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, культурных. Под их воздействием преобладающая часть населения России усилила ориентацию на символы национального целого, державного приоритета и престижа России при все большем символическом отчуждении от Европы и Запада. Эта самоизоляция обострилась с явным ослаблением *геополитических* позиций России на территориях прежнего СССР. По контрасту людям все чаще стали вспоминаться картины и далекого, и не такого уж далекого, но уже хорошо забытого советско-

го прошлого, когда будто бы *все было хорошо* и *все жили одной семьей*. Тем более что телевидение и пресса, все более государственно-официальные или склоняющиеся к официозу, все однозначнее и чаще ретушировали теперь подобные изображения в ностальгически-радужных тонах.

В том же направлении шла переоценка образа Запада: здесь тоже действовало разочарование в собственной вчерашней эйфории. Российские оценки *Запада* в его символическом отношении к *России* стали год за годом меняться. За вторую половину девяностых ко многим россиянам словно вернулось прежнее, как еще недавно казалось — оставленное в советском прошлом чувство *осажденной крепости*. Вот некоторые данные на этот счет.

Есть ли враги у нашего народа, нашей страны?
(в % к числу опрошенных в каждом исследовании)

	1994, N=3000	1996, N=1600	1999, N=2000	2003, N=2000
Есть	41	75	65	77
Нет	22	8	14	9
Затрудняюсь ответить	37	17	21	14

По данным опросов последнего десятилетия, преобладающая часть россиян либо по-прежнему не чувствует и не считает себя принадлежащей к Европе, а европейскую культуру — своей, либо, — как в самое последнее время — все чаще затрудняется с ответом на подобные вопросы.

Чувствуете ли вы себя европейцем?
(в % к числу опрошенных в каждом исследовании)

	1995, N=2000	1996, N=1600	2003, N=1600	2004, N=1600
Часто	10	12	12	17
Иногда	13	16	14	16
Редко	18	18	18	15
Никогда	56	52	55	40
Затрудняюсь с ответом	3	2	1	12

«ОСОБЫЙ ПУТЬ»

К началу третьего тысячелетия в массовых оценках различных воображаемых стратегий экономического, политического, цивилизационного развития России возобладали идея особого пути*. Разумеется, рядовые респонденты не в состоянии объяснить, в чем заключается особенность этого пути, куда он ведет, кто, какими темпами и с какими результатами им движется. Названный *путь* теряет в массовых ответах малейшие признаки динамизма, направленности, он как бы не предусматривает никакой активности со стороны отвечающих россиян. Не нужно думать, будто дело здесь — в *непросвещенности* масс. Ровно такие же ответы мы, как правило, получаем при опросах *элитных* групп (например, среди депутатов Государственной думы, руководителей печатных и аудиовизуальных медиа).

Разумеется, метафоры, подобные упомянутому *пути*, — те или иные относительно целостные, мифологизированные образы общего *мы*, присутствуют в сознании людей, в массовой политической культуре практически всех обществ Нового времени. Важно, каков их удельный вес среди других по типу коллективных и индивидуальных представлений, в частности — какие смысловые системы надстроены *над* ними. Так, например, в государствах Балтии, в бывших странах Восточного блока (прежде всего в Польше, Чехии, Венгрии) лидирующие группировки элиты сделали однозначный выбор Запада в качестве политического и экономического ориенти-

* См.: Дубин Б. *Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии современной России* // Мониторинг общественного мнения, 2000, № 6 (50), с. 25-35; Левада Ю. «Человек советский»: четвертая волна. *Человек особенный* // Там же, 2003, № 2 (68), с. 7-14.

ра. Этот выбор решающим образом сдерживает политические амбиции и потенции тамошних приверженцев изоляционизма и фундаменталистской риторики, как, с другой стороны, и сторонников прежнего социалистического пути*.

В России же до двух третей опрошенных считают, что развитые страны Запада сегодня не заинтересованы в экономическом подъеме России, ее вхождении в круг развитых стран. Половина респондентов в 2003 году была убеждена, что отношения России и Запада всегда будут строиться на недоверии, противоположной позиции придерживались тогда заметно меньше — 38-39%. Сегодня две эти группы практически сравнялись: 42% настаивают на недоверии, 44% надеются на дружественность. Трое из каждых четырех респондентов признают, что Россия в Запад не входит. Она представляет собой особый мир, у нее — собственные традиции, а потому ей никто не указ. В этом сегодня согласны и масса, и власть (словосочетание *суверенная демократия*, введенное в обиход Владиславом Сурковым на заседании генсовета предпринимательского объединения «Деловая Россия» в мае 2005 года, носит, по-моему, именно такой смысл). При этом более двух третей россиян в последние годы вынуждены с тяжелым чувством признавать, что Россия уже не принадлежит к *великим державам*. Иначе говоря, мы имеем дело с *кризисом идентичности*.

Сегодняшний россиянин, — особенно более молодой и урбанизированный, — вроде бы уже не отрицает технические достижения и уровень благосостояния людей в западных странах, они даже обладают для него определенной привлекательностью (жить, как на Западе, были бы не против 48% российского населения, тогда как не хотят этого 33%). Россияне допускают, что определенные экономические выгоды для страны от взаимоотношений с Западом есть. Однако реально и открыто признать превосходство развитых стран Запада в экономическом, военном, гражданском, правовом, цивилизационном отношении большинству россиян в целом и большинству представителей российской властной *элиты* в частности решительно невозможно. А соответственно нет возможности и сделать из сложившегося положения практические выводы в сфере политики, экономики, повседневной жизни.

*Какая демократия нужна России?
(июнь 2005, N=1600 человек)*

Как в развитых странах Европы и Америки	24
Как была в СССР	16
Совершенно особая, соответствующая национальным традициям	45
России не нужна демократия	6
Затрудняюсь ответить	9

Отношение к Европейскому Союзу и к Объединенной Европе в сегодняшней России весьма неопределенное — именно потому, что сам вопрос как бы не имеет для наших соотечественников практического смысла. Не представляя реальной работы ЕС как политического сообщества, россияне будто бы вполне положительно относятся к этой неопределенной символической метке, смутно понимая ее как что-то хорошее, только непонятно — что. К перспективе гипотетического вступления России в ЕС свыше половины россиян относятся с одобрением, доля противников такого воображаемого шага составляет меньше четверти опрошенных. Но поскольку представления о ЕС у россиян в высшей степени туманны, то и пользу от вхождения в него наши респонденты оценить, по большей части, затрудняются (к таким затрудняющимся относятся сегодня более двух третей респондентов). Однако при этом население России, по принципу *дружить против*, весьма ревниво следит за поведением своих соседей: не присоединятся ли те к Европе раньше них? Так, скажем, на гипотетическое вступление Украины в ЕС большинство

* Подробнее см.: Гудков Л. *Россия и Восточная Европа: взаимная отчужденность и равнодушие* // *Вестник общественного мнения*, 2004, № 5 (73), с. 63-75; Дубин Б. *К вопросу о выборе пути: элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990-х годов* // *Там же*, 2004, № 6 (74), с. 22-30.

россиян (45%) реагирует отрицательно (12% — положительно, 18% — безразлично)*. Иными словами, россияне будто бы уже не прочь жить как-то иначе, но не знают — как; в любом случае эти перемены должны, как они считают, происходить на их, российских, условиях и по их правилам, а если нет, то и никаких перемен не нужно: Россия готова остаться прежней и не хотела бы, чтобы другие менялись. Перед нами — кризис альтернативы.

СИМУЛЯТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РОЛЬ «СЛАБЫХ» ФОРМ

Конечно, весь описываемый здесь комплекс (можно назвать его русским мифом) носит сегодня уже не столько миссионерски-завоевательный, как в первый пореволюционный период и в сменившую его сталинскую эпоху, и даже не эскапистски-охранительный, как в брежневские годы, характер. Это не стимул и не ориентир, а, по терминологии Фрейда, синдром — синдром утраты, почему он и сопровождается мечтательным томлением, ностальгией, меланхолией и тому подобными болезненными переживаниями. Реальным мобилизующим или сплывающим значением, консолидирующей силой в политической, социальной жизни данный смысловой комплекс не обладает. Его роль состоит в том, чтобы обозначать саму форму главенствующей ценности российской культуры — непринадлежность общему миру. Смысловое ядро коллективного мы закрыто при этом от рационализации и недоступно для содержательных определений, почему и характеризуется лишь косвенно, в отрицательном виде (по известным формулам Тютчева: «Не понять и не измерить», «Не поймет и не заметит»). Исключительность здесь подразумевает исключенность из каких бы то ни было общих правил и неподвластность каким бы то ни было общим меркам. По сути дела, это не путь, а граница, предел, который, по определению, никуда вести не может.

Такого рода ценности, символы и обозначаемые ими, — как правило, в негативной форме, через отрицание, — фигуры коллективного мы фигурируют в сознании и ответах респондентов так, словно их самих, их повседневной жизни подобные конструкции нимало не касаются и ничего от них не требуют, оставаясь объектами стороннего, несколько опасливого почитания, но не более того. Подобный отстраненный и созерцательный модус существования и самопонимания десятков миллионов россиян задает и поддерживает виртуальная реальность телевидения — ежедневное, 3-4 часа в день (5-6 часов — по выходным и праздничным дням), просмотр телевизора**. Мысленная идентификация с такого рода воображаемыми инстанциями — от российской державы и фигуры президента до православной церкви и коллективного мы российской команды на международных спортивных ристалищах — у респондента тем сильнее, чем менее они для него реальны, чем менее они вообще связаны с его существованием. Можно сказать, — чем менее они ему доступны и чем более дают возможность дистанцироваться, ускользнуть, остаться в стороне (уже говорилось о том, что подобные установки характерны как для массы, так и для власти, и я бы трактовал нередко отмечаемую западными аналитиками *непоследовательность* российской политики, в том числе внешней, как проявление данного синдрома самоустранения от ответственности, своего рода алиби)***.

Фактически все эти фигуры и конструкции воплощают для россиянина непереносимость настоящего, бегство от настоящего — от коллективного действия, от готовности к соревнованию и партнерству, от сознания ответственности за сделанный выбор. В этом плане общий смысл процесса, обозначившегося в стране к концу 1990-х годов и развернувшегося уже в 2000-х годах, состоял для российской власти в отказе от системного реформирования социума, от зада-

* Подробнее см.: Дубин Б. *Россия и соседи: проблемы взаимопонимания*// *Вестник общественного мнения*, 2005, №1 (75), с. 19-33.

** См. об этом: Гудков Л., Дубин Б. *Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов* // *Мониторинг общественного мнения*, 2001, № 2, с. 31-45; Дубин Б. *Читатель в обществе зрителей* // «Знамя», 2004, № 5, с. 168-178.

*** Большинство россиян и сами не видят у сегодняшнего руководства страны последовательной внешней политики: так ответили 36% опрошенных в январе 2006 г. (N=1600 человек), еще четверть затруднились с ответом, так что лишь двое из пяти россиян расценили сегодняшнюю внешнюю политику руководства как продуманную.

чи интегрироваться в западный мир, а для населения — в примирении с собой и признании своей неспособности быть другими, жить по-другому.

Сознанием принадлежности к единой и однородной социальной массе мысленно объединено сегодня большинство россиян. Объединено, подчеркну, именно своей пассивностью. Но эта пассивность и позволяет власти риторически апеллировать к *большинству*, чтобы вполне практически устранять те или иные *меньшинства* (нежелательные партии, самостоятельные гражданские организации, непослушные медиа, непокорных *олигархов*, вообще любые сколько-нибудь независимые социальные инстанции и политические фигуры). Призывы официальной власти и официозных политиков к национальному единению, его лозунги и символы фактически выступают сегодня в России условием деполитизации социума. Общим языком в такой ситуации становится исключительно державное (великодержавное), а ведущим моментом риторики выступают лозунги и символы сплочения *всех* против воображаемого врага, вокруг единственной и безальтернативной фигуры первого лица.

Подчеркну, что значение образа президента здесь — не в том, чтобы представлять, как говорят социологи, *обобщенного Другого*, любого партнера по воображаемому взаимодействию, и символически, как своего рода ключом, открывать ситуацию взаимодействия с этим Другим. Напротив, функция подобной фигуры в том, чтобы устранять из коллективного сознания любых социальных партнеров, символически *закрывать* ситуацию и до предела ее упрощать, консервируя образ единого *мы*, у которого нет партнеров и которому они не нужны. В этом смысле образ президента, представляющего не конкретную ветвь власти с соответствующими законными полномочиями и конкретными действиями*, а символическую острастку и управу на любых властителей в центре и на местах, — воплощение или синоним уже упоминавшегося *особого пути* России, недоступного пониманию никого извне. Этот символ один, именно потому, что никакого другого нет и не нужно. Один значит здесь *не-другой, никто другой*. Одна страна — один путь — один символ (президент) — один источник могущества (энергетическое сырье**).

Однако именно эта роль и не позволяет рассматривать такого рода фигуру как образ партнера по возможному или реальному взаимодействию. *Президент* в данном контексте — роль исключительно церемониальная. По отношению к нему возможна лишь разобранная выше позиция неполной включенности или неполного присутствия, не предусматривающая конкретных обязательств и позитивных действий. Символическим воплощением подобной позиции выступает телесмотрение, точнее — роль зрителя, которая отведена в данной ситуации россиянам и принята большинством из них.

Кризис партнерства во внешнем мире дополняется и усиливается кризисом партнерства внутри страны. В России сегодня нет оформленных социальных сил и авторитетных фигур, ориентированных на взаимодействие с другими. Рядовые россияне явно и устойчиво не доверяют практически всем институтам общества — в особенности политическим партиям и движениям (никаким из них не симпатизирует, по данным январского опроса в 2006 года, 51% взрослого населения, еще 17% затрудняются с конкретным ответом). Тем самым риторика и символика единого целого, возглавляемого фигурой первого лица, работает на парализацию населения, на репродукцию нынешнего состава властной верхушки. При углубляющемся разрыве между властью и массой правящая группировка позволяет себе и дальше устраняться от решения реальных социальных проблем.

Однако нарастающее в массах сознание изолированности от внешнего мира и привычной ненадежности жизни внутри страны, своего города, района никуда при этой страусиной политике не исчезает. Во-первых, оно за последний год стало выражаться открыто, — например, в массовых вол-

* По данным уже упомянутого опроса в январе 2006 г., абсолютное большинство россиян (56%) согласны в том, что население страны «устало ждать от Владимира Путина положительных сдвигов в нашей жизни»; 34% не согласны с подобной оценкой (10% затруднились с ответом).

** Роли энергетического сырья и, скажем так, мифологии трубы в сегодняшней внешней политике и внешнеполитической риторике России были посвящены на парижской конференции содержательные доклады Федора Лукьянова (журнал «Россия в глобальной политике») и Владимира Милова (Центр энергетической политики).

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ. РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ

нениях вокруг монетизации льгот, вокруг планируемых перемен в системах образования, ЖКХ и т.д. Во-вторых, это недовольство в смеси с сознанием бессилия находит смещенные формы выражения. Я говорю о двух массовых феноменах сегодняшней коллективной жизни в России — о *страхах*, ставших уже постоянным мысленным горизонтом существования большинства россиян, и об их нарастающем *отчуждении* от любых чужаков, но особенно от ближайших этнических других.

Уточню, что страхи здесь не ограничиваются эмоциональной реакцией на опасность, хотя, конечно же, присутствует и она (*бесланский синдром*). Перед нами — выражение социальной атомизированности, незащищенности и бесперспективности жизни, как бы не принадлежащей самому индивиду, который все больше одинок, поскольку у него нет партнеров. И если страхам скорее подвержена более общественно пассивная, государственно зависимая, малоподвижная в социальном плане часть населения России (пожилые россияне и россиянки, с невысоким уровнем образования и квалификации, живущие в провинциальных городах), то ксенофобия и этническая, даже расовая агрессия в отношении *Другого* резче выражена среди молодежи — и провинциальной, и столичной, даже по преимуществу среди столичной.

Вот некоторые данные августовского опроса 2005 года (N=1600 человек) на этот счет (в % к числу опрошенных).

Опасаетесь ли вы, что вы сами и ваши близкие могут оказаться жертвами теракта?

Очень и в какой-то мере опасаясь	81
Уверен, что нет	11
Не задумывался над этим	7
Затрудняюсь с ответом	1

В какой мере вы согласны с утверждением: национальные меньшинства имеют слишком много власти в нашей стране?

Согласен	45
Не согласен	46
Затрудняюсь с ответом	9

В какой мере вы согласны с утверждением: необходимо ограничить влияние евреев в органах власти, политике, бизнесе, юридической сфере, системе образования и шоу-бизнесе?

Согласен	44
Не согласен	44
Затрудняюсь с ответом	12

Следует ли ограничить проживание в России людей следующих национальностей?

(Приводятся наиболее статистически значимые позиции, в порядке убывания значимости)

Выходцев с Кавказа	50
Китайцев	46
Вьетнамцев	42
Выходцев из бывших среднеазиатских республик	30
Цыган	30
Евреев	18

...

Не следует ограничивать проживание в России людей любых национальностей	20
Затрудняюсь с ответом	5

Утрата идентичности, утрата партнерства, утрата альтернативы, а в конечном счете — коллапс развития. Перед нами не временные трудности, но системный кризис. Такова необъявленная цена общественной стагнации — установившегося фактически, однако неустойчивого по конструкции и неуверенного в себе по самоощущению режима стабилизации. Если это стабилизация, то стабилизация бесперспективности.

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано в журнале «Знамя» №4, 2006

© Б.В. Дубин, 2006

Валерий Соловей
**ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

(в сокращении)

Государственные институты и коммуникации, атрибуты и символы наполняются жизнью, облекаются в плоть мыслями, чаяниями, представлениями и действиями людей. «Только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую (базовую) легитимацию и делают государство жизнеспособным»*. Без устойчивого образа государства и массовой лояльности по отношению к нему (другое название чего — государственная идентичность) его институты, административные структуры и прочее остаются не более чем пустышками, постмодернистскими симулякрами. Формирование государства происходит одновременно и взаимоувязанно в двух сферах — внешней — институционально-административной и внутренней — в сознании (и даже подсознании) людей. И если плоть слаба, дух зачахнет. Так гибель внешне могущественного советского государства была в решающей степени обусловлена прогрессирующей атрофией советской идентичности. Идентичность имеет не меньшее, если не большее значение, чем международное признание, новые институты и элитные пакты, новые символы. «Верхушечные договоренности, декларации властей и даже международное признание не являются достаточными для создания согражданства, т.е. государства-нации»**.

Эмпирическую основу авторской концептуализации составила обширная социология, которая в тексте опущена. Основной массив социологических данных, охватывающих период последних пятнадцати лет, представили опросы Российского независимого института социальных и национальных проблем, Фонда «Общественное мнение», Института социологического анализа (Т. Кутковец, И. Клямкин), ВЦИОМ, Левада-центра, а также глубинные психологические зондажи Института этнологии и антропологии РАН. Важно отметить, что при всех различиях в идеологических и культурных позициях, исследовательских методиках и интерпретациях, опросы различных центров зафиксировали одни и те же тенденции.

ИМПЕРИЯ УМЕРЛА. НА ЭТОТ РАЗ НАВСЕГДА

Сначала вкратце охарактеризую изменения старой государственной идентичности — советской/союзной, что важно не только и не столько в историческом плане, сколько как ключ к пониманию актуальной ситуации и российской стратегической перспективы.

Практически все наблюдатели едины в том, что деградация союзной идентичности необратима. Важно, однако, понимать, что не гибель СССР привела к умиранию советской/союзной идентичности, а проходившее под покровом советской стабильности разрушение этой идентичности, выхолащивание ее жизненной силы послужило кардинальной предпосылкой гибели СССР. Другими словами, разрушение союзной идентичности было причиной, а не следствием гибели СССР. 25 декабря 1991 г. — лишь формальная дата кончины советской империи***, которая в умах, в массовом сознании почилла в Бозе гораздо раньше. В противном случае в стране нашлись бы люди и структуры, готовые проливать кровь — чужую и собственную — ради сохранения империи как высшей ценности. «Способность или неспособность производить готовность идти на смерть — это в конечном счете последний аргумент в пользу жизнеспособности или нежизнеспособности той или иной политической системы»****.

* Тишков В.А. *Что есть Россия? (Перспективы нации-строительства) // Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С.15.*

** Там же.

*** Термин «империя» применительно к советской политике используется метафорически. Советский Союз был принципиально новым в человеческой истории государственным образованием. Сочетая атрибуты национального государства и империи, СССР тем самым, не был ни тем, ни другим — ни империей, ни национальным государством.

**** Капустин Б.Г. *Современность как предмет политической теории. М., 1998. С.27.*

Именно в ходе советской истории произошла деактуализация русского мессианского мифа — идеи особого предназначения русских и России в эсхатологической перспективе, которая составляла «красную нить» отечественного бытия на протяжении последних нескольких столетий. В настоящее время этот корневой миф русской мифосимволической системы сохраняется как смыслообразующее ядро русской *исторической* идентичности, но, дрейфуя в прошлое, он не способен составить лейтмотив и стимул актуальной политики. (В рамках христианской цивилизации вообще осталась лишь одна нация, более или менее сохраняющая уверенность в своем мессианском предназначении — американская.)

В современной России трансцендентно мотивированные и предполагающие самопожертвование системы идей не обладают *массовыми* мобилизационными свойствами. Возможности государственного строительства и вообще любого масштабного социального творчества ограничены исчерпанностью морально-психологических и социокультурных ресурсов, что коррелирует с беспрецедентным биологическим упадком русского народа. Проблема не в дефиците материальных ресурсов, а в биологическом и морально-психологическом, экзистенциальном кризисе. К этому стоит добавить интеллектуальную деградацию: историческое поражение не стало стимулом добиться интеллектуального превосходства над победителями.

<...>

Мы имеем дело с историческим сдвигом поистине тектонических масштабов: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперским народом, народом *для других*, закрыта героическая, славная и страшная глава нашего прошлого. И это несравненно более кардинальное изменение, чем политические и экономические пертурбации последних полутора десятков лет. Что же написано в новой главе нашей истории?

ФАНТОМ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ» И НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА

Согласно телеологической логике так называемого «посткоммунистического транзита» подданные империи должны превратиться в граждан национального государства, составив политическую (гражданскую) нацию; иное было бы «дурной», «неправильной» современностью или «прерванным транзитом». Эта откровенно идеологическая (то есть спекулятивная) конструкция, которой пытались придать статус научного знания и объективной исторической закономерности, легла в основание государственной стратегии идентичности, нацеленной на формирование нации «россиян».

Данная стратегия увенчалась блистательным провалом, а попытки продемонстрировать ее успех — откровенное лукавство или добросовестное заблуждение, вызванное отождествлением двух тесно связанных, но разнородных явлений. Речь идет об отождествлении *территориально-страновой* идентификации с идентификацией *с политической общностью*. Считая именно Россию (а не СССР, СНГ или Союз России и Белоруссии) своей страной, жители России не образуют общности, имеющей общую политическую мифологию, общие ценности и символы, то есть политической (гражданской) нации в подлинном смысле этого термина. Территориальная идентификация — необходимое, но недостаточное условие для ее возникновения. То общее (в смысле политической мифологии, ценностей и символов), что у нас имеется, относится к остаткам советского наследия, а не к постсоветскому бытию. В этом смысле «советский народ», а особенно русские как его ядро, был гораздо ближе к идеалу политической нации, чем современные россияне.

<...>

Можно, конечно, объяснить провал проекта «политической нации» радикальным изменением исторического контекста: если эпоха модерна завершилась, значит, исчерпало себя и такое ее детище, как «нация-государство». Однако интеллектуально увлекательная проблема возможности строительства национального государства в мире постмодерна представляет для России насущный практический интерес. И теоретическое решение ее следует искать на пути разведения проблем кризиса модерна и формирования государства.

Необратимое (ибо необратима эволюция сложных социальных систем) разрушение ценностно-культурного континуума Просвещения и Модерна вовсе не означает исчезновения государства даже в глобализующемся мире. Оно остается ключевой (хотя далеко не единственной)

формой организации пространства, социальной и экономической жизни, важным актором международной политики. Появление качественно новых субъектов в этих сферах не столько элиминирует государство, сколько рельефно подчеркивает его незаменимость. Не существует ни одного субъекта, способного составить полноценную альтернативу государству. Новые транснациональные и трансгосударственные идентичности не опровергают государственные, а дополняют их, образуя гибкую, ситуативную и неиерархическую систему идентичностей. Поскольку же новые идентичности охватывают количественно незначительную часть населения, то государственная и национальная идентичность сохраняют свой базовый и рамочный характер.

Вопрос о кризисе государства должен быть рассмотрен с новой (точнее, реанимированной старой) аналитической позиции: неустойчивость, неполноценность и «конченность» ряда современных государств, вероятно, объясняется не только давлением глобального контекста и внутренними проблемами, а *органической неспособностью* провозгласивших их народов сформировать государственность.

<...>

Зададимся отнюдь не риторическим вопросом: могут ли люди испытывать лояльность и стремиться к отождествлению с государством, которое враждебно их базовым социальным и культурным интересам?; какие чувства они испытывают в отношении элиты, от которой отчуждены антропологически и экзистенциально? (Утверждение об антропологическом и экзистенциальном отчуждении не гипербола, оно верифицируется социологически и психологически.)

Здесь существуют две интерпретационные ловушки: одна связана с массовым государственным настроением русских, вторая — с высоким рейтингом президента Путина.

Происходившее с конца 1990-х годов повышение ценности государства как *теоретического норматива*, как *идеи*, не привело к валоризации *актуального* российского государства, которое в общественном мнении выглядит неэффективным, некомпетентным и все более пугающим. Все исходящее от *такого* государства и *такой* элиты инициативы воспринимаются с позиции презумпции их враждебности и чуждости обществу.

Более того, официальная политика государственного патриотизма не ослабила, а усилила противопоставление государства/элиты и общества. Дело в том, что она оказалась *патриотическим симулякром*: патриотические знаки и символы не были подкреплены соответствующим изменением реальной политики, оказавшейся диаметрально противоположной пропагандируемым ценностям, а призванные задавать обществу образцы и нормы поведения элитные группы демонстрируют крайний эгоизм и своекорыстие. Другими словами, предлагавшиеся обществу «парадные» ценности противоречат ценностям самой элиты, а «правда жизни» — создаваемые «гнусной российской действительностью» образцы и нормы социального поведения — разрушает любые эталоны и идеальные модели.

Нарастающую враждебность удается снимать благодаря фигуре президента В.В.Путина, играющей типичную для России роль суверена — возвышающегося *над государством* социального медиатора. Не секрет, что высокое и беспрецедентно устойчивое доверие к президенту не распространяется на основные государственные и политические институты, уровень доверия к которым, несмотря на некоторые флуктуации, остается очень низким. Тем самым в современной России воспроизведен исторически устойчивый стереотип отечественного общественного сознания: пиетет по отношению к суверену при одновременном отвержении «средостения» (в данном случае — элиты и государственных институтов) между «царем» и народом.

Второй главной опорой относительной политической и социальной стабильности в стране выступает негативистский «общественный договор»: люди не выступают против власти, пока она не мешает им жить, не ломает основы приватного бытия и структуры повседневности, не оказывает на них чрезмерного (по скромным русским меркам) давления.

Однако эти обстоятельства лишь сглаживают, но не отменяют главного итога последнего пятнадцатилетия — провала строительства «национального государства» в понимании, присущем модерну; и соответствующего провала в формировании российской «политической нации» и новой идентичности.

Парадокс ситуации в том, что, в полном соответствии с китайским прочтением иероглифа «кризис», кризис государство- и нациестроительства в России открывает новые возможности. В

случае с государственностроительством речь идет о спонтанном (понимаемом в духе социального конструктивизма) *формировании принципиально нового в мировой истории типа государства*, которое А.И. Фурсов определил как *корпорацию-государство*.

Такое государство отказывается от аксиологии общественного блага; отказывается от главной цели любого государства — определения, что справедливо, а что нет (Аристотель); минимизирует социальные и антропологические издержки с целью максимизации прибылей, используемых в интересах элиты. По самой своей субстанции это государство враждебно обществу и поэтому не испытывает потребности в лояльности общества по отношению к себе; значит, ему не нужна государственная идентичность. Формирование корпорации-государства находится в России в начальной стадии и может быть остановлено и даже повернуто вспять. Но само его появление даже в виде слабого ростка открывает новую страницу отечественной и мировой истории.

Невозможность формирования полноценной государственной идентичности естественным образом разворачивает русскую ментальность в сторону форсированного развития этнической идентичности.

РЕВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Хотя территориально-страновая идентичность для русских в целом более значима, чем этническая, этнизация сознания приняла массовый характер, а этническая идентичность приобретает несравненно более артикулированные, в сравнении с советской эпохой, формы. Русские все более охотно определяют себя именно как *русских*, а не «советских людей», россиян, граждан России и т.д.

Надежным индикатором этого процесса выступают масштабы, динамика и направленность этнофобий в отечественном обществе. При этом обращает на себя внимание крайне высокий уровень этнического негативизма, во-первых, среди образованных слоев населения (включая Москву), что указывает на неслучайность этнофобий, их отрефлексированность, во-вторых, среди социализировавшейся в постсоветскую эпоху молодежи, что означает превращение этнофобий в системный, самовоспроизводящийся и устойчивый фактор национального бытия.

В то же время следует предостеречь от отождествления этнизации сознания и роста ксенофобских настроений с национализмом. Эмпирически это тесно связанные, но теоретически разнородные явления: из этнизации сознания и даже драматического роста ксенофобии не следует с неизбежностью национализм, хотя ксенофобия может составить его питательную почву. Как раз современная Россия представляет классический пример отсутствия линейной зависимости между этнизацией сознания и ксенофобией, с одной стороны, национализмом — с другой.

Тем не менее массовая этнизация русскости носит беспрецедентный в отечественной истории характер. Чем она вызвана?

Отчасти я уже ответил выше: провалом строительства «национального государства» и спонтанным формированием корпорации-государства. Но есть еще целый ряд не менее важных причин, которые я перечислю, не раскрывая подробно их содержания. Первое — это кризис, надрыв витальной, жизненной силы русского народа, что на массовом уровне смутно ощущается (не рационализируется) как потеря исторического форта. На протяжении своей истории русские были не только большим, сильным, но еще и очень удачливым народом, что хорошо заметно в оптике *Большого времени* «школы Анналов».

Второе: этнизация сознания и радикализация этничности есть непосредственная реакция на колониалистскую стратегию этнической депривации русских, проводимую некоторыми влиятельными элитными группами отечественного общества, идентифицирующими себя как либеральные. Структурное и содержательное совпадение колониального и либерального дискурсов в России легко прочитывается.

Третье: этнизация идентичности неразрывно сопряжена с архаизацией ментальности и общества — их опусканием вглубь коллективного бессознательного, возвращением к примордиальным идентичностям, что неизбежно в контексте трагической социокультурной и антропологической деградации отечественного общества.

В структуре самой этнической идентичности все более важное место занимает биологический принцип (*кровь*), серьезно потеснивший традиционно влиятельные культурнические и язы-

ковые определения идентичности — *почву*. Это, конечно, не переход от историко-культурной к расовой матрице русской идентичности (что невозможно принципиально), но изменение структуры самой идентичности, а также симптом и одновременно фактор разрушения ценностно-культурного континуума модерна.

Наиболее радикальные формы этнизации сознания характерны не для населения «прифронтовых» и пограничных территорий, не для мелкой и средней буржуазии, а, в первую очередь, для молодежи, причем *вне зависимости* от социального статуса и уровня образования. Вопреки расхожим представлениям, современная российская молодежь вряд ли составляет резерв демократии, прогресса и симпатизантов Запада. Скорее наоборот: ей ближе ценности иерархии и насилия, а не равенства и свободы; она несравненно более националистичная и ксенофобская, чем поколения советских людей; оборотной стороной ее знания Запада оказывается пренебрежение и даже ненависть к нему.

В более широком смысле на руинах III Рима идет интенсивное и спонтанное складывание качественно новой, неоварварской традиции, соединяющей архаичные социальные модели и ценностные ориентации, казавшиеся забытыми культурные формы с новыми технологиями. Из глубин коллективного бессознательного, разрывая тонкую пленку цивилизации и культуры, всплывают архетипы и большие стереотипы русской истории. Происходит возвращение к таким базовым понятиям, как власть, кровь, хлеб, справедливость, взятым в их предельных, обнаженных смыслах.

В то же самое время я бы предостерег от описания этого процесса исключительно в терминах «регресс» и «архаика», его интерпретации в рамках прогрессивистских концепций, которые суть культурные, а не научные конструкции. В действительности мы воочию наблюдаем (а такая возможность интеллектуалам предоставляется крайне редко) подлинно историческое творчество — редкое по интенсивности, масштабу и драматизму строительство нового мира на руинах старого. Это творчество корректно определить как «трансгресс», то есть такой глобальный сдвиг, который, включая элементы как прогресса, так и регресса, ведет к возникновению нового социального качества.

Глобальное изменение исторического ландшафта происходит во взаимосвязи с кардинальной трансформацией содержания русского *Мы*. Русские превращаются в иной народ: их новое состояние, безусловно, связано с предшествующими, и, в то же время, характеризуется качественной новизной. В афористичной форме вектор перемен можно определить как превращение *народа для других* в *народ для себя*. Но революция русской идентичности — не случайность и не результат только последнего пятнадцатилетия, она подготовлена всем предшествующим историческим развитием и, в этом смысле, закономерна и даже неизбежна.

Веер вытекающих из нее многочисленных возможностей и импликаций слишком обширен, чтобы охватить его в рамках доклада. Некоторые из них уже очевидны, другие проявятся с течением времени, третьи не могут быть пока представлены даже гипотетически.

* * *

Доклад представляет попытку теоретически осмыслить некоторые ключевые фрагменты новой, становящейся на наших глазах реальности. Во многих отношениях эта реальность потенциально глобальна, а не локальна, просто Россия силою ряда обстоятельств оказалась в авангарде исторических перемен.

Открытый и незавершенный характер идущих процессов делает уязвимой любую попытку их концептуализации. Твердо можно быть уверенным в двух обстоятельствах, они же суть предпосылки нового теоретизирования. Первое: грандиозная, подлинно революционная суть перемен требует новых теорий, новый мир не может быть «уловлен» старой концептуальной сеткой. Второе: переход к новому теоретическому базису невозможен без отказа от культурных аксиом, на которых зиждется прежнее знание.

Вопрос о новой методологии и новом теоретизировании не интеллектуально отвлеченный, он представляет политико-практическую важность. Это вопрос о том, сможем ли мы, обратив историческое поражение в опережающую рефлексию, обеспечить условия для национального выживания.

Публикуется по согласованию в автором.

© В.Д. Соловей, 2006

Полный текст доклада опубликован на сайте Общественной палаты РФ

Валерий Тишков
ЧТО ПРОВОЦИРУЕТ НЕТЕРПИМОСТЬ

Вопрос о нетерпимости и экстремизме в российском обществе в последнее время обсуждается на общественных форумах, с политических трибун и в средствах массовой информации. На мой взгляд, это обсуждение носит хоть и активный, но мало удовлетворительный характер. Чаще всего разговор сводится к риторике о кризисе морали и нравственности под воздействием либеральных ценностей, к поиску объяснительных аргументов в геополитических, цивилизационных и этнокультурных столкновениях, к идеализации прошлого и к утопическим рецептам общественного развития.

Часть экспертного и политического сообщества интерпретируют саму концепцию терпимости или толерантности как некий разрушительный для России внешний аспект. Высказывается мнение, что активизация разговоров о неонацизме есть всего лишь намеренное заполнение или отвлечение медийного пространства от реальных проблем страны. Я же думаю, что вопросы толерантности и ксенофобии — самая, что ни на есть, общественная проблема, ибо она затрагивает всех и решить ее можно только общими усилиями.

Нетерпимость — глобальная проблема, а экстремизм, насилие на этой почве представляют собой серьезную угрозу для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Наиболее распространенными проявлениями этого вызова являются этносепаратистские конфликты, дискриминация меньшинств, агрессия между людьми разных культур и вероисповеданий, расизм, религиозный экстремизм, нетерпимость политических движений и идеологий.

Суть нетерпимости, как глобальной проблемы современного мира, заключается в отрицании, подавлении различий между людьми и культурами. Нетерпимость выступает противником многообразия, которое составляет важнейший обогащающий фактор человеческого развития. Она подрывает принципы демократии и ведет к нарушению прав человека.

Многовековые усилия по утверждению цивилизованных взаимоотношений между неординарными в культурном, религиозном и социально-политическом отношении людьми, общностями и государствами привели к выработке принципов, которые носят гуманистический характер. Они получили поддержку общественного мнения, зафиксированы в национальных законодательствах и международных декларациях.

Одним из таких принципов является толерантность. Более точное русское слово — терпимость. Это трудно достижимый и в то же время неизменный идеал не только выдающихся и совестливых мыслителей, но и приемлемая, желаемая норма морали для всех людей. Толерантность, терпимость включают в себе уважение, признание других мнений и мировоззрений, отказ от унижения и насилия. Терпимость не позволяет существующим в каждом обществе явлениям состязательности или доминирования проявляться в насильственной форме.

Содержание и граница толерантности различается в зависимости от культурной традиции, состояния общества и других факторов. Но во всех случаях терпимость к иному есть культивируемая личностная установка и коллективная позиция как реакция и условия существования сложных обществ. Это есть показатель зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований.

Таким образом, толерантность — это постоянные и направленные усилия на конструирование и осуществление определенных личностных и общественных ценностей и норм поведения. И общественная толерантность — это когда личность культивирует в себе установку на согласие и сотрудничество, и когда общество всячески поощряет эту установку, особенно через образование и средства массовой информации, а также через правовые нормы.

Многие страны, особенно, с демократическим общественным устройством, на протяжении длительного времени ведут борьбу против расовой дискриминации, против расизма, религиозной и этнической нетерпимости. Эти действия направлены не только на защиту той или иной категории населения, их цель — в сохранении демократического общественного устройства, основанного на равенстве прав человека и гражданина. Средством борьбы против расизма и ксенофобии является, в первую очередь, борьба против всего, что может угрожать сохранению де-

мократической системы, а именно: возрождению идеологии пренебрежения человеческой личностью и превосходства одного народа над другим.

Во многих странах приняты законы и выработаны общественные механизмы противодействия этой угрозе. Далеко не везде и не всегда они приносят быстрые и позитивные результаты, но в целом этот опыт важен, и он может быть использован в России. И подход к проблемам ксенофобии, межгрупповой вражды и насилия на основе изоляционизма, исключительности и даже некой формы мессианизма — далеко не самый перспективный. Он может породить лишь новые формы нетерпимости и новые аргументы в ее пользу.

Замалчивание проблемы, равно как и поспешное зачисление России в категорию стран с режимом типа режима Муссолини наносит ущерб внешнему образу нашей страны, и они должны быть отвергнуты.

Будем исходить из того, что российская Конституция гарантирует равенство граждан независимо от их расы, этнической и религиозной принадлежности, что обязанность государства — обеспечивать личную и коллективную безопасность, что ответственность общества в лице его институтов и объединений — сохранять мир и согласие между разными группами населения и отдельными людьми.

В России проживает сложное по этническому и религиозному составу население, которое сформировалось в ходе тысячелетней истории государства. Российский народ обладает историческим опытом межрелигиозного и межэтнического взаимодействия, опытом советской политики поддержки и развития больших и малых культур. Россия не может быть отнесена к категории государств, где существует открытая дискриминация этнических и религиозных меньшинств. Все группы признаются государством, их права на сохранение культуры и целостности гарантируются Конституцией. В российских республиках обеспечены условия для воспроизводства культур, для защиты прав граждан, основанных на их принадлежности к той или иной национальности.

В федеральных органах власти и других сферах общественной жизни достаточно широко представлены люди разных национальностей. Сам по себе федерализм отражает толерантную природу государственного устройства России. В стране приняты законы, которые гарантируют права граждан, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам, а также ратифицированы и соблюдаются международной конвенцией в этой сфере. Несмотря на расслоение, в стране сохраняются установки социальной солидарности, действует система социального обеспечения и гарантий.

В тоже время в условиях трансформации общественных отношений продуцируется нетерпимость к здоровому индивидуализму, частной собственности и предпринимательству, личному преуспеванию. Часть граждан, особенно представители старших поколений и уязвимых групп, оказались психологически, материально не готовы к восприятию радикальных перемен, а вместе с ними — новых ценностей и возможностей. Это вызывает отчуждение и недовольство, провоцирует радикальные формы социального и политического поведения. Результатом становятся обостряющиеся отношения между поколениями, акты подавления частного успеха и даже террористические действия.

Терпимость и согласие оказались трудно совместимыми с либерально-рыночными реформами. Преуспевающие в бизнесе часто демонстрируют неспособность к самоограничению, гражданской солидарности и уважительности к другим. Получившие власть, проявляют нетерпимость к своим предшественникам или конкурентам, личную алчность и нескромность. Освобожденная от политического контроля культура и информация не смогли столь быстро сформировать этику самоограничения и ответственности, уступая штампам насилия и другим формам коммерческого примитива.

Деструктивную роль играют порой и средства массовой информации, не имеющие общепринятого этического кодекса, когда усилиями журналистов распространяются негативные этнические стереотипы, экстремистские взгляды и ксенофобия. Государственные информационные образовательные системы недостаточно отражают культурное многообразие населения России и установки на толерантное восприятие различных традиций и ценностей. Информационно-образовательная система ряда республик предпочла пропаганду местного национализма и отторжения общероссийских ценностей и русской культуры в пользу мифических миров или цивилизаций.

Современная Россия не может быть отнесена к странам, где имеют место притеснение свободы и интеллектуальной деятельности. Однако политическая либерализация столкнулась с проблемой политической нетерпимости. Отсутствие культуры самоограничений, консенсуса, ответственного гражданского поведения, подчинение закону — порождает агрессивную риторику и межличностную вражду в сфере политики. Недостаток толерантности в политике затрудняет строительство партийных коалиций и осуществление демократических процедур.

Невозможно не сказать, что в последнее время насилие в отношении этнических меньшинств, мигрантов и иностранных граждан привело к многочисленным насильственным акциям, случаям погромов и убийствам десятков людей. Неприемлемым для страны, которая внесла решающий вклад в разгром фашизма во Второй мировой войне, является проявление неонацистской идеологии, распространение фашистской символики и литературы, пропаганда экстремизма и ненависти через русскоязычный Интернет.

Язык вражды и группы ненависти присутствуют, главным образом, среди молодежи, хотя идеологами и организаторами выступают взрослые люди, в том числе политики и представители интеллигенции. Зарегистрированная статистика жертв расистского и неонацистского насилия такова: в 2004 году в стране было убито 46, избито и ранено 208 человек; в 2005 году убито 28, избито и ранено 374. И это самые минимальные данные. Основными очагами насилия остаются Москва, Санкт-Петербург, Воронеж. Но география расширяется. В 2004 году нападения были отмечены в 26 регионах, в 2005 году — в 36 регионах. В январе-апреле 2006 года зафиксировано 3 убийства и более 20 нападений, жертвами которых стали около 40 человек.

На общенациональном уровне действует несколько партий и движений, использующих ксенофобию или расизм в качестве основы для своей идеологии. В ряде регионов, в том числе в российских республиках действуют националистические и этносепаратистские группы и движения. В 2005 году произошел ряд массовых столкновений на межнациональной почве, в которых принимали участие десятки и даже сотни человек.

Ксенофобские лозунги используются в избирательных кампаниях по выборам в федеральные и региональные парламенты. Власти приняли некоторые меры по ограничению такого рода агитации только во время выборов в Московскую городскую Думу, отстранив от участия в них крупные партии.

Показателем усиления роли ксенофобии в российской политике стали попытки другой известной партии объединить под своим началом ряд мелких националистических организаций, включая движение против нелегальной эмиграции.

В России насчитывается порядка 100 газет, пропагандирующих ксенофобию и расизм, самая тиражная из которых — газета «Завтра». Наконец, с марта 2006 года насчитывалось не менее 800 Интернет-сайтов ксенофобского характера. Литературу антисемитской направленности регулярно выпускают российские издательства.

Что касается проблемы религиозного экстремизма, то его проявления не получили широкого распространения в России. Действующие в стране основные конфессии демонстрируют должную ответственность и установки на взаимодействие. Однако в ряде регионов религиозный фактор в форме радикального исламизма используется в целях политической мобилизации и террористической деятельности. Остается проблема возвращения достойного статуса церкви как общественного института и уважения чувств и потребностей верующих. И это одно из важных направлений утверждения гражданского согласия.

Более того, все мировые религии и верования, а для России это, прежде всего, православие и ислам, заключают в себе большой потенциал терпимости. Религия призвана способствовать развитию чувств и установок на терпимость и ненасилие. Однако в многоконфессиональной России государство может быть только светским, а возрождение религии возможно только на основе межконфессионального диалога и сотрудничества. Или, как сказал на Десятом русском православном Соборе Патриарх Алексий II, «на основе многокультурности и многоукладности российского общества».

Общество и государство в России пока не смогли предложить адекватные ответы на вызовы радикального национализма и экстремизма. Принятый федеральный Закон о противодействии экстремистской деятельности действует слабо. Федеральная программа формирования устано-

вок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе, действующая в 2001-2005 годах, закончилась научно-методическими разработками, не переросла в общественную кампанию и не принесла практических результатов.

Принимаемые в некоторых регионах страны усилия и проводимые мероприятия в рамках политики многокультурности, не получают должного освещения и поддержки. Но самое главное — отмечается провал в правоприменительной практике по части реагирования и адекватной оценки, в том числе и судебной, индивидуальных и групповых форм проявления экстремизма и насилия.

Судебная практика в 2005-2006 годов показывает, что суды стали жестче карать лиц, совершавших преступления на почве этнической ненависти. Но, к сожалению, ряд поправок, принятых в декабре 2003 года по этому вопросу, позволяют подсудимым уходить от ответственности, затягивая судебный процесс. При этом сохраняется стремление правоохранительных органов представить преступления на почве этнической ненависти как бытовые. Подобная ситуация вызвана не столько сочувствием действиям экстремистов, сколько нежеланием правоохранительных органов заниматься трудно доказуемым делом. В целом противодействие со стороны государства не носит систематического и последовательного характера, чтобы искоренить преступления на почве ненависти.

Что касается общественных организаций, то здесь есть позитивный, но очень маленький опыт. Его нужно всячески поддерживать и распространять.

Исходя из нынешней ситуации, можно предложить некоторые общие принципы и подходы.

Первый принцип. В России проживают представители разных национальностей, разных религиозных убеждений, которые пользуются одинаковыми правами и свободами, в том числе правом сохранять и развивать собственную культуру, исповедовать религию или быть вне религии.

Второй. Межэтническое согласие и сотрудничество являются нормой и глубокой традицией, и они обеспечивают существование и развитие страны и российского народа.

Третий принцип. Неравенство и дискриминация порождаются социально-политическими условиями, а нетерпимость и конфликты являются следствием неправильного воспитания, идеологического воздействия и правовой распушенности, а также меркантильного расчета от присвоения собственности дискриминируемых и унижаемых.

Четвертый. Граждане России имеют гораздо больше общих историко-культурных ценностей и общественно-политических установок, чем различий на основе религий и этнической принадлежности.

Пятый принцип. Вместе они составляют единый российский народ.

Наконец, шестой. Нетерпимость и насилие возникают там, где неблагоприятная социальная обстановка соединяется с плохим управлением и когда политики и общественные активисты используют этнические и религиозные факторы для достижения власти и собственного благополучия.

Руководствуясь этими принципами, многое могут сделать различные государственные институты, общественные организации и отдельные люди. Эти оценки и принципы затрагивают сферы государственного управления и политики, образования и информации, социальной и этнокультурной политики, мониторинга и экспертного обеспечения.

В демократических обществах могут быть самые разные проявления нетерпимости. И задача государства и общества не допускать их крайних, в том числе насильственных форм, которые подрывают общественный порядок и основы государственности. С идеологами и исполнителями насилия следует бороться не только через кампании осуждения, но и другими методами: отказом от публичности, судебными преследованиями, привлечением к полезной гражданской активности.

Работа по предотвращению экстремизма требует самоотдачи и добрых человеческих качеств. Но она может быть результативной, если делается сообща и при поддержке государства. Мы не можем себе позволить повторения ситуации, когда пятнадцать лет назад появление проблемы новой преступности среди граждан бывшего СССР, вызвало к жизни злобный миф о русской мафии, который нанес большой ущерб России. Мы не позволим, чтобы фашистская свастика и другие гадости прилипли к репутации нашей Родины.

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано в журнале «Стратегии России» №5 май 2006 г. © В.А.Тишков, 2006

Александр Игнатенко
КРОВАВАЯ ДОРОГА В РАЙ

Эта статья может представлять интерес для участников дискуссии, поскольку она на конкретном материале трактует проблему «Наши — чужие» в разных ракурсах, главный из которых — «чужие» (в данном случае: арабы из «Аль-Каиды», обосновавшиеся в Чечне) как фактор отчуждения и чеченцев, и мусульман, и части российской территории от «нашего», «своего» целого — постсоветской России и, одновременно, части чеченцев и мусульман (через их ваххабизацию и арабизацию) — от чеченцев-мусульман как самостоятельной общности, а также — от Чечни через превращение их в бойцов «всемирного джихада».

ТЕРАКТЫ «ШАХИДОВ» — ЭТО ВОЙНА ЗА ВАХХАБИТСКИЙ ПЛАЦДАРМ НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

«Я не смогла... Теперь не попаду к Аллаху». Это были последние слова террористки-смертницы, которая не сумела уничтожить себя и окружающих — «пояс шахида» сработал не на полную мощь. Ее товарка была более результативной: в результате 5 июля 2003 г. в московском Тушино погибли 14 человек, десятки были ранены. Наверное, вторая смертница полагала, что она-то уж точно попадет в рай.

«Борьба за независимость Чечни» — так «прочитывается» этот террористический акт едва ли не всеми. В потоке комментариев и истолкований не замечена одна вещь. Акты террора проводятся от имени диверсионной группы Шамиля Басаева (сейчас он называет себя на арабский манер Абдаллах Шамиль Абу-Идрис аль-Басси) со странным названием «Риядус Салихийн». (Теракт в «Норд-Осте» тоже был совершен от имени этой группы.) Это не чеченское название. Это арабское выражение, и означает оно «Сады праведников», т.е. «Райская обитель». Здесь есть как минимум две несуразности. Если бы это были мстители, борющиеся за независимость Чечни по принципу «Чечня для чеченцев», то, наверное, хватило бы фантазии назвать группу по-чеченски или хоть по-русски, как-нибудь типа «Ичкерийские мстители» или «Чеченское сопротивление». И какая связь между диверсионной группой и раем?

ВАХХАБИТСКОЕ КВАЗИГОСУДАРСТВО

Летом 2002 г. в фантомном государстве, называемом «Чеченская Республика Ичкерия», произошел переворот. Власть в нем перешла не только де-факто, но и де-юре к международным террористам — ваххабитам из Саудовской Аравии и других арабских стран. На заседании некоего «Маджлисуль Шура» были приняты «поправки и дополнения» к Конституции ЧРИ (на самом деле замена Конституции). Если кто-то думает, что «Маджлисуль Шура» это по-чеченски, он ошибается, это по-арабски и означает «совещательное собрание». На нем присутствовал и «президент» ЧРИ Аслан Масхадов. Само собрание в ваххабитской интернет-сети называется «расширенным заседанием исламского правительства Чечни». Проходило оно, естественно, на арабском языке, которого Масхадов не знает. Это «исламское правительство» «расширили» за его счет, а смысл происходящего ему передавал Шамиль Басаев (Абдаллах Абу-Идрис), который, наверное, знает арабский чуть лучше.

Принятый документ, названный арабским словом «низам» (уложение), можно было бы даже расценить как смешной. Хорош конституционный документ, в котором такое написано (ваххабиты-арабы не только его сочиняли, но и на русский язык переводили): «Сплочение рядов и единение слова — признаки победы, необходимые укреплять и беречь руководством государства и всеми мусульманами». (Нами при цитировании здесь и далее сохраняется орфография источника.)

Но поводов для веселья мало: речь идет о создании ваххабитского квазигосударства, власть в котором принадлежит иностранным (не имеющим отношения ни к России, ни к Чечне как ее части) гражданам, являющимся духовными лицами или выдающим себя за таковых. В разделе «Общие основания» постулируется, что «источником всех принимаемых решений являются Коран и Сунна». «Высшим органом власти ЧРИ является Маджлисуль Шура». Ключевым элементом нового квазигосударственного образования является религиозный орган — Верховный ша-

риятский суд (он же Шариатский комитет, он же Комитет Фатвы и Суда): «Члены Маджлисуль Шура утверждаются главой государства с согласия Верховного шариатского суда». Естественно, в этом шариатском органе сидят предполагаемые знатоки Корана и Сунны, которые являются наблюдательным советом, надзирающим за «Маджлисуль Шура»: «Не разрешается Маджлисуль Шура принимать решения, противоречащие Корану и Сунне». Право на контроль со стороны шариатского органа за всем, что только возможно, объясняется в тексте самих «дополнений и изменений» незатейливой тавтологией: «Всякая несправедливая политика противоречит шариату, а справедливая политика — часть шариата. Основываясь на этом, не допускается членам Маджлисуль Шура и властным органам вести политику, противоречащую шариату».

Текст «изменений и дополнений» пронизан ваххабитским пафосом борьбы против «неверных». В главные обязанности Маджлисуль Шура, всех госорганов заявленного квазигосударства и его граждан входит распространение той формы религии, которую авторы «дополнений и изменений» называют исламом, — «призыв к исламу, повеление одобряемого и запрещение недозволенного, оберегание, исцеление общества, которое неверные стремятся испортить, является обязанностью Маджлисуль Шура, правительства, а также всех мусульман». Функция государства — вечный джихад против «неверных»: «Два условия защиты ислама и мусульман от кафинов и мунафиков — подготовка и джихад на пути Аллаха». Кафиры и мунафики — тоже ваххабитские формулировки, означающие «неверных» и «лицемеров»; под «неверными»-кафирами понимаются все, кто не следует ваххабитской интерпретации ислама, — христиане, иудеи, неверующие, коммунисты, либералы, практически все человечество за вычетом самих ваххабитов; «лицемеры»-мунафики — не этическая характеристика, а шариатская в толковании ваххабитов — это мусульмане, которые, по оценке ваххабитов, на самом деле мусульманами не являются. Пожалуй, главная цель принятия «низам» — предоставление всей полноты прав на территории ЧРИ иностранным муджахедам. В тексте говорится: «Все мусульмане ансариты, принимающие участие в джихаде по защите свободы и независимости ЧРИ, являются ее полноправными гражданами».

Иностранцы получили все ключевые посты. Назначения, произведенные «президентом» Асланом Масхадовым по следам «расширенного заседания исламского правительства Чечни» («Кавказ-Центр», 27 августа 2002 г.), — а он без согласия Шариатского комитета, напомним, не мог ничего сделать, — являются мерами по реализации этого прожекта. Вот только несколько ключевых должностей, которые заняты иностранными ваххабитскими амирами и улемами: командующими фронтами назначены — амир Камал (Северное направление), амир Абу-Валид, он же Абу-ль-Валид (Восточное направление). Руководителем ключевого Шариатского комитета назначен Абдул-Халим, его заместителем шейх Абу Умар, Финансового комитета — амир Супьян, службы внутренней информации — Башир. Есть, конечно, и несколько чеченцев — Ахмед Закаев (информационный комитет), Мовлади Удугов (служба внешней информации). Об Абу-ль-Валиде, Абдель-Халиме, Абу Умаре (он же Мухаммад бен Абдаллах ас-Сайф) точно известно, что они саудовские подданные. Они коллеги и продолжатели дела Хаттаба (саудовского подданного Самера бен Салех ас-Сувейлема), который на момент ваххабитского переворота в ЧРИ уже умер.

Попробуем разобраться, что произошло. Некая группа иностранцев, которых никто ни в какой, пусть даже сомнительно легитимный орган самопровозглашенной ЧРИ не выбирал, устроила «посиделку» (по-арабски маджлис), пригласив на нее нескольких местных, приняла некий низам, сформировала органы власти, назначила опять-таки иностранцев на ключевые должности в этих органах власти, а бывший «президент» самопровозглашенной ЧРИ все это скрепил своей подписью. На самом деле речь идет о том, что после первых успехов международной антитеррористической коалиции в Афганистане в 2001-2002 гг. «Аль-Каида» стала искать плацдарм, на котором она могла бы находиться — так, как до этого пользовалась гостеприимством «Талибана» на афганской земле.

А 8 октября 2002 г. сайт «Кавказ-Центр» опубликовал документ, названный «Приказ правительства ЧРИ о всеобщей мобилизации», но являющийся на самом деле призывом к джихаду, обильно снабженным цитатами из Корана и Сунны. Правда, при чтении этого «приказа» нужно помнить, что никакого «правительства ЧРИ» не существует. Этот призыв к джихаду подписан

Шариатским комитетом и Маджлисуль Шура. Какое направление должен был принять джихад, ведущийся с территории Чечни, можно понять, если обратиться к обширному интервью Аслана Масхадова, помещенному на одном нижегородском сайте, где он прямо говорит об «экспансии исламской политической доктрины на соседние республики, находящиеся в составе Российской Федерации»

На сайте филиала «Аль-Каиды», действующего в Чечне, за некоторое время до теракта в Моздоке начался опрос посетителей. «Поддерживаете ли вы перенесение моджахедами (т.е. воинами джихада. — Прим. А.И.), действующими в Чечне, боевых действий на территорию России?» На 12 июля 2003 г. на этот вопрос не поленилось ответить 31025 (!) арабских посетителей сайта, из которых 85% (26402) отвечают твердым «да» — (<http://62.50.78.46/polls.php?secid=15&seccid=1529&pollresult=1>). 7 июля тот же сайт опубликовал комментарий на теракт в Тушино, где обещано: это только начало «огненного ливня», который испепелит Россию (<http://62.50.78.46/news.php?secid=1&seccid=1862>).

Но перенос ваххабитского джихада из Чечни, с территорий, контролируемых этим ваххабитским квазигосударством, начался не с Моздока. Это произошло во время террористической акции, начавшейся в Москве, на Дубровке, 23 октября 2002 г. Это началась реализация «внешней политики» квазигосударства, созданного на территории Чечни иностранцами. Вспомните: вся символика теракта в «Норд-Осте» ваххабитская. Это и женщины в черных одеждах с закрытыми паранджой лицами. (Между прочим, это не вызывалось соображениями секретности — смертнику незачем скрывать свое лицо. Мужчины были без масок. Чеченки паранджу не носят.) Это и черное ваххабитское знамя, которое нацепили на занавес. (Подчеркну — не знамя ЧРИ.) И Мовсар Бараев сообщил, что они из той самой «Райской обители» — из отряда «Риядус Салихин».

«ШАХИДИЗМ» — ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАХХАБИТСКИХ УЛЕМОВ

Теракты так называемых «шахидов» — изобретение ваххабитских улемов (религиозных ученых). Там, куда проникает ваххабитское учение, начинаются акции «шахидов». Поверхностно ориентированные комментаторы утверждают, что чеченцы берут-де пример с палестинцев. Но им, наверное, будет интересно узнать, что фетва о самоубийственных террористических актах ваххабита — ныне руководителя Шариатского комитета Чечни Абу-Умара (он же Мухаммад бен Абдаллах ас-Сайф) — была помещена первой на сайте военизированного крыла движения палестинского ХАМАС — «Бригад Изз-ад-Дина аль-Кассама» (в разделе «Фетвы», целиком посвященном самоубийственным террористическим актам «шахидов»). Сейчас уже известно, что теракты 11 сентября 2001 г. с использованием «шахидов» в вероучительном плане обеспечивались ваххабитскими улемами. Так, саудовский шейх Салман аль-Ода 19 июня 2001 г. издал фетву соответствующего содержания, и руководитель группы «шахидов» Мухаммад Атта до своего отъезда из Гамбурга в США регулярно с ним связывался по телефону. Саудовские родственники Хаттаба сообщили после его смерти, что он находился на «постоянной связи» с улемами в Саудовской Аравии и «регулярно получал от них советы» — (<http://www.alhayat.com/pages/04/04-29/29P01.pdf>). Новый министр юстиции Королевства Саудовская Аравия шейх Абдаль-Мухсин аль-Абикан, назначенный в ходе начавшейся в королевстве «деваххабизации» — (http://religion.ng.ru/politic/2003-06-18/1_mission.html), довольно витиевато подтвердил роль ваххабитских улемов в возникновении «шахидизма» и последующего его удара по самой Саудовской Аравии 12 мая с.г.: «С самоубийственными операциями в Палестине мы открыли дверь, которую не смогли закрыть» (Аш-Шарк аль-Авсат, 6 июля 2003 г.). Весьма любопытно, что ваххабизм уже распространяется не только из Саудовской Аравии, а и из Чечни. В самоубийственных терактах «шахидов» 16 мая с.г. в Касабланке принимали участие члены группы, созданной и руководимой марокканскими моджахедами, прошедшими Чечню и создавшими в городском квартале «Аль-Масира» ячейку «Чеченцы» (Аш-Шишан).

Связь «шахидизма» на территории России с ваххабитами и их верным учеником аль-Басси можно проследить и через давно вещающий сайт «Караваны шахидов» (Кавафиль аль-шухада) — (<http://www.shuhadaa.org>). Этот сайт как раз о джихаде и самоубийственных терактах и ориентирован на Чечню, в чем нетрудно убедиться: на первой странице там фигурируют покойный Хат-

таб и Басаев. Полностью изложена теория «шахидизма» со ссылками на выдерганные из Корана и Сунны цитаты.

Романтическая история с «черными вдовами», которые-де мстят за убитых мужей сомнительна. (Хотя, конечно же, какие-то личные мотивации, в том числе и такие, в акциях «шахидов» могут присутствовать.) Сейчас мало кто помнит, что акции «шахидов» начались в Чечне в июне 2000 г. терактами двух русских пленных солдат, обращенных в ваххабизм, — Джабраила (бывшего Дмитрия) Сергеева и Абдуррахмана (бывшего Александра) Алексеева. В том же месяце «шахидкой» стала принявшая ваххабизм двоюродная сестра Арби Бараева Хава.

«Шахидизм» есть циничная эксплуатация религиозной веры ваххабитскими улемами (как Абу-Умар в Чечне) и ваххабитскими же амирами (военными командирами — как Абу-ль-Валид и Абу-Идрис аль-Басси в Чечне). Если говорить просто, то теоретики и организаторы «шахидизма» обманывают тех мусульман, в том числе — новообращенных из славян, которые поддаются на их агитацию. Они сулят «шахидам» рай, но скрывают от них, что мусульманину, совершившему самоубийство и убийство, т.е. два тяжчайших преступления, уготован ад. В своих фетвах ваххабитские улемы, разрешая и рекомендуя самоубийственные террористические акты «шахидов», используют косвенные доводы, почерпнутые из Корана и Сунны Пророка. Но в Коране и Сунне есть совершенно однозначные и безусловные запреты самоубийства. Коран говорит прямо: «Не убивайте себя» (4:29). Пророк Мухаммад сказал: «Кто убил себя — тому воздаянием геенна огненная». Что касается убийства, то и здесь сказано однозначно: «Не убивайте душу, которую запретил Аллах, иначе как по праву» (6:151; 17:33). Как мы видим, есть одна оговорка — о праве. Но в любом случае запрет самоубийства исключает истинное религиозное обоснование самоубийственного террористического акта.

Возникает резонный вопрос: почему или зачем ваххабитским улемам и амирам заниматься организацией массового «шахидизма» в разных концах света? Ответ очень прост: они хотят установления собственного господства в мировом исламском сообществе и переделки мира под ваххабитские шаблоны. В определенном смысле ваххабизм занят уничтожением ислама, ибо что есть «шахидизм», жертвами которого становятся в том числе и мусульмане-неваххабиты, объявляемые «неверными» (в той же Чечне), не говоря уже об уничтожающих себя «шахидах», если не уничтожение ислама — как физическое, так и моральное.

На территории России обманутые «шахиды» и «шахидки», взрывая себя в Моздоке и Москве, отвоевывают территориальный плацдарм для ваххабитов. Они не подозревают, что цель их акций — легализовать ваххабитское квазигосударство, которое называется ЧРИ. Ведется довольно простая, но страшная игра. «Шахиды» выставляются как проявление «отчаяния» чеченцев, которые вынуждены прибегать к таким ужасным акциям, якобы борясь за свою независимость. Альтернативой этому предлагаются мирные переговоры с марионеточной фигурой — «президентом» ЧРИ, который с готовностью отмежевывается от терактов «шахидов».

Если есть в Москве (или Страсбурге) желающие вести такие переговоры, то им нужно иметь переводчика со знанием арабского языка. Действительные хозяева положения в ЧРИ — арабы-ваххабиты.

У арабов существует поговорка о собаке, кусающей брошенный в нее камень. Так говорят о глупом человеке, не понимающем, откуда происходит опасность. Акции «шахидов» не прекратятся до тех пор, пока не будет уничтожен ваххабизм на территории России. Так, может, хватит кусать камень?

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано в газете «НГ-Религии», 16 июля 2003 г.

© А.А. Игнатенко, 2003

Алексей Малашенко
КАК СОХРАНИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

ИСЛАМСКИЙ МИР ТРЕВОЖИТ ПЕРСПЕКТИВА ПОДЧИНЕНИЯ ЗАПАДУ

В мусульманском мире глобализация ассоциируется с конкретной политикой, с угрозой со стороны Запада, который не только навязывает мусульманам собственные ценности, мировоззрение, но оказывает постоянное прямое, в том числе военное, давление. Например, наиболее острые кризисы сегодня происходят между Соединенными Штатами, главным центром глобализации, и мусульманскими странами.

Мусульмане рассматривают глобализацию как идеологию на установление чужого мирового господства, подчинение мусульманского мира Западу. И это не говоря уже о насильственном изменении с последующим уничтожением их конфессиональной идентичности. Отсюда отторжение мусульманами образовательно-просветительских программ, разрабатываемых в Америке и Европе.

В соответствии с религиозной доктриной ислам считается самой совершенной религией, а пророк Мухаммед — последним из пророков, он — «печать пророков». Здесь нет ничего удивительного: каждая конфессия претендует на собственную исключительность. Однако именно в исламе имеются претензии на религиозное совершенство, а также уверенность в правоте и в мирских делах.

В нем наиболее последовательно представлена тенденция единства религиозного и светского начал. Ислам наиболее политизирован и предлагает свою собственную модель мироустройства. Здесь, например, сформулированы такие понятия, как «исламское государство» и «исламская экономика».

Таким образом, ислам предлагает, по существу, свой вариант глобализации, конкурирующий в пределах мусульманского мира с ее западной версией.

На острие борьбы против глобализации находятся исламские радикалы, в том числе экстремисты, объявившие смертельную борьбу ее носителям. Недаром многие эксперты считают, что именно глобализация в значительной степени спровоцировала религиозный экстремизм.

ЕСТЬ ЛИ У ГЛОБАЛИЗАЦИИ ШАНСЫ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ?

Разумеется, есть. Остановить этот процесс вряд ли возможно. С другой стороны, для достижения успеха глобалистам потребуется большая чуткость к сложившейся в традиционных и полутрадиционных обществах системе ценностей, к поведенческим нормативам. Их обрушение в конечном счете вызывает ответную реакцию отторжения. Глобализация может быть только «ползучей», каковой она, в сущности, постепенно становится.

В мусульманском мире сторонниками (и проводниками) глобализации являются вестернизированная интеллигенция, часть молодежи, технократы. В то же время те, кто разделяет ее идеи, боятся делать это открыто. В мусульманском мире, особенно в Иране и Пакистане, трудно найти выступления в защиту глобализационной тенденции, хотя признание ее объективно неизбежного процесса все же встречается. Там нет ни одного идеолога глобализации. Правда, на эту тему много рассуждают осевшие на Западе мусульманские интеллектуалы, по мере сил поддерживающие глобализационную идею, но они выпадают из контекста собственно мусульманской общественной мысли.

Ближайшая история человечества будет заключаться именно в противоречии моделей миропонимания, основанных на глобализационной и религиозной традициях. Такое положение дел, видимо, не следует отождествлять с кризисом или со своеобразным вариантом столкновения цивилизаций. Несмотря на наличие конфронтационных элементов, сторонники и противники глобализации обречены на взаимное адаптирование.

Безусловно, в исламе (кстати, как и в православии) это будет происходить болезненнее, чем в остальных религиях.

По большому счету глобализация — процесс вечный. Вряд ли вообще когда-нибудь придется говорить о его окончательном итоге. «Усредненное человечество» или погибнет, что невоз-

можно, или постоянно будет вырабатывать некие антиглобализационные ферменты, которые вновь и вновь будут противостоять унификации.

Унификация же возможна только при условии встречи с выходцами из совершенно иной, неземной цивилизации. Эта встреча навсегда сотрет различия между религиями, культурами и цивилизациями нашего мира. Но на эту тему пусть рассуждают фантасты и уфологи.

Публикуется по согласованию с автором.

Ранее опубликовано в газете «Независимая газета», 5 апреля 2006 г.

© А.В. Малащенко, 2006

Борис Межуев
МЕТАФОРА РЕВОЛЮЦИИ

С конца 2004 г. в российский политический лексикон прочно вошло понятие «оранжевая революция». Термин «революция» использовался в данном случае для описания совокупности событий, включавших в себя недовольство значительной части граждан результатами выборов, в ходе которых правительство предположительно прибегало к административному ресурсу либо к прямым подтасовкам; способность проигравшей стороны мобилизовать в свою поддержку недовольных характером и итогами выборов избирателей; одобрение претензий оппозиции руководителями и общественным мнением западных стран, лишавшее правящую элиту возможности задействовать против манифестантов вооруженную силу; и, наконец, приход оппозиции к власти после серии уличных акций.

Будучи квалифицирована как «революция», эта совокупность событий, связанная с утратой действующей администрацией ряда постсоветских стран контроля над политическим транзитом, сразу же задавала особый метасобытийный контекст, который позволил связать протестные выступления в этих странах с аналогичными выступлениями, имевшими место в прошлом. Иначе говоря, возникнув в качестве обозначения определенной «конstellации событий», метафора революции начала жить собственной жизнью, невольно обусловив сам ракурс рассмотрения происходящих в мире изменений.

Что же принесла с собой метафора революции? Прежде всего, употребление данной метафоры указывает на то, что соответствующий ряд событий нельзя оценивать только на основании анализа их самих. Слово «революция» предполагает вполне конкретное видение исторического континуума, в рамках которого «революционный процесс» занимает свое царственное место. Ведь на самом деле «революция» отличается от «мятежа» не тем, что «кончилась удачей» (бывают и неудачные «революции»), а тем, что она «включена в историю», в то время как «мятеж» или «бунт» остаются лишь единичными событиями, для описания которых совсем не нужно обращаться к историческому контексту. Поэтому при позитивистском подходе к исследованию, скажем, ситуации на Украине в конце 2004 г. от метафоры «революция» следовало бы отказаться. Но нас в данном случае интересует не сама эта ситуация, а использованная для ее обозначения метафора, которая, неизбежно искажая восприятие реальной последовательности фактов, вместе с тем выводит нас при их интерпретации в некую «большую историю», где разные по месту и времени факты оказываются теснейшим образом соотнесены между собой.

Так, сцепляясь с событиями ноября 2003 г. в Грузии, получившими наименование «революция роз», электоральный кризис на Украине сразу же вызывает ассоциацию с «революцией гвоздик» в Португалии в 1974 г., запустившей, по мнению Самюэля Хантингтона, «третью волну» демократизации [Хантингтон 2003а]. Через часто употребляемый термин «бархатная революция» эта серия сравнительно мирных переворотов связывается с сокрушительным обвалом коммунистических режимов в Восточной Европе. Общей рамкой для всей этой череды «демократических транзитов» может служить выражение «глобальная демократическая революция», прозвучавшее 6 ноября 2003 г. в выступлении Джорджа Буша-мл. перед Национальным фондом в поддержку демократии. Идея Буша о начале такой революции тут же была подхвачена некоторыми идеологами неконсервативного толка, которые заговорили о разворачивании «революции справа». Отсюда прямая дорога к «мировой революции», к которой призывали левые теоретики — от Маркса до нынешних антиглобалистов. В какой-то мере точкой схождения этих двух «мировых революций» (левой и правой) может считаться Парижский май 1968 г., ставший примером и притягательным образцом массового полукарнавального выступления молодежи, вне зависимости от его конкретной политической ориентации.

Самое главное во всем этом — то, что при употреблении «революционной метафоры» мы тем самым отмечаем не только сходство упомянутых событий, но и их генетическое родство. Они оказываются как бы включены в некий логически последовательный и закономерный процесс, сопротивление которому предстает уже не просто поддержанием порядка или «преemptивности власти», но консервативной реакцией на «неумолимый ход истории». Более того, бу-

дучи отмечен печатью «революционности», данный процесс приобретает целый ряд характеристик, обусловленных самой этой метафорой.

Попытаемся восстановить «революционный контекст», на который выводит нас использованная при описании событий на Украине метафора революции. А для этого окинем взглядом исторические события, связанные с рассматриваемым словом.

* * *

Еще года три назад левая идеология в любых ее версиях — радикально-социалистических, анархистских или контркультурных — пользовалась в России сравнительно небольшой популярностью. Сегодня левые настроения постепенно захватывают молодых людей, которые, остро ощущая несправедливость происходящего в стране и мире, перестают видеть своего союзника не только в нынешней российской власти, но и в отечественной государственности как таковой. Российское государство все чаще воспринимается как инструмент угнетения собственного народа, встроенный в глобальный империалистический проект с общим центром по ту сторону Атлантики.

Конечно, само по себе полевание еще не означает обращение к наследию «новых левых», революционная позиция которых имела свою специфику. Левыми настроениями молодежи в принципе могли воспользоваться и наследники советского проекта. Однако складывается впечатление, что в последнее время молодежный электорат России постепенно уплывает из рук «традиционных левых», перетекая отчасти к левым националистам, а отчасти к тем силам, которые ведут свою родословную от международной революции 1960-х годов.

Чем же «новые левые» отличаются от традиционных? Главное их отличие, как мне кажется, заключается в интернационализации классового конфликта. Для «новых левых» реальный классовый раскол проходит не по линии бедные — богатые в отдельных странах, а по линии Мировой Юг — Мировой Север (в терминах теории зависимости) или периферия — центр (в категориях мир-системного анализа). Классовый конфликт в данном случае обретает характер межнационального или, точнее, межцивилизационного. Столкновение «левого» и «правого» политических флангов получает геополитическую перспективу. Соответственно, по мнению теоретиков «новых левых», разрешение этого конфликта может быть достигнуто лишь на сверхнациональном уровне — через трансформацию всего миропорядка, а не посредством тех или иных «прогрессивных» реформ внутри национальных государств. Появление данного идейного течения во время войны Соединенных Штатов с вьетнамскими партизанами и маоистской «культурной революции» открыло новую фазу в том фундаментальном историческом движении, которое началось в 1789 г. и которое, по всей видимости, и следует называть Революцией.

Всякое обращение к революции в политическом отношении, как правило, связано с включением того или иного социального явления в контекст этого глобального политического движения. Под Революцией должно понимать не совокупность революционных событий в разных странах, а продолжающийся уже три столетия процесс фундаментальной исторической трансформации. Поскольку данный процесс, очевидно, еще не достиг своей финальной точки, я позволю себе не согласиться с мнением об исчерпанности понятий «левое» и «правое». Ибо и в настоящую эпоху «левыми» остаются те силы, которые отождествляют себя с этим процессом и стремятся ускорить его, довести до логического конца. В свою очередь, «правыми» оказываются те, кто по тем или иным причинам препятствует поступательному ходу Революции или пытается отсрочить ее неминуемую развязку.

Так в чем заключается смысл Революции, в которой великий русский поэт и публицист Федор Тютчев совершенно справедливо предлагал видеть нечто большее, чем «Принцип», а именно — «Дух, Разум» [Тютчев 2003: 183]? Революция, по Тютчеву, есть «высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада» [Тютчев 2003: 180], и потому ее нельзя трактовать лишь как транзит, момент перехода от одной социально-исторической фазы к другой, более прогрессивной. «История революций, — отмечает Артем Магун, — не сводится к простому воспроизведению одинаковых феноменов или (по вульгарно-марксистской модели) к последовательности закономерных стадий. Она составляет серию освободительных

движений, не достигающих своей (бесконечной) цели, обрывающихся на полпути, которые следующая волна истории подхватывает и радикализует, чтобы снова споткнуться и откатиться назад со всей мощью» [Магун 2003: 54].

Революция — это гигантская историческая программа, приведенная в действие в конце XVIII в. и доселе неостановимая. Можно выделить три компонента этой программы, три основополагающих тренда, которые выражают суть феномена Революции. Первый из этих трендов — делегитимация всякой власти, всякого властного авторитета, вне зависимости от их конкретного выражения: «ненависть к Власти как принцип», убеждение, что «авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман» [Тютчев 2003: 180]. Второй тренд — демократизация, т.е. неприятие любой иерархии, любого неравенства в отношениях между людьми (и, добавлю, народами). Наконец, третий тренд — секуляризация, фактическое отрицание любого воздействия религиозного начала на жизнь общества, на социальные, политические и культурные институты. И вновь обращусь к словам Тютчева: «антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство» [Тютчев 2003: 144].

Таким образом, в конце XVIII столетия в мировой истории была как бы запущена особая социально-политическая программа, заданная тремя алгоритмами: делегитимацией власти, демократизацией и секуляризацией. Я не буду здесь останавливаться на генезисе каждого из этих алгоритмов, а также на том, что они далеко не сразу слились в единое целое, определив собой идейное поле левого движения во всех странах мира. В рамках данной статьи уместно ограничиться феноменологией Революции, не претендуя на раскрытие ее онтологии. Но если выделенные тренды действительно определяют сущность мировой Революции, то вряд ли будет ошибкой сказать, что Революция до сих пор не завершена или, точнее, что к своему концу она подходит только сейчас.

* * *

На протяжении всего XIX в. демократизация в форме распространения гражданских прав на все большие слои населения происходила параллельно с прямо противоположным по направленности процессом — колониальным освоением европейскими державами земного шара. Но поскольку история развивается по Лобачевскому, а не по Эвклиду, в один прекрасный момент эти параллельные линии истории, обладавшие противоположными энергетическими зарядами, должны были сойтись, вызвав своим столкновением гигантскую вспышку. Такой вспышкой стала революция 1917 г., в ходе которой одна из крупнейших империй мира преобразовалась в федерацию народов, представители которых формально обладали полным набором гражданских и политических прав.

Будучи антикапиталистической и даже отчасти антиколониальной, революция 1917 г. отнюдь не была антизападной. Ранние большевики, и в первую очередь — Лев Троцкий, полагали, что в постбуржуазную эпоху Запад или, как говорил сам создатель Красной Армии, пролетариат развитых индустриальных стран вернет себе лидерство и поколебленные иерархические отношения между центром и периферией мировой системы вновь восстановятся. Оставаясь марксистами, т.е. приверженцами крайне европоцентристского социологического учения, считавшими себя выразителями интересов социального слоя, который был обязан своим появлением интенсивному капиталистическому развитию, большевики не могли не чувствовать органической связи с цивилизацией Запада и столь же естественного отторжения от «крестьянского варварства» Востока. Неудивительно, что они отнюдь не были готовы слиться в едином «бунтующем океане» с крестьянскими массами Азии и других беднейших регионов планеты. Чтобы русская революция могла стать подлинно мировой, в результате пертурбаций 1918 г. у власти в стране должны были оказаться не большевики, а «левые эсеры», которые, как и все эсеры, считали себя борцами за дело всего «трудового народа».

Любопытно, что в России имелись люди, которые, пусть на словах, пусть чисто риторически, готовы были поднять над Петербургом знамя «мировой революции». Но ими были не большевики, не левые радикалы и даже не либералы. В 1899 г., после своего путешествия по Корее, русский националист и монархист Сергей Сыромятников писал: «Мы не арии, мы парии чело-

вечества, начальники париев, предводители вандалов, объединители униженных и оскорбленных, таково наше призвание». И далее, о предполагаемом антикитайском союзе тех лет: «Помоему выгоднее было бы соединиться с будущими Мамаями и Чингисами и вести их на Европу, чем сражаться за тех, которые нас глубоко ненавидят и пытаются уничтожить не мытьем, так катанием» [Сыромятников 1899: 2]. Позднее, в канун революции, похожие настроения прорывались и у ряда других, вполне благонамеренных публицистов.

Обретение Константинополя, доказывал в 1915 г. бывший мирнообновленец князь Евгений Трубецкой, мыслимо «лишь как завершение всеобщего освободительного движения народов: только во имя этого всемирного освобождения Россия имеет право венчаться венцом Царьграда» [Трубецкой 1915: 25]. Венцом Царьграда России венчаться не пришлось, возможно, именно потому, что марксистская революция закрыла наиболее фундаментальную из всех стоявших перед русской историей альтернатив — стать инициатором и лидером «всеобщего освободительного движения народов».

«Новые левые» появляются на исторической сцене именно в тот момент, когда советский коммунизм перестает играть революционную роль, все более активно интегрируясь в поддерживаемый США мировой политический порядок, и основной силой антиимпериалистического протеста становятся крестьянские массы разоряемой капитализмом периферии мировой системы, а также маргинальные группировки в странах Запада, по тем или иным причинам недовольные обществом потребления. Обществом, гарантирующим благополучие, если не процветание, 2/3 своего населения.

* * *

Активнейшим участником национально-освободительной борьбы против мирового империализма в XX столетии был революционный Китай. В эпоху появления «нового левого» движения Китай фактически выступал символическим и организационным центром этой борьбы. Именно Мао выдвинул идею «мировой революции» как войны «мировой деревни», т.е. отсталой периферии капиталистического или, точнее, индустриального мира, против «мирового города», возглавляемого двумя сверхдержавами — США и Советским Союзом. Вероятно, еще в сталинскую эпоху (а в хрущевскую — уже совершенно определенно) Мао понял, что преданность советских вождей делу мировой революции далеко не безусловна, что лидеры СССР ищут лишь предлог, который бы позволил им наладить взаимодействие с империалистическими странами, дабы вместе с ними осуществить геополитический раздел мира. Прямое столкновение с империализмом и вправду не входило в планы ни Сталина, ни Хрущева. Сталин практически до самого падения гоминдановского режима в Китае оказывал поддержку Чан Кайши, без большого энтузиазма относясь к перспективе распространения коммунизма в Азии. Да и Хрущев, несмотря на периодические угрозы «закопать» Запад, все же воздерживался от радикальных шагов (в частности, от передачи ядерных технологий восточному соседу).

Управляемый процесс деколонизации, осуществлявшийся западным миром при молчаливом согласии СССР, ни в коей мере не решил всех проблем, сопряженных с глобальным политическим и экономическим неравенством. Во многих освободившихся от колониальной зависимости странах у власти оказались правители, которые были тесно связаны с «империализмом» и действовали в интересах развитых держав. В подражание китайским коммунистам в сельских районах этих стран стали возникать партизанские движения. Кое-где, как, например, на Кубе или в Южном Вьетнаме, они добились беспрецедентных успехов.

В 1950-е — 1960-е годы наступление «мировой деревни» на «мировой город» достигло наивысшего размаха. Совершенно парадоксальным образом в то же самое время в западных странах возникло нешуточное по своим масштабам контркультурное движение, стремившееся распахнуть ворота «города» перед рвавшейся в него «деревней».

Вероятно, главная ошибка Мао и его союзников заключалась в том, что они не смогли завязать тесные идеологические отношения со своими приверженцами в мире капитала, оставшись при убеждении, что революционный потенциал западного пролетариата полностью исчерпан. Поскольку «своя своих не познаша», «мировая революция» не удалась. Фронты — западный и

восточный — действовали слишком разобщенно. В конце концов в 1972 г. произошло то, что можно назвать одной из самых больших загадок XX столетия: общепризнанный лидер «мировой революции» и кумир радикальной молодежи Запада Мао Цзэдун фактически вступил в союз с наиболее «реакционными» силами Америки... Ноябрь 1972 г., кульминационный момент президентской кампании в Соединенных Штатах, в которой «маккартисту» и «ястребу» Ричарду Никсону противостоял «либерал» и противник войны во Вьетнаме Джордж Макговерн. Симпатии всего левого Запада были, разумеется, на стороне Макговерна. На стороне же Никсона было консервативное «молчаливое большинство» американской глубинки и... коммунистические руководители СССР и Китая. При личной встрече с Никсоном Мао заявил, что сочувствовал ему на выборах. И чтобы американский президент не счел эти слова проявлением специфически китайского политаеса, добавил: «Я люблю правых... Я радуюсь, когда к власти приходят люди справа» [Никсон 1992: 15-16]. Чем бы конкретно ни руководствовался председатель китайской компартии, для «мировой революции» его сочувствие имело фатальный характер: на выборах 1972 г. с огромным отрывом победил Никсон, молодежные выступления стали затухать, а Индокитай после ухода американцев превратился в поле геополитического соперничества СССР и Китая.

* * *

Именно в это время на арену истории стала постепенно выходить новая сила — исламский радикализм. Получив хорошую боевую подготовку в Афганистане, он укрепился в Пакистане, установил контакты с арабами Магриба, а затем проник в Албанию — мусульманское подбрюшье Европы. Устойчивых организационных связей между маоизмом и исламским радикализмом нет, но идейные связи несомненны. Действительно, и исламисты, и маоисты считают себя выразителями интересов если не самой бедной, то наиболее угнетенной части населения мира, тех, кому отказано в праве иметь то, чем без всякого права обладают другие, — например, ядерное оружие, а вместе с ним и возможность свободно определять свою судьбу.

Тот феномен, который мы называем исламским терроризмом, по сути дела представляет собой очередную версию идеологии мировой революции, под знаком которой прошла вся история XX в. Первой такой идеологией был советский коммунизм, второй — маоизм. Исламский радикализм при всех своих девиациях от левой идеи является третьим в этом ряду. Симпатии некоторых современных левых идеологов Европы к исламу далеко не случайны.

Причина если не поражения, то отхода на задний план первых двух революционных идеологий была заключена в их сравнительных преимуществах. И у большевистского, и у маоистского коммунистических движений имелись могущественные покровители — идейно-организационные центры в виде Советского Союза в одном случае и Китайской Народной Республики — в другом. На определенном этапе прагматические национально-государственные интересы коммунистических стран вступили в противоречие с их интернациональными обязательствами, и организаторы борьбы с мировым империализмом превратились в сдерживающую ее силу. Более того, в какой-то момент «революционные» государства начали тормозить или, во всяком случае, ограничивать деятельность своих радикальных сторонников из других стран. В результате «мировая революция» стала пробуксовывать, чем не замедлили воспользоваться Соединенные Штаты, точечными дипломатическими ударами в 1970-е годы фактически выведшие и Китай, и СССР из мирового революционного процесса.

Но «мировая революция» нашла себе новую оболочку. Ею оказался, как уже говорилось, исламский радикализм. Думается, что выбор именно этой оболочки лишь в незначительной степени объяснялся особенностями ислама как религии. Главное было в том, что общее мирополитическое унижение народов периферии совпало со специфическим цивилизационным унижением мира ислама.

Достоинство данной оболочки «мировой революции» заключалось, помимо прочего, в том, что у исламской цивилизации, как правильно отметил в своей книге «Столкновение цивилизаций» Хантингтон [Хантингтон 2003b], отсутствует «ядровое» государство, с которым бы та могла связывать свою историческую судьбу. Если бы у ислама наличествовал свой Третий Рим, сак-

ральный приоритет которого признавался бы всеми мусульманами, с ним можно было бы достичь каких-то договоренностей. Но у ислама такого «Рима» нет, что делает его почти идеальным инструментом для сил, стремящихся радикальным образом изменить мировой порядок. Относительная слабость террористов оборачивается их силой.

Сложность подобной ситуации в какой-то мере осознавали и те люди, которые планировали военную операцию в Ираке. Не случайно лидеры «неоконсерваторов», в т.ч. Ричард Перл и Ньют Гингрич, осуждают администрацию Буша за то, что она не вывела сразу же войска из Ирака и не предоставила свободу действий новому правительству. Однако реалистически мыслящим стратегам такой рискованный план представлялся авантюрой, и в Белом доме от него отказались. В результате всех этих неувязок «мировая революция» в лице «международного терроризма» получила своего рода мандат на террористическую деятельность. Этот мандат был выдан ей Вашингтоном, осуществившим вооруженное нападение на слабую страну без серьезных на то оснований.

Современный Китай, безусловно, уже ни в каком смысле не может считаться выразителем миросистемного недовольства: эта страна сегодня принята во многие самые престижные закрытые клубы. Но маоизм в настоящее время — это вовсе не Китай. Это Перу, где долгие годы ведет партизанскую борьбу движение «Сендеро Луминосо»; это Филиппины, где воюют бок о бок исламские и маоистские инсургенты; это Индия, где очень популярна Партия народной войны; это, наконец, Непал, где уже девять лет идет гражданская война.

Госсекретарь США Колин Пауэлл, побывав в январе 2002 г. в Непале, прямо заявил, что маоистское сопротивление в сущности представляют собой того же врага, с которым США борются по всему миру [Sri Raman 2006]. Как бы то ни было, есть основания предположить, что истоки таинственной «Аль-Каиды» хотя бы отчасти кроются в идеологии мирового революционного протеста.

* * *

Какова же стратегия сил мирового порядка, стремящихся воспрепятствовать расползанию «мировой революции», грозящей планетарным хаосом? Прежде всего здесь следует упомянуть известную концепцию «сдерживания», сформулированную впервые в статье Джорджа Кеннана «Источники советского поведения» [Kennan 1947]. Кеннан впоследствии утверждал, что, говоря о сдерживании, он имел в виду не противодействие военной мощи советского блока, которую в те годы он оценивал довольно скромно, но сопротивление спонтанной экспансии коммунизма на Востоке и на Западе, обусловленной кризисом капитализма и колониальной системы [Nyland 1947]. Другими словами, «сдерживать» предполагалось не столько вполне рационально действовавшего Сталина, сколько антиколониальные и коммунистические движения в Италии, Франции, Греции и Турции, чем Кеннан как заместитель госсекретаря США по политическому планированию в Европе, собственно, и занимался в 1940-е годы. В соответствии с так наз. реалистическим подходом к «мировой революции», которого придерживался Кеннан, антисистемные тенденции нужно было именно «сдерживать», не давая им неконтролируемо распространяться, разрушая порядок, созданный Западом.

Второй подход — гораздо тоньше. Он состоит не в консервативном сдерживании сил «революции», но в переформатировании этих сил и использовании их для укрепления того самого мирового порядка, закрепляющего иерархические отношения между различными государствами и цивилизациями, против которого они изначально были направлены. С учетом недавнего украинского опыта этот второй подход и можно назвать «оранжевым». Его основы были заложены еще в период антиавторитарного подъема в Европе, начавшегося с португальской «революции гвоздик» 1974 г. Данный подъем был прекрасно использован администрацией Джеймса Картера, которая резко изменила политический курс США, оказавшись от прежней реалистической политики, сводившейся к безоговорочной поддержке в третьем мире антикоммунистических авторитарных сил*.

* Подробнее об этом повороте в политике Соединенных Штатов можно прочитать в книге Хантингтона «Третья волна» [Хантингтон 2003].

Смысл такого политического «виндсерфинга» заключался в том, чтобы уловить момент, когда спонтанно нарастающая антиавторитарная энергия масс начинала работать на интересы Америки, и быстро этим воспользоваться, дабы затем, когда «волна», реализовав свой «позитивный» потенциал, толкает события в обратную сторону, отступить от нее и попытаться погасить. К середине 1990-х годов подобного рода попятное движение стало набирать силу. Антиавторитарная энергетика выносила на поверхность фигуры вроде Александра Лукашенко, Владимира Жириновского или Уго Чавеса. В этих условиях делать ставку на демократическую «волну» было уже нецелесообразно. По иронии судьбы принять новые правила «игры» и не возражать против так наз. «номенклатурного реванша» на постсоветском пространстве выпало на долю демократа Клинтона. В 1990-е годы демократам пришлось немного поиграть в «реализм», подобно тому как сегодня республиканцы вынуждены использовать риторику и подходы традиционно связываемого с демократами «либерального интернационализма».

Ситуация осложнялась еще и тем, что в 1990-е годы «либеральный интернационализм» столкнулся с серьезной проблемой, решить которую он так и не смог. Дело в том, что в арабском мире «улица» всегда оставалась более антизападно настроенной, чем авторитарная и часто коррумпированная элита. Арабский Восток никак не хотел «демократизироваться» в приемлемом для Соединенных Штатов смысле этого слова, т.е. спонтанно приводить к власти удобных им руководителей. В результате революции разнообразных «цветов» на время отошли в прошлое, и в мире воцарилась консервативная идеология «цивилизационного обустройства», нашедшая замечательное выражение в международном признании столь «причудливых» авторитарных правителей, как Ислам Каримов или Туркмен-баши.

Следствием консервативной паузы 1990-х годов оказалась своеобразная политизация ислама. Именно политический ислам — как в умеренной, «демоисламистской» (турецкой), так и в радикально салафитской (арабской) версии — стал основным оружием народного сопротивления прозападному авторитаризму, утвердившемуся при поддержке Соединенных Штатов в мусульманских странах. Одновременно в исламских государствах начал поднимать голову левый антиглобализм, почти сразу же вступивший в открытый или тайный союз с политическим исламом.

В этих условиях едва ли приходится удивляться тому, что США попытались перебить эту нововую, уже явно не соответствовавшую их интересам демократическую «волну» ответным движением. Первый «блин», как и следовало ожидать, оказался «комом»: надежда на то, что освобожденные от многолетней тирании иракцы тут же изберут для себя какой-то более или менее проамериканский и произраильский режим, не оправдалась. Но в резерве у США оставалось постсоветское пространство, значительная часть жителей которого действительно устала терпеть полуавторитарные режимы в своих странах и мечтала избавиться от них любым способом.

Украина являлась прекрасным испытательным полигоном для нового «глобального демократического витка». Для достижения намеченной цели требовались два условия: появление популярного лидера и сплочение разных флангов оппозиции. Эти условия были в наличии уже со времен событий 2000 г. Остальное было делом техники.

В определенном смысле творцы новой американской политики, так наз. неоконсерваторы, попытались претворить в жизнь замысел Троцкого — посредством новой революции вновь сплотить мир под контролем западной цивилизации. Не случайно многие видные неоконсерваторы, в т.ч. «крестный отец» этого движения социолог и философ Ирвинг Кристол, вышли из неотроцкистов. И дело здесь не в «революционности» неоконсерватизма, а в его глубинном западоцентризме. Не разделяя взглядов Троцкого на капитализм, неоконсерваторы в сущности сохранили характерное для него отношение к Западу как к центру и катализатору «революционных изменений» в мире. Именно в этом и заключается их принципиальное отличие от «новых левых», сделавших ставку на национальное самоопределение «третьего мира»*. В «оранжевом движении» неоконсерваторы закономерно увидели возможность вновь овладеть «духом мировой революции», чтобы ориентировать ее движение в нужном для себя направлении. Как

* На фундаментальные различия между социалистами 1930-х годов и леваками 1960-х указывает в своих мемуарах троцкиста и Кристол [Kristol 1995: 480].

писал в 2004 г. один из наиболее ярких неоконсервативных мыслителей Майкл Ледин, «нет более драматического доказательства смерти левых, чем тот факт, что их главная мечта — глобальная демократическая революция — перешла в руки тех, кто называет себя консерваторами» [Ledeen 2004].

Как известно, учение Троцкого о мировой революции является одним из аспектов его концепции «перманентной революции». Сам термин «перманентная революция» будущий вождь IV Интернационала заимствовал у своего соратника по событиям 1905 г., русско-немецкого революционера Александра Парвуса, впоследствии проявившего себя в качестве тайного посредника между Лениным и немецким Генеральным штабом. Так вот, в 1905 г. Троцкий вместе с Парвусом исходили из того, что в российской ситуации демократическая, т.е. буржуазная, революция немедленно перерастет в пролетарскую. Мне кажется, что Троцкий не без оснований ссылаясь здесь на работы Маркса времен европейской революции 1848 г., в которой создатель «научного социализма» обнаруживал следы того же самого перерастания. Вообще, Троцкий справедливо увидел в Марксовом учении о революции подтверждение неспособности разрушившего феодальный строй капитализма справиться с теми внутренними противоречиями, которые и вызвали его к жизни. Капитализм, по Марксу, — это фактически и есть перманентная революция, ибо при своем развитии, а точнее, разложении он неизбежно порождает социализм, ведущий к установлению всеобщего равенства.

Проблема, однако, заключалась в том, что Маркс писал о европейской революции и, соответственно, европейском пролетариате, а не об «отсталых» в политическом и социально-экономическом отношениях народах, трудовое население которых состояло преимущественно из крестьянства. И ортодоксальные последователи Маркса — те, кого мы привыкли называть «меньшевиками», — полагали, что ни о каком самостоятельном выступлении пролетариата в России, не говоря уже о еще дальше отодвинутых вглубь Азии странах, не может быть и речи. Считалась с реалиями и подавляющая часть большевиков, включая Ленина: отвергая, в отличие от меньшевиков, союз с либеральной буржуазией, она все-таки находила возможным соглашение с крестьянством, вернее, с его представителями — так наз. демократическими, или мелкобуржуазными, партиями типа эсеров.

Позиция Троцкого отличалась и от ленинско-большевистской, и от меньшевистской. Демократическая революция в России, по его мнению, должна сразу же перерасти в пролетарскую. Поэтому здесь и необходима диктатура пролетариата. Но на кого может опереться пролетариат в крестьянской стране? И тут-то Троцким и было выдвинуто его знаменитое положение, за которое он впоследствии поплатился отчуждением от своих коллег по партии: пролетарская революция в подобных странах должна опираться на поддержку пролетариата «передовых», т.е. промышленно развитых, стран, в которых существуют предпосылки для социализма. Иначе говоря, пролетарская революция в отсталых, небуржуазных странах должна приобрести интернациональный характер — в противном случае, как полагал Троцкий, порожденный ею строй обломится под грузом тех же самых противоречий, что сведут в могилу капитализм.

Таким образом, по Троцкому, периферия революционизирует центр, но при этом прежние иерархические отношения между ними сохраняются и даже укрепляются — в процессе мировой революции центр восстанавливает свое доминирующее положение. Данный тезис, на мой взгляд, очень важен для понимания «троцкизма». Троцкий — убежденный западник, видевший в пролетарской революции окончательную победу города над деревней, рационализма науки над стихийностью чувства* и, в конечном счете, Запада над Востоком. Да, Восток может «пронуться», революционизироваться раньше Запада, но коммунисты должны стремиться к тому, чтобы лидерство в революционном движении захватили их сторонники, т.е. фактически агенты западной цивилизации, только ее светлого будущего, а не капиталистического настоящего, которые, противодействуя мировой буржуазии, в конце концов помогли бы и западным рабочим сбросить оковы капитализма.

* В данной связи полезно вспомнить об увлечении Троцкого психоанализом как орудием преодоления некомпенсированных сознанием человеческих страстей [см.: Эткнд 1993].

На самом деле Троцкий — не столько предтеча современного антиглобализма, сколько создатель специфической версии глобализма. Не случайно некоторые нынешние ультралевые идеологи ставят ему в вину недооценку революционного потенциала «африканских» и «азиатских» народов, вытекающего из их национально-культурной специфики. И, конечно, столь же не случайно, что многие идеологи американского гегемонизма — Джеймс Бернхэм, Макс Шахтманн и, как уже говорилось, Ирвинг Кристал — отдали в свое время дань увлечению троцкизмом.

«Мировая революция» в версии Мао Цзедуна являла собой нечто принципиально иное. Для Мао, как и для его последователя Пол Пота, истинными носителями революционного начала в мире были именно эти якобы задержавшиеся в развитии народы периферии — жители мировой деревни. «Мировая революция» — это восстание мировой деревни против мирового города, т.е. народов Востока против народов Запада. Китайская «культурная революция», равно как и чудовищные действия Пол Пота по насильственной деурбанизации страны представляли собой попытку радикального очищения от скверны городской, буржуазной, культуры. Вне всякого сомнения, существуют определенные нити, связывающие маоизм с хомейнизмом, а последний с тем своеобразным изводом европейского леворадикального движения, который называется «политическим исламом». Все это в совокупности, как мы видим, вовсе не аналог «троцкизма», а радикальная ему альтернатива.

«Мировой город», страдающий от избытка потребления и контролирующий природные ресурсы всего мира, столкнулся с «мировой деревней», странами, не попавшими в «золотой миллиард», которым, как показывает пример «демократизирующегося» Ирака, не оставлено права распоряжаться собственной судьбой.

* * *

Итак, апелляция к «революции» предполагает актуализацию исторического контекста, в котором различные «узлы» мировой революции, продолжающейся с 1789 г. по сей день, образуют очень непростые связки. «Оранжевая революция» на Украине по целому ряду признаков может быть соотнесена с серией революций прошлого. Условия места (постсоветское пространство) и характер генезиса (оспаривание результатов выборов) сближают события на Украине в ноябре 2004 г. с произошедшей за год до этого «революцией роз» в Грузии. Через метафору «революции роз» «оранжевая революция» соотносится с «революцией гвоздик» в Португалии, положившей начало «третьей волне» демократизации, и «бархатными революциями» в Восточной Европе, на которых данная «волна» оборвалась. Все эти «цветные» и «цветовые» метафоры имеют одно значение — упомянутые революции носили мирный, ненасильственный характер. В свою очередь, участие молодежи, а также использование поп и рок-музыки с целью мобилизации протеста позволяют связать череду «бархатных революций» с базовой для всего этого «революционного комплекса» метафорой «революции-карнавала», восходящей к парижским событиям 1968 г.* Париж 1968 г. выводит череду «оранжевых событий» на столбовую дорожку истории — серия «бархатных революций» должна как бы вытеснить антиглобализм — другое порождение судьбоносного 1968 — во всех его версиях в качестве полноправного преемника революционной истории (от Робеспьера до того же Сартра) и заменить его своеобразным «демократическим неоглобализмом».

Необходимо, однако, учитывать, что, несмотря на кратковременный успех, попытка перехватить в начале XXI столетия «революционную» волну окончилась неудачей: события на постсо-

* Не случайно именно к образу Красного Парижа апеллировали как зачинщики несостоявшиеся московского Майдана, так и их противники. Когда одному из московских «молодежных революционеров» Роману Доброхотову был задан вопрос, кто, по его мнению, является «Сартром» предполагаемой московской революции, тот почему-то ответил: «Черчилль» [Сартр, Черчилль и новая либеральная идеология, не нуждающаяся в интеллектуальности 2005]. Здесь любопытен и сам факт обращения к реалиям 1960-х годов для осмысления будущих потрясений в российской столице, и нарочито парадоксальный ответ «оранжевого революционера», выдающий своеобразную инвертность «оранжевой» революции по отношению к революции «новых левых».

ветском пространстве, в отличие от происходившего в третьем мире, просто не воспринимались западными левыми в качестве знаковых для дела мирового освобождения. Поэтому не исключено, что в ближайшее время «мировое неравенство» пересилит в глазах левой интеллигенции «национальную тиранию» и слову «революция» будет возвращен его антикапиталистический и антизападный оттенок.

Магун, А. 2003: Магун А. Опыт и понятие революции // «Новое литературное обозрение», № 64.
Никсон, Р. 1992: Никсон Р. На арене. М.

Сартр, Черчилль и новая либеральная идеология, не нуждающаяся в интеллектуальности 2005: Kreml. Org; политическая экспертная сеть http://www.kreml.org/other/80529683?mode=print&user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca45c626

Сыромятников, С.Н. 1899: Сыромятников С.Н. Обо всем // «Новое время», 3 (15) октября, № 8477.

Трубецкой, Е.Н. 1915: Трубецкой Е.Н. Война и культура. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София (Публичная лекция). М.

Тютчев, Ф.И. 2003: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том третий. Публицистические произведения. М.

Фурсов, А. 2003/2004: Фурсов А. Операция «Прогресс» // «Космополис», № 4 (6), зима.

Хантингтон, С 2003а: Хантингтон С. Третья волна: Демократизация на исходе XX века. М.

Хантингтон, С 2003b: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. 2003.

Холмогоров, Е. 2005: Холмогоров Е. От «санитарного кордона» к «санитарной империи» // «Агентство политических новостей», 25.02; <http://www.apn.ru/publications/article1300.htm>

Эткинд, А. 1993: Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.

Hyland, W. 1987: Hyland W. Containment: 40 Years Later: The Sources of Soviet Conduct // «Foreign Affairs», Vol. 65, Number 4.

Kennan, G. 1947: Kennan G. The Sources of Soviet Conduct // «Foreign Affairs», Summer.

Kennan, G. 1987: Kennan G. Containment: 40 Years Later: The Sources of Soviet Conduct // «Foreign Affairs», Spring.

Kristol, I. 1995: Kristol I. Memoirs of a Trotskyist // Kristol I. Neoconservatism. The Autobiography of an Idea. N.Y.

Ledeem, M. 2004: Ledeen M. The End of the Left's History // «National Review Online», 29.12; <http://www.nationalreview.com/ledeen/ledeen200412020818.asp>

Sri Raman, J. 2006: Sri Raman J. Nepal's Battle Is No Part of the Bush War // http://www.truthout.org/docs_2006/041806G.shtml

Zizek, S. 1999: Zizek S. The Matrix, or two sides of Perversion // «Philosophy Today»; Celina; 1999; Volume: 43; <http://www.egs.edu/faculty/zizek/zizek-the-matrix-or-two-sides-of-perversion.html>

Печатается в сокращении по согласованию с автором.

Полный текст статьи опубликован в журнале «Полис» №5, 2006 г.

© Б.В. Межуев, 2006

Сергей Переслегин «РУССКИЙ МИР»: ПРОЕКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

ЛЕГЕНДА О «РУССКОМ МИРЕ»

Эта идеологема появилась в конце 1990-х годов, как ответ на тяжелую военную, политическую и экономическую ситуацию, в которой оказалась тогда Россия. Действительно, если к 140 миллионам граждан РФ каким-нибудь способом присоединить еще примерно столько же людей, разбросанных тремя волнами эмиграции, но продолжающих — плохо ли, хорошо ли — говорить на русском языке; людей, образованных, культурных, экономически успешных, то оценка «русскости» в мире меняется.

В языке стратегии эта концепция выглядит следующим образом:

Метрополия поддерживает россиян за рубежом. Речь идет о материальной, информационной, правовой поддержке, о создании общих финансовых механизмов и единых культурных институтов.

Таким образом действий Метрополия содействует жизненному успеху эмигрантов, и «де факто» увеличивает свое влияние в мире.

Мигранты способствуют экономической и смысловой экспансии метрополии. Они предоставляют ей людей, капиталы, рынки сбыта, зоны влияния — весь свой огромный, но лишенный всякой субъектности геополитический потенциал.

Метрополия «играет» на противоречиях между «своими» эмигрантами и принимающими народами, выстраивая таким образом механизм управления диаспорами. В свою очередь мигранты могут играть на противоречиях России и страны пребывания, конструируя систему отношений, которая позволит им фактически, если не юридически участвовать в управлении России и, прежде всего, использовать ее организационные ресурсы для своего продвижения.

Возникает весьма необычная общность, включающая в себя геополитический «материк» России и огромный диаспоральный «архипелаг». Такая общность способна не только создать собственную культуру, но и обрести когнитивную проектность. Единство экономики «Русского Мира» может быть обеспечено как через примитивные механизмы ремитанса, так и через придание рублю особого статуса «межвалютного расчетного средства» и другие инструменты когнитивной экономики, в частности — международные транспортные коридоры. «Точкой сборки» фрактального пространства «метрополия плюс диаспора» оказывается русский язык, и в этой логике русская национальная идея (о которой долго говорили большевики и демократы, националисты и либералы, Дума и Президент) приобретает простой и внятный вид: «Мир собираем в русском языке».

Подобно Европейскому Союзу «Русский Мир» оказывается не государством, но сложным комплексом взаимных договоренностей, большая часть которых должна носить неформальный (вероятно, даже не кодифицируемый) характер. Несколько утрируя, можно сказать, что «Русский Мир» выстраивается «по понятиям», в то время как Европейский Союз структурируется «правом». Во многих отношениях РМ и ЕС оказываются взаимными дополнениями: каждый из них рисует «кусочек Будущего», недостижимый и непостижимый для другого.

Русские эмигранты, являющиеся «де юре» гражданами Евросоюза и «де факто» адептами «Русского Мира», аккумулируют в себе сильные стороны обоих проектов, что дает им шанс перейти постиндустриальный барьер первыми.

«РУССКИЙ МИР» КАК ПРОЕКТНОЕ РЕШЕНИЕ

Увы, весь этот расчет — фикция. Никакого «Русского Мира» нет. Его нет даже на том примитивном уровне, на котором существует «Армянский мир», где финансовый поток «диаспора — метрополия» существует, хотя бы, как система ремитанса.

Государству Российскому, во всяком случае, его Министерству Иностранных Дел, посольствам и консульствам за рубежом, нет дела до соотечественников. Российским эмигрантам, в большинстве, нет дела не только до Метрополии (к которой они относятся, как правило, отрицательно), но даже и друг до друга. Эмигранты третьей и четвертой «волн» вообще не образуют диаспор и стре-

матся свести к минимуму контакты с иными лицами, говорящими на русском языке. Спорадические попытки то Администрации Президента, то почему-то вдруг мэра Москвы наладить какое-то взаимодействие с русскими общинами в Прибалтике отражают все признаки обычной политической игры, ориентированной на очередные выборы, но не на исторический результат.

Но если «Русского Мира» нет, это не значит, что его нельзя создать. Франция и Германия, пададины ЕС, «локомотивы европейской интеграции» не так уж давно находились между собой в отношениях, неизмеримо худших, нежели российское государство со своими диаспорами.

Интеграция никогда не происходит сама по себе. Во всех случаях это — проект, требующий человеческих усилий и финансовых инвестиций. «Русский Мир» обойдется России не дешевле, чем обошелся элитам Франции и Германии Европейский Союз.

Но, может быть, игра стоит свеч?

Хотя европейская интеграция имеет когнитивную составляющую, «центр тяжести» проекта лежит на правовых, политических и экономических механизмах, относящихся к индустриальной фазе развития. Приближение к «постиндустриальному барьеру» приведет к кризису этих механизмов, что можно интерпретировать как общий кризис ЕС. Этот результат, конечно, не является фатальной предопределенностью, но он весьма вероятен.

Напротив, конструируя «здесь и сейчас» институты «Русского Мира», мы имеем возможность максимально использовать те когнитивные механизмы — образовательные, научные, экономические и политические, которым по различным причинам «тесно» в современных индустриальных государствах: от «электронного правительства» до трансконтинентальных «фабрик мысли» и «знаниевых реакторов».

Европейский Союз создавался политиками, экономистами, священнослужителями на базе парламентской демократии, (относительно) рыночной экономики, созданной поколением раньше европейской транспортной сети и системы крупнейших европейских банков.

«Русский Мир» должны строить креативные группы на базе «электронного правительства», мировой компьютерной сети и ее отражения — мировой финансовой сети.

Европейский Союз породил современное авторское право, Шенгенские визовые границы и евро, как альтернативу доллару. Мы надеемся, что «Русский мир» создаст «закон о свободе информации», мировой безвизовый режим и возможность пользоваться любой валютой или даже обходиться вовсе без нее.

© С.Б. Переслегин, 2006

Найелл Фергюсон МИР БЕЗ ГЕГЕМОНА

Критикам глобального господства Америки следовало бы на время замолчать и подумать об альтернативе. Если Соединенные Штаты утратят свою роль гегемона, кто их заменит? Не Европа, не Китай, не исламский мир и, конечно же, не Организация Объединенных Наций. К сожалению, альтернативой однополюсному миру представляется отнюдь не «многополюсная» утопия, но кошмарная анархия новых «темных столетий».

Как бы то ни было, самой трудной задачей президента Джорджа У. Буша в период недавней предвыборной кампании было убедить американских избирателей в том, что его политика в Ираке оказалась успешной. Трудной потому, что, хотя Саддам Хусейн и был свергнут, свидетельства того, что он представлял серьезную и неотвратимую угрозу США или их союзникам, не выглядели убедительными. К власти в Багдаде было приведено новое правительство, но вооруженные формирования продолжают действовать в таких повстанческих центрах, как Эн-Наджаф, а террористические акции не идут на спад ни в столице, ни в других городах. Число погибших американцев перевалило за тысячу. Общие затраты на операцию составили, по всей видимости, не менее 100 миллиардов долларов. Аргументы же сторонников теории заговора, по мнению которых вторжение в Ирак имело своей основной целью сдерживание цен на нефть, оказались совершенно несостоятельными. Бензин никогда еще не был таким дорогим. Поэтому не приходится удивляться тому, что, по мнению половины американцев, войну вовсе не стоило начинать.

По этим причинам есть все основания в ближайшее время ожидать пересмотра принципов превентивности и политики односторонности, столь характерных для внешней политики администрации Буша. Военная сила больше не будет использоваться для насильственной смены режимов ни на Ближнем Востоке, ни где-либо еще. Главари военных режимов, обладающих большими военными арсеналами, чем были у Садама, и более тесно, чем он, связанные с террористами, могут теперь вздохнуть с облегчением. Никто больше всерьез не разрабатывает новых планов их разгрома. Джон Керри обещал быть президентом, обладающим достаточным кредитом доверия, чтобы вернуть наших союзников на нашу сторону, склонить их к тому, чтобы разделить с американцами финансовое бремя [войны], сократив его для американских налогоплательщиков, и уменьшить риск для американских солдат. Именно это, считает он, поможет довести дело до конца и вернуть американских солдат домой. В то же время его противник, Дж. Буш, к концу кампании странным образом перестал упоминать об «оси зла» (Ирак, Иран и Северная Корея), хотя и успел сразиться только с одним из элементов этой оси.

Для многих критиков администрации Буша — как внутри страны, так и за рубежом, — эта новая трезвость в американской внешней политике безусловно служит свидетельством перемен к лучшему. Можно предположить, что ничто так не обрадует Майкла Мура, как вывод всех американских войск с Ближнего Востока и предоставление Ираку, да и королевскому дому Саудов, возможности самим разбираться со своими делами. Можно предположить, что никто не будет доволен так, как германский канцлер Герхард Шрёдер, если янки уберутся восвояси.

Есть, правда, одна проблема с этим энтузиазмом по поводу американского отказа от глобальной гегемонии: а что последует за подобными событиями? Если Соединенные Штаты — как этого желают, по-видимому, все больше и больше людей — и впрямь сократят масштабы своего военного присутствия за границей, что тогда? Только самый наивный исследователь международных отношений способен поверить, что в таком случае человечество успокоится и сможет наслаждаться новым золотым веком вечного мира.

Мы склонны считать, что власть, как и природа, не терпит пустоты. Как свидетельствует история мировой политики, кто-то всегда выступает гегемоном или стремится стать таковым. Сегодня им являются США, столетие назад на их месте была Великобритания. Еще раньше — Франция, Испания и т. д. Знаменитый германский историк XIX века Леопольд фон Ранке, один из лучших знатоков искусства управления государством, рассматривал европейскую историю

эпохи модернити как непрекращающуюся борьбу за господство, равновесие сил в которой достигалось только чередой повторяющихся конфликтов.

Влияние экономической науки на исследования в мировой политике, похоже, лишь подтверждает представление об истории как о конкуренции соперничающих между собой государств. В своем вышедшем в 1987 году бестселлере «Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты 1500-2000 гг.» историк Пол Кеннеди из Йельского университета пришел к выводу, что, подобно всем империям прошлого, Соединенные Штаты и Советский Союз неизбежно придут в упадок, надорвав свои силы. На их место, утверждал Кеннеди, встанут растущие Китай и Япония, не стесненные грузом имперских военных обязательств.

Политолог Джон Миршаймер из Чикагского университета в книге «Трагедия политики великодержавности» дополнил проведенный П. Кеннеди анализ. Не надорвавшись, отражая натиск Германии и Японии, США, по его мнению, должны быть готовы к возвышению новых конкурентов. «Наиболее опасную потенциальную угрозу Соединенным Штатам, — отмечал он, — в начале XXI века представляет собой растущий Китай, и поэтому США глубоко заинтересованы в существенном замедлении темпов экономического развития Китая в ближайшее время». И Китай — не единственный соперник для Соединенных Штатов. По мнению Миршаймера, Европейский Союз также имеет возможность стать «грозным соперником».

Мощь и сила, говоря иными словами, не являются естественной монополией; борьба заладычество вечна и всеобща. Однополюсность, о которой многие заговорили после краха Советского Союза, не может быть продолжительной — хотя бы по той простой причине, что история не терпит гипердержав. Рано или поздно появятся соперники, и мы вновь вернемся к многополюсному миру великих держав. И даже если США сделают из своего иракского опыта вывод о необходимости отказа от имперских притязаний, другая страна или группа государств предпримут попытку претендовать на гегемонию.

Но что если все эти почтенные ученые ошибаются? Что если мир действительно вступает в период отсутствия гегемона? Что если на смену балансу сил придет отсутствие силы?

Подобные ситуации известны истории. Хотя летописцев прошлого, как правило, занимали деяния великих — будь то цивилизации, империи или национальные государства, — периоды мирового безвластия не остались без их внимания. К сожалению, примеры испытания мира периодами вакуума власти (или, если угодно, аполярности) вряд ли могут воодушевлять. Все, кто с нетерпением ждет упадка американской гегемонии, должны иметь в виду, что наиболее вероятной альтернативой господству США может стать не многополюсный мир соперничающих между собой великих держав, а мир, в котором вообще не существует гегемона. Аполярность способна обернуться анархией новых «темных столетий»: упадком империй и религиозным фанатизмом, грабежами и разрушениями в отдаленных регионах планеты, экономической стагнацией и отступлением цивилизации в немногочисленные укрепленные анклавы.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ТРОН

Почему в начале XXI века может возникнуть вакуум власти? Представить себе причины этого не слишком трудно.

Глиняные ноги американского колосса. Каким бы значимым ни казалось превосходство США в экономике, военной мощи и «мягком» культурном влиянии, Америка страдает по крайней мере от трех структурных дефицитов, уже сегодня ограничивающих эффективность и долговременность ее квазиимпериалистической роли. Первый — это растущая зависимость страны от иностранного капитала, с помощью которого финансируется чрезмерное частное и государственное потребление. Трудно назвать хоть одну империю прошлого, которая просуществовала продолжительное время после того, как оказалась зависима от зарубежных займов. Второй дефицит относится к численности вооруженных сил; Соединенные Штаты являются чистым «импортером» населения и потому не могут подкрепить свои гегемонистские устремления подлинной колонизацией. В то же время их сравнительно небольшая, не основанная на воинской по-

винности армия чрезмерно расплывлена в связи с продолжающимися интервенциями в Афганистане и Ираке. И наконец, особенно важно то, что США страдают от явления, которое следовало бы назвать «дефицитом приоритетов». Их республиканские институты и политические традиции затрудняют достижение консенсуса относительно долгосрочных проектов «строительства наций». За некоторыми исключениями, вмешательство Соединенных Штатов в дела иных стран на протяжении всего прошлого века было весьма непродолжительным. Американские войска задержались в Западной Германии, Японии и Южной Корее более чем на 50 лет; но ничего подобного нельзя сказать ни о Филиппинах, ни о Доминиканской Республике, ни о Гаити, ни о Вьетнаме, а тем более — о Ливане и Сомали. Последние опросы общественного мнения указывают, что сегодня американский электорат еще менее готов жертвовать кровью и жизнями в дальних странах, чем это было во время войны во Вьетнаме.

Старая Европа стареет все больше. Тем, кому во снах видится ставший противовесом американской гипердержаве Европейский Союз, лучше и не просыпаться. Несмотря на впечатляющее расширение ЕС в этом году, не говоря уже о валютном союзе 12 входящих в него стран, демографические реалии обрекают Европейский Союз на сокращение его международного влияния. Снижение рождаемости и рост продолжительности жизни ведут к тому, что средний возраст жителей Западной Европы уже менее чем через полвека приблизится к 50-летней отметке. «Уровень зависимости» в Европе (то есть число граждан, не работающих по причине возраста, приходящееся на каждого занятого в производстве) станет опасно высоким. Старая Европа скоро станет в прямом смысле слова старой. К 2050 году каждый третий итальянец, испанец и грек будут старше 65 лет, даже если принимать во внимание продолжающуюся иммиграцию. И европейцы окажутся перед болезненным выбором: либо американизировать свою экономику, то есть допустить большую иммиграцию и связанные с ней культурные перемены, либо превратить свои страны в закрытые, укрепленные сообщества пенсионеров. Пока же замедление институциональных реформ в ЕС означает, что отдельные европейские государства будут по-прежнему обладать значительной автономией в неэкономических вопросах, в частности во внешней политике и сфере обеспечения безопасности.

Грядущий экономический кризис в Китае. Оптимисты настаивают, что китайское «экономическое чудо» последнего десятилетия не закончится, а темпы хозяйственного роста сохранятся на столь высоком уровне, что в течение 30-40 лет внутренний валовой продукт Китая превзойдет американский. Однако не очевидно, что закономерности развития, справедливые для всех растущих экономик, изменятся только ради того, чтобы порадовать Пекин. Во-первых, никуда не исчезает фундаментальная несовместимость свободной рыночной экономики, всегда основывающейся на частной собственности и верховенстве закона, и коммунистической монополии на власть, порождающей коррупцию и затрудняющей формирование прозрачных налоговых, денежных и регулирующих институтов. Как свойственно и экономикам других «азиатских тигров», производство опережает внутреннее потребление (что делает экономику зависимой от экспорта) и в еще большей степени — развитие национальной финансовой системы. На деле никто не знает реального масштаба скрытых проблем китайского банковского сектора. Тем западным банкам, которые скупают сейчас невозвращенные долги китайских предприятий, с тем чтобы закрепиться в экономике страны, следует помнить, что подобная стратегия однажды уже была опробована: сто лет назад, в эпоху политики «открытых дверей», американские и европейские фирмы ринулись в Китай лишь для того, чтобы потерять свои инвестиции в огне войн и революции.

Тогда, как и сейчас, надежды на быстрое развитие Китая носили характер эйфории, особенно в США. Однако они не оправдались; разочароваться, быть может, придется и теперь. Финансовый или банковский кризис в Китае может иметь страшные последствия, особенно если зарубежные инвесторы осознают, как сложно репатриировать принадлежащие им китайские активы. Напомню: когда иностранцы инвестируют напрямую в заводы, не пользуясь такими посредническими инструментами, как облигации, необходимость во внутреннем контроле за движением капитала отпадает. В самом деле, как можно вывезти из страны металлургический завод?

Фрагментация исламской цивилизации. Учитывая, что уровень рождаемости в мусульманских обществах более чем вдвое превышает средний по Европе, в ближайшие годы давление со стороны исламских стран Северной Африки и Ближнего Востока на Европу и Соединенные Штаты усилится. Если, например, к 2050 году (как, предполагая неизменными уровни рождаемости, предсказывают эксперты ООН) Йемен превзойдет Россию по численности населения, должна будет либо коренным образом улучшиться экономическая ситуация на Ближнем Востоке, либо существенно вырасти эмиграция из арабских стран в стареющую Европу. Но постепенная колонизация европейских городов мусульманами — наиболее заметная в таких местах, как французский Марсель, где выходцы из Северной Африки заселили все пригороды, — не обязательно предвещает появление новой и грозной «Евразии». На деле мусульманский мир расколот как никогда, и не только по линии традиционных противоречий между суннитами и шиитами. Линия раскола проходит также между теми мусульманами, кто пытается найти способ мирного сосуществования с Западом (этот импульс воплощен в стремлении турецкого правительства ввести свою страну в Европейский Союз), и теми, кого привлекает революционный исламский большевизм ренегатов вроде лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена. От Марокко до Пакистана опросы указывают на устойчивые антиамериканские настроения, но не на единство мнений. В Европе только немногие мусульмане открыто выражают симпатии к террористическим организациям; основная масса молодых иммигрантов в Англии явно предпочитают джихаду ассимиляцию. Нам пока далеко до двухполюсного столкновения цивилизаций и еще дальше — до появления нового халифата, который стал бы серьезной геополитической угрозой для США и их союзников.

Подытожим: каждый из потенциальных гегемонов XXI века — США, Европа и Китай — похоже, несут в себе зародыши упадка, а ислам остается распыленной силой в мировой политике, не обладающей ресурсами сверхдержавы.

ВО МРАКЕ И РАЗОБЩЕННОСТИ

Представим себе, что при наихудшем варианте развития событий предпринятая американскими неоконсерваторами попытка вмешательства в Ирак оканчивается неудачей, а проект демократизации Ближнего Востока под дулами пушек завершается бесславным выводом войск и переходом от имперской политики к деколонизации менее чем через два года после вторжения. Предположим также, что ни одна из набирающих силы стран-соперниц не пытается заполнить вакуум, который в результате образуется не только в Ираке, но и, вполне вероятно, в Афганистане, на Балканах и на Гаити. Каким будет тогда наше аполярное будущее? Ответ на этот вопрос непрост, поскольку история знает слишком мало периодов, когда на роль глобального или, по крайней мере, регионального гегемона не имелось бы явного претендента. В новейшей истории наиболее близким аналогом могут служить 1920-е годы, когда США отвергли вильсоновские идеи глобальной демократии и системы коллективной безопасности, построенных вокруг Лиги Наций. Существовал также и непродолжительный вакуум власти в Центральной и Восточной Европе, последовавший за крушением романовской, габсбургской, Гогенцоллерновской и Османской империй. Однако тогда старые европейские империи быстро прибрали к рукам лакомые куски оттоманского режима на Ближнем Востоке. Большевикам к 1922 году удалось вновь собрать бывшую царскую империю. А к 1936 году полным ходом осуществлялся германский реванш.

Поэтому, чтобы отыскать период реальной и длительной аполярности, нужно заглянуть немного дальше в глубь истории — в IX и X столетия.

В тот период пик могущества обломков Римской империи — Рима и Византии — уже остался далеко позади. На Западе власть была поделена между папами и наследниками Карла Великого, поделившими его недолговечную империю согласно Верденскому договору 843 года. Вплоть до коронации Оттона I* в 962 году не появилось ни одного солидного претендента на императорский трон, да и сам новый император был лишь одним из германских принцев с притязаниями (так никогда и не осуществившимися) на роль правителя Италии. Византия же увязла в то время в подавлении восстания болгар в своих северных провинциях.

К 900 году халифат Аббасидов, основанный в 750-м Абу-Аббасом, также миновал вершину своего подъема, а к середине X века он находился в глубоком упадке. В Китае императорская власть переживала тяжелые времена, вызванные переходом власти от династии Тан к династии Сун. Обе эти империи имели блистательные столицы — Багдад и Чаньань, но ни одна из них уже не претендовала на дальнейшую территориальную экспансию.

Слабость прежних империй позволила укрепиться новым, более мелким образованиям. Когда хазары в 740 году приняли иудаизм, их каганат заполнил властный вакуум на территории между Черным и Каспийским морями. В Киеве, далеко за пределами досягаемости Византии, княжна Ольга в 957 году перешла в православное христианство, положив начало будущей Российской империи. Сельджуки, предшественники османских турок, основали Румский султанат после утраты аббасидами контроля над Малой Азией. В Африке существовала своя мини-империя в Гане; в Центральной Америке — цивилизация майя. Связи между этими сообществами были либо минимальными, либо отсутствовали вовсе. Данная ситуация была прямой противоположностью глобализации. То был мир разобщенных, интравертных цивилизаций.

Одной из особенностей этой эпохи было то, что в условиях отсутствия мощных светских государств религиозные вопросы приводили к серьезным потрясениям. Религиозные институты нередко задавали политические установки. В VIII и IX веках Византию подрывало движение иконоборцев. К XI веку Папа почувствовал себя настолько сильным, что решился нанести поражение императору Священной Римской империи Генриху IV в споре о том, за кем из них должно оставаться право назначать епископов. Новые монашеские ордена обрели значительную власть в христианских землях, в особенности орден клянийцев — первый, которому удалось централизовать монашескую организацию. В мусульманском мире реальная власть находилась в руках улемов (духовенства). Не удивительно, что этот период завершился кровавыми священными войнами, известными под названием крестовых походов, первый из которых был организован европейскими христианами в 1095 году.

Однако за тем, что могло казаться «столкновением цивилизаций», на деле скрывалась уязвимость аполярного мира для военных рейдов, предпринимавшихся более «отсталыми» народами против городских центров. Викинги неоднократно грабили западноевропейские города в IX веке — в качестве всего лишь двух примеров достаточно привести [захват] Нанта в 842 году и Севильи в 844-м. Один франкский летописец с ужасом описывал «нескончаемый поток викингов», устремляющихся на юг. Константинополь в 860 году также был разграблен в результате похода русичей — племен, составивших затем ядро будущей России. Это «яростное и дикое племя не знало сострадания, — сетовал византийский патриарх, — подобно ревущему морю, они разрушали все, не щадя никого». Такими были реалии эпохи анархии.

Не удивительно поэтому, что будущее виделось за небольшими, способными себя защитить политическими образованиями — такими, как Венецианская республика, типичный пример города-государства, проводившего собственную внешнюю политику уже к 840 году, или созданное в Англии в 886 году королевство Альфреда Великого, которое считают первым в европейской истории образованием, напоминающим национальное государство.

ПОРАЖЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВ

Может ли аполярность ввергнуть сегодня мир в период, подобный эпохе короля Альфреда? Может, но отличия будут важными и тревожными.

Разумеется, можно себе представить, что устоявшиеся мировые центры власти — США, Европа и Китай — замкнутся в своих собственных региональных сферах влияния. Но как быть с растущими претензиями на самостоятельность, о которых заявляют международные организации, созданные под американским руководством после Второй мировой войны? ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ранее — Генеральное соглашение по тарифам и торговле) — каждая из этих организаций видит себя в каком-то смысле представителем «международного сообщества». Так ли уж отличаются их стремления к управлению на глобальном уровне от духа «темных столетий»?

Претензии на универсализм были неотъемлемой частью риторики и той эпохи. Каждая империя мечтала о власти над всем миром; их правители, не подозревая иногда о существовании других цивилизаций, могли даже верить в реальность таковой. На самом же деле, однако, не было ни всемирного христианства, ни всеобъемлющей Поднебесной империи. Реальностью была политическая фрагментация. И это справедливо и для наших дней. Определяющей чертой современной эпохи является сдвиг власти не вверх, к наднациональным институтам, а вниз. С утратой монополии государства на осуществление насилия и его способности контролировать коммуникационные сети человечество вступило в период, характеризующийся дезинтеграцией не в меньшей степени, чем интеграцией.

Если свободное движение информации и средств производства увеличивает возможности транснациональных корпораций и неправительственных организаций (а также и евангелических религиозных культов любого толка), то свободный обмен технологиями разрушения усиливает криминальные организации и террористические группы. Складывается впечатление, что эти группы теперь способны действовать где им захочется — от Гамбурга до сектора Газа. В противоположность этому мандат международного сообщества отнюдь не глобален. На деле он все более ограничивается несколькими «стратегическими» городами — вроде Кабула или Приштины. Одним словом, именно негосударственные агенты, включающие как «монахов», так и «викингов» наших дней, обладают реальной глобальной властью.

И что же остается? Упадок империй. Религиозное возрождение. Повсеместная анархия. Грядущее отступление в укрепленные города. Все это — опыт «темных столетий», который миру, оставшемуся без гипердержавы, скоро придется испытать вновь. Проблема, однако, состоит в том, что новое «темное столетие» окажется намного более опасным, чем то, что уже было пережито человечеством в IX веке. Мир населен почти в 20 раз плотнее, и потому конфликты между различными «племенами» неизбежно окажутся более частыми. Технологии преобразовали производство, и теперь человеческие сообщества зависят не только от наличия пресной воды и хорошего урожая, но и от снабжения углеводородным топливом, запасы которого, как известно, конечны. Технологии усовершенствовали также и деструктивные возможности; сегодня можно не просто разграбить город, но и полностью уничтожить его.

На протяжении двух десятков лет глобализация — интеграция мирового рынка товаров, трудовых ресурсов и капитала — способствовала росту уровня жизни людей повсюду в мире за исключением тех стран, которые сами изолировали себя от этого процесса тираническими режимами или гражданскими войнами. Поворот глобализации вспять, который может быть вызван наступлением новых «темных столетий», с неизбежностью приведет к экономической стагнации и даже депрессии. В случае повторения событий 11 сентября, скажем, в Хьюстоне или в Чикаго США несомненно предпримут дополнительные меры защиты и потому превратятся в менее открытое общество, не столь гостеприимное по отношению к иностранцам, собирающимся посетить страну в поисках работы, с частным визитом или же для развития своего бизнеса. Между тем по мере того, как будут разрастаться мусульманские анклавы в Европе, инфильтрация исламских экстремистов в ЕС примет необратимый характер, и трансатлантические разногласия по проблемам Ближнего Востока дойдут до критической точки. Экономический кризис в Китае приведет к краху коммунистической системы, высвобождая те же центробежные силы, которые подрывали мощь и прежних китайских империй. Западные инвесторы понесут убытки и сочтут, что более низкие прибыли дома предпочтительнее дефолта за рубежом.

Худшие последствия новых «темных столетий» проявятся на окраинах слабеющих великих держав. Богатейшие порты глобальной экономики — от Нью-Йорка до Роттердама и Шанхая — станут объектами нападений грабителей и пиратов. Террористам нетрудно будет разрушить режим свободного мореплавания, сделав своими мишенями нефтетанкеры, авианосцы и круизные лайнеры, в то время пока западные страны всецело сконцентрировались на укреплении безопасности своих аэропортов. Одновременно ограниченные ядерные войны могут опустошить целые регионы, начиная с Корейского полуострова и Кашмира вплоть до Ближнего Востока. В Латинской Америке безнадежно бедные низы будут искать утешения в евангелическом христиан-

КУЛЬТУРА ЖИЗНИ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ СМЕРТИ. РОССИЙСКИЙ ИДЕАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИМФОНИИ

стве, импортируемом религиозными организациями из США. В Африке великая чума СПИДа и малярии продолжит свою смертоносную работу. Немногочисленные авиакомпании, которым удастся избежать банкротства, просто отменят рейсы во многие города этих континентов. Кому придет в голову ехать туда, покидая свои защищенные надежной охраной убежища?

По всем этим причинам перспектива аполярного мира должна пугать нас намного сильнее, чем пугала она наследников Карла Великого. И в случае, если США отойдут от [политики] глобальной гегемонии — а гегемония эта сегодня существует только в сознании самих американцев, уже уязвленном мелкими поражениями на отделенных рубежах империи, — мы не станем свидетелями ни эры многополюсной гармонии, ни даже прежнего баланса сил, как бы ни пытались нас в этом убедить противники американского доминирования.

Будьте осторожнее в своих пожеланиях. Многополюсность не станет альтернативой однополюсности. На смену последней придет аполярность — глобальный вакуум власти. И от этого, не столь уж и нового, глобального беспорядка выиграют силы, намного более опасные, нежели соперничающие между собой великие державы.

Публикуется по согласованию с редакцией журнала «Свободная мысль — XXI».

Ранее опубликовано в журнале «Свободная мысль — XXI» №1 2005 г.

© Перевод, «Свободная мысль — XXI», 2005

КЛУБ «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»

Темы заседаний сезона 2005/2006

1. «Государство и олигархия» — 30 сентября 2005 г.
2. «Постиндустриальный класс» — 14 октября 2005 г.
3. «Какая конституция нужна России? К столетию манифеста 17 октября 1905 года» — 28 октября 2005 г.
4. «Кризис цивилизации: переселение народов» — 25 ноября 2005 г.
5. «Кризис цивилизации: картография глобального ландшафта» — 9 декабря 2005 г.
6. «Кризис цивилизации сквозь призму антропологии» — 20 декабря 2005 г.
7. «Глобальная революция: ретроспектива и перспективы» — 13 января 2006 г.
8. «Закат России и проект нового государства-цивилизации» — 27 января 2006 г.
9. «Альтернативные сценарии глобальной революции» — 10 февраля 2006 г.
10. «Другая Россия. Революция как предмет мусульманской политической мысли» — 17 февраля 2006 г.
11. «Модели власти» — 21 февраля 2006 г.
12. «Русский проект: модели для сборки» — 20 марта 2006 г.
13. «Украина — Белоруссия — Казахстан: политическая динамика на постсоветском пространстве (к итогам выборов)» — 31 марта 2006 г.
14. «Политико-экономическое положение в России: современная ситуация и перспективы развития» — 13 апреля 2006 г.
15. «Государство-корпорация» — 25 апреля 2006 г.
16. «Мечта и катастрофа: смена прописей мира» — 22 мая 2006 г.
17. «Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса» — 31 мая 2006 г.
18. «Пришествие виртуального мира: галактика интернет» — 7 июня 2006 г.